

Миша Дрик

Виктория
Задорожная

СИНДРОМ



А д е л л и

Какой занятный пациент... Кем только не назовется человек с раздвоением личности! Этот говорит — психотерапевт! Что ж, на время нашего сеанса — ему виднее. Внимательно слушаю, что говорит. Важно вникнуть в каждое слово. В каждую деталь рассказа...

У него лечились двое. Парень и девушка. В последствии — с обоюдным синдромом Адель. Страстная тяга друг к другу лишила их рассудка. Самым логичным решением было — отстранить больных от негативного влияния, разделив. Напротяжении года они не виделись. А после улучшения — первая встреча влюбленных закончилась рядом новых проблем... Сам же доктор попал сюда, с неутешительным диагнозом. До чего занятный случай... Стоит разобраться! Тем более, названный коллега утверждает, что может предоставить неоспоримые доказательства своей правоты.

Синдром Адели

Миша Дрик, Виктория Задорожня

— Лизочка, принесите кофе! — Фыркнула в сторону приемной, состряпав на лице некое подобие улыбки. Пятница — день тяжёлый... За неделю скопился ворох неосязаемых уставшим взглядом мыслей, и вдохновения на расшифровки этих карикатур не осталось. — И, Бога ради! Прекратите предлагать моим пациентам ромашковый чай! У меня от его запаха начинается мигрень!

Честное слово... Если бы банальный травяной напиток мог помочь им снять напряжение — я давно могла бы позволить себе отпуск! Захлопнула двери в свой кабинет... Наконец! Пятнадцать минут покоя! Рухнула на кресло, вдыхая с наслаждением аромат бодрящего напитка, облокотилась о мягкое быльце. Приспустила с пяток намозолившие туфли, и размяла саднящие потёртости... Черт побери! Скоро мне самой понадобится психиатр! Десять лет практики ощутимо сказываются на мировоззрении... Даже с семьёй общаюсь, будто пытаюсь раскопать подноготную! Нет... Мне правда необходим отдых! И ведь... Люблю свою работу! Только она стала такой монотонной за последние годы... Шизофрения, фобии, расстройства личности, слабоумие... Всё то на почве стресса, то от затянувшейся депрессии... Надоело! Никакого просвета... Хоть бы случай какой интересный! Ну, честное слово!

Бросаю равнодушный взгляд на лежащую рядом папку. Лениво перелистывая переплет, читаю. Что ещё за эксклюзив намеревается окончательно испортить мой день? Виктор Степанович Брусникин... 40 лет, поступил с подозрением на раздвоение личности. Нет родных, близкие тоже не давали о себе знать. Утверждает, что является психотерапевтом...

Ну... Вот... Это уже что-то... Глаза заинтересованно загорелись, и я склонилась над личным делом, внимательно изучая данные пациента. Кофе осталось стечь на краю стола, с каждой минутой теряя насыщенность аромата... такого целую вечность не случалось! Чтобы я самолично пожертвовала честно заслуженным брейком ради анализа описания личности... Он утверждает... Это понятно... Врач, говорит. Мне и не такое слышать приходилось! Я и с княгиней Ольгой имела честь общаться, и с Наполеоном, и даже с Да Винчи, чёрт побери! До сих пор помню ту возню мокрой землёй по больничным стенам, что сей чудный подражатель нарекал Мадонной! Но... Почему психотерапевт? Перевернула страницу... Аккуратный почерк излагающего говорит о том, что мужчина не буйный, довольно спокойный. Правша, преобладает левое полушарие. Невроз не наблюдается. Систематически нервные окончания не поражены. Что ж... Уже кое-что... Теперь, перейдем к сути... Что же ты расскажешь о себе, коллега?

... Меня часто спрашивают, что происходит на приеме? Думают, я заранее знаю, что в психике пациента не так! Что я моментально решу все их проблемы, что я всемогущ.

Первое — пациент рассказывает, по возможности, что его беспокоит, свои страхи, сомнения... Второе — связь с пациентами — это параллельная реальность. Новый пациент — и всё, что знал до этого, оказывается не нужным. Новый больной — новая проблема. Не помогает ни жизненный опыт, ни здравый смысл, ни логика. Больному не нужны мои умозаключения, ему нужны поддержка и слушатель. И тогда они хотят узнать что-то новое, осознать то, что мешает жить. На моих приемах мы отправляемся в путешествие к самому себе... Третье — понимание, хотят ли они быть тем, кем стали или это лишь оболочка. Чаще всего пациент не может понять, что он хочет и я помогаю разобраться в себе и передать своё

отношение к происходящему. Это их мир, их личное пространство, в которое допущен я... Обычные сведения о себе не содержат ничего нового для пациента, но этот период чрезвычайно важен для знакомства обеих сторон. Пациент очень внимателен к реакциям на его слова, он оценивает насколько подходит ему сидящий напротив человек, можно ли быть с ним открытым и откровенным... Выслушивая пациента, я тоже определяю своё отношение к нему. И четвертое — принятие. Принятие себя... Я обычный человек и ничто человеческое мне не чуждо...

Прочла... Очень интересно... Потерла висок, ещё раз пробежавшись взглядом по вышеизложенным строкам... Протяжно вздохнула, и, наконец, отхлебнула глоток своего остывшего американо. Чудно... Виктор Степанович, чудно... Не будь в этой истории болезни уже определенного диагноза — я бы и правда могла купиться, что мы коллеги... Этот вечер обещает быть довольно интересным — подумалось мне прежде, чем в дверь размеренно постучали.

- К Вам можно?

В приоткрытой створке показался мужчина средних лет, растерянно забежавший глазами по периметру моего кабинета. Интерьер располагающий, в светлых тонах, как и должно быть в приемной для людей с психологическими отклонениями. Прибавим к этому мою проработанную годами, обаятельную улыбку, и имеем податливого больного, без всяких признаков опаски, с вероятным перетеканием в агрессивно-буйствующее состояние. В мою обитель крайне редко вбегали санитары со снотворным... За что я очень благодарна своему покладистому нраву.

— Войдите. Меня зовут Ольга. Ольга Николаевна Лесицкая. Я — ваш лечащий врач. Присаживайтесь, располагайтесь, как вам будет удобно. Виктор Степанович, как я понимаю?

— Да... Да, он самый, — невнятно пробормотал больной. Присел на краешек дивана и сложил руки на коленях. — Вызывали?

— Ну, Виктор, позвольте звать вас по имени? Не люблю лишних формальностей... Вызывали — не совсем уместное определение. Давайте рассматривать наше с вами общение, как близкое знакомство двух,ходящих друг на друга общими интересами, людей? Считайте, вы у меня в гостях. — очень важно дать понять посетителю психиатрии, что здесь к нему относятся не как к больному, и ни в коем случае не смотрят сверху вниз! Это необходимость, без которой откровенный разговор заведомо невозможен. А конструктивный диалог как правило вытекает только с доверия... Потому, акцент Всегда на этом. — Скажите, вы ведь не ощущаете дискомфорта, когда мы с вами просто мило болтаем? Сейчас я могу вас заверить, что и в дальнейшем беседа будет протекать только в самом приятном для вас русле. Потому, можете без опаски мне довериться. Это будет взаимовыгодное содействие. Что скажете?

Мои слова вызвали раздражение, это можно было понять по его смешку и недовольному ворчанию.

— Довериться? Вы считаете я могу кому-либо довериться?! Меня сослали к черту на рога, лишили всей моей жизни, которой я посвятил всего себя. — Пациент встал, беспомощно развел руками и зашагал по комнате. — Вы не понимаете! Никто не понимает! Никто не верит! — Он подошёл ближе и посмотрел на меня ясным незамутненным взглядом. — Я врач — психотерапевт. Это не выдумка. Не психологическое расстройство с

элементами раздвоения личности. Я — доктор наук, между прочим! — Произнеся свою пламенную тираду, больной сел в кресло и внимательно посмотрел на меня, наверняка гордясь произведенным эффектом.

Понимающе кивнула, и расслабленно присела, сложив на подбородке пальцы. Никаких резких движений, ни малейшего повода раздосадоваться уязвимой душе.

— Ну, отчего-же вы решили, что ни один человек не поверит? Как психотерапевт психиатру, скажите — есть ли что-то, в чем личность нашей профессии не смогла бы убедить собеседника? Убеждаю вас, Виктор, что поверю каждому вашему слову, если, конечно, вы обоснуете свою речь объективными доводами и соответствующими аргументами. Если же этого не произойдет — в одном могу уверить вас наверняка — я точно поверю в то, что в ваше видение ситуации верите Вы сами. — Общение с пациентом, утверждающим, что он имеет отношение к психиатрии, должно быть соответственным. Я не скрываю терминов и сложности речи — таким образом переманиваю на свою сторону. А как он себя при этом покажет — отличная возможность прощупать почву, что я и собираюсь сделать.

— Конечно я верю себе, верю в себя, Ольга Николаевна, но не думаете ли вы, что я сам не пользовался подобной терминологией?! Давайте не будем тратить ни ваше, ни моё время. Задавайте вопросы, выясняйте ситуацию. Объясните, наконец, как так вышло, что меня просто вычеркнули? Что никто ничего обо мне не слышал? — Он поправил на переносице свои большие очки с толстыми стеклами и продолжил: — Я знаю, что сейчас веду себя немного импульсивно, но поймите меня правильно, я устал... Чертовски устал доказывать, что я не являюсь пациентом вашей лечебницы! У меня свой кабинет, своя клиентура! У меня есть несколько трудов о психических расстройствах и действенных методах лечения и ухода, позволяющие уменьшить страдания больных. Моей последней работой был доклад о биполярном расстройстве психики. Всё это, при желании, вы можете узнать. Только так я смогу доверять вам. Только так мы сможем найти общий язык. И только так вы сможете не только оказать услугу своему коллеге, но и помочь двум подросткам, которых похитили, а меня засунули сюда... — Вот это речь! Вот это спектакль! Интересно! Я отложила ручку, которую до этого момента перекачивала между сжатыми зубами, увлекшись рассказом необычного пациента.

Задумалась. В чем же дело? Я работала с достаточным количеством пациентов, с самыми разнообразными диагнозами. И прежде со мной говорили не менее убедительно. Однако, далеко не так здравомысленно. Что ж, в любом случае, он не оставляет мне иного выбора, кроме как подыгрывать.

— Виктор... Давайте поступим следующим образом. Раз вы не хотите терять время даром — я последую вашей просьбе, и поищу названную вами литературу. А я всегда держу свое слово, раз уж его даю. — пристально посмотрела в зелёные глаза мужчины. Кажется, моё обещание произвело нужный эффект. Он тут же сменил раздражительность и отстраненность на надежду во взгляде. Теперь я более чем уверена — сам "коллега" убеждён в своих словах на тысячу процентов. Шанс переубедить его ничтожно мал. Что ж, посмотрим, как он будет аргументировать свои слова в дальнейшем, когда выяснится, что никаких трудов он не издавал, и никакую практику не проводил... А если.... Вдруг... Нет! Что за чушь? Он, конечно, говорит очень правдоподобно, но, не стоит верить всему, что сказал человек с настолько неутешительным заболеванием! — Теперь, если вы не возражаете, я хотела бы послушать историю этих подростков. Кто они, и зачем, по вашему

мнению, их понадобилось кому-то похищать?

— Есть у меня один пациент... Вернее, был... Не получив в детстве достаточно любви, он требовал её от других, причем достаточно умело манипулировал ими для достижения своей цели. Но, суть в том, что он полностью зависел от реакции этих людей и обижался на них, если не достигал желаемого. В основе его поведения лежит страх и недоверие. Он воспринимал меня всегда как авторитета. У него не было возможности в детстве увидеть своих родителей достойными любви, и он приписывал качества идеала мне, ждал от меня похвалы. А затем разочаровывался и сердился и требовал, чтобы я соответствовал его ожиданиям. Это вызывало напряжение между нами. Но со временем наша связь стала глубже. Передо мной стояла нелегкая задача, не поддаваясь соблазну быть идеалом, предстать перед ним обычным реальным человеком... Я прикипел к нему, а этого делать было нельзя... Терапия закончилась, когда парень начал воспринимать и принимать себя живым, со своими слабостями и достоинствами. Он стал способным самостоятельно справляться со своей жизнью и возникающими проблемами, и обрел способность быть независимым, а также возможность выбирать самому устраивающий его стиль жизни, людей, работу.... Всё в его жизни было неплохо, пока... спустя несколько лет он снова не оказался в моем кабинете, в моей клинике. Из-за одержимости... девушкой. От безумной зависимости к которой он медленно сходил с ума. Спустя несколько дней, в его доме нашли девушку, которая выглядела не лучше, чем он. Её тоже привезли в клинику. Оказалось, что они страдают одним заболеванием. Заболеванием, с которым я никогда не сталкивался по причине их взаимности, — синдром Адели*... Я лечил их около года, не давая возможности узнать друг о друге, пока, в один день, не пообещал себе устроить им встречу, надеясь на положительную динамику в лечении. В тот день всё пошло наперекосяк...

Синдром Адели — психическое расстройство, которое заключается в любовной зависимости, схожей по тяжести с наркотической. Синдромом Адели называют всепоглощающую и длительную любовную одержимость, болезненную страсть. Своим названием синдром обязан Адель, дочери знаменитого французского писателя Виктора Гюго, которая вплоть до самой смерти страдала от неразделённого чувства к английскому офицеру Альберту Пинсону.

Глава 1. Начало их истории

Эви

— Послушай, милая, ты не права... Это платье выглядит на тебе великолепно! Ну, посмотри! Атлас так соблазнительно вторит изгибам в нужных местах... — Чертова лицемерная дрянь! Знаю я, какая с тебя советчица! Завистливая стерва! Тебе ведь хочется, чтобы этот лакомый кусочек посчитал меня шлюхой? Тогда и второсортной выпадет небольшой шанс на удачу! Но... Я не настолько глупа, чтобы купиться на этот трёп!

— Знаешь, ты, конечно, может и права, дорогая... Но, я, пожалуй, остановлюсь на голубом. Оно выглядит менее... откровенно, зато, оставляет по себе ощущение неразгаданной тайны... Такое ведь нравится мальчишкам, как считаешь? — Улыбаюсь. Что-то, а улыбаться умею... Самая популярная девушка в университете. Самая желанная. Я знаю это... Кто-то посчитает, что самооценка завышена? К черту! Это факт, он не терпит опровержений! Это у меня в крови... Симпатичная. Красивая... Стильная стрижка, идеально подходящая под мелко вьющийся шатен, большие карие глаза, пухлые, розовые губки, сложенная фигурка, с изгибами и выпуклостями в нужных местах... И это далеко не всё! Внешность не решающий фактор, когда конкуренция большая. А среди всех учащихся красоткой можно назвать далеко не меня одну! Только... Как себя подать, известно совсем не каждой. Мне вот — известно! Люблю внимание. Лидер по натуре. Всегда умела заставить окружающих слушать. Милая, вежливая, общительная. Однако, никого не подпускать слишком близко! Всем известно... Как только люди начинают узнавать скрытую суть — теряют интерес. Разочаровываются, и статус лучшей упорхает... К новым, неизведанным горизонтам.

— Конечно, Эви, тебе виднее. — Вот же, дочь шакала! И умеет ведь состряпать видимость искренней эмоции... Подлиза треклятая. Я то знаю, дай ей возможность, первая одела бы мне на голову ведро с помоями! Ведь это мне повезло получить приглашение на свидание от новенького красавчика... Первое положительное впечатление за триместр. Переехал с пригорода в столицу. Хочет стать адвокатом... Не мальчик, а конфетка! Каждая сучка нашей кафедры мысленно оседлала его! Пусть мечтают... Пока он мне интересен — ни у кого нет и намека на шанс!

Несколько капель духов на запястьях, неброский блеск для губ и тонкий слой теней на веки... Всё, девочка, ты готова. Он точно сойдёт от тебя с ума!

☆☆☆☆☆

— Привет! Рад тебя видеть! — восторженно воскликнул, издали меня приметив. Конечно, рад! Будешь паинькой... Возможно, угощу тебя сладеньким в этот вечер — подумала, плавно перебирая каблучками по асфальту. С каждым шагом все отчетливее вижу, как он нервно дышит... И правда, рад! Сейчас слюной зайдет от восторга! Попридержал бы ты лошадок, норовистый! Этот кусочек счастья тебе ещё придется заслужить!

— Тоже рада тебе... — протянула с придыханием, проводя по нижней губе кончиком языка. Я девственница, но... Умею задавать нужный темп, чтобы вызвать в мужчинах желание. Они хотят милых, симпатичных и покладистых девочек, с ловко скрытым огоньком... А я умею такой притворяться. — Куда пойдём?

— Любое место, на твое усмотрение! — правильный ответ...

☆☆☆☆☆

Есть все таки у этого всего свой неповторимый шарм... Услада для души! Целый день он потратил на то, чтобы меня расположить... Лучшие рестораны, на скромные сбережения со степендий и родительские перечисления. Кино и прогулка по набережной... Пустой треп о погоде и интересах, до которого ни ему ни мне нет никакого дела! Все это — лишь проверка на степень желания поиметь меня этим вечером. Насколько долго ты готов терпеть, чтобы завоевать самую лакомую конфетку с курса? А он готов на многое... Судя по тому, с каким смиренным выражением выполнял каждый мой ненавязчивый каприз! Что ж... Возможно... Он и заслуживает поощрения. В конце концов, не до свадьбы же мне себя хранить, в поиске того единственного?

Вечерет. Подъехали на парковку около общежития... До сих пор сомневаюсь, стоит ли подниматься к нему... Что ж, полагаюсь на волю случая. Пусть всё решит поцелуй... Берет меня за руку... Как романтично! Было бы, если бы ты смотрел мне в глаза чаще, чем на неглубокий вырез декольте. Плевать. Мне нравится, что он меня хочет. Да и... Красивый, до чёртиков! Так и хочется попробовать на вкус... Что это я говорю? Наверное... Девственница в девятнадцать — всё таки слишком. Незаметно хмыкнула, предвкушая вполне вероятный первый раз. И замедлила шаг...

— Дима... Мне понравилось наше свидание. — Смотрит на меня. Замер. Смотри, не облизнись. Закусила губу... И, наконец, милаха из провинции срывается с цепи, как одичалый, больше не желая сдерживать страстный порыв на, возможно, лучший поцелуй в своей жизни... Наши языки сплетаются, и я непроизвольно стону, ему в рот, вторя рычащему дыханию своего нового бойфренда. Да... Целует, что надо. Наверное... Я не смогу отказать себе в удовольствии попробовать с ним, что такое секс...

Не отказала бы... Если бы в одну секунду моя жизнь не перевернулась с ног на голову, из-за влюбленного в меня психопата!

Артём

Впервые увидев её, я потерял сон... Она, воплощение всего, что я хочу видеть в девушке. Красивая... Безумно. Нереально красивая. Нежная... Очень ласковая со всеми. Думал подойду и скажу, как она мне нравится. Скажу, что думаю о ней постоянно, с тех пор, как она взглянула на меня своими огромными глазами. Но медлил, считал, что ещё рано, что ещё есть время...

Её смех вызывает улыбку у всех без исключения. Она сексуальна до кончиков пальцев. Её все любят, с ней все хотят дружить. От поклонников отбоя нет, но она всегда одна. Возможно, она одинока? Нет, невозможно. Такие девушки не бывают одиноки. Они всегда на виду, в центре внимания...

Я боготворил её, заочно считал своей. Считал, что она будет принадлежать только мне и никому другому. Я не отдам её просто. Никому не отдам...

Эта девушка, сама невинность. Это видно. Это так. Я знаю... Знал, до того момента пока однажды вечером не увидел её в объятиях одного уroda, который лапал её и засовывал язык ей в глотку. Ей нравилось. Этой, блять, суке нравилось. Она извивалась в его руках так,

что чуть ли из трусов не выпрыгивала... Стонала в унисон с его гортанными звуками.

В тот день часть меня умерла... В тот день, я решился на преступление... Решил, что уничтожу её... Сделаю больно... Растопчу, бя... в ключья разорву, на лоскуты порежу и развешу на стене...

Подождав, когда поблизости не окажется людей, я спокойным размеренным шагом вышел из машины и пошёл в сторону парочки. Схватив его сзади за шею и, не дав опомниться резко впечатал мордой в ствол дерева, возле которого они стояли. Девчонка завизжала и собралась бежать.

— Стоять, — схватив её за шею, притянул ближе и толкнул в сторону парня. Она упала на колени, руками упираясь в мокрую после дождя траву. — Видишь, что ты наделала?! Видишь?!... Это твоя вина!

Парень медленно оседал на землю. Кожа на его лбу треснула и из раны тонкой струйкой стекала кровь, заливая глаза, нос, капая с губ на мои кроссовки. Ее тело трясет. Дрянь принялась судорожно хватать размалеванными, смазанными его ртом, губами воздух, чтобы не отключиться от страха! А мне плевать! Дрожи, сука! Ещё немного, и по лицу поползет улыбка... Раньше нужно было думать! Чего теперь стоит твой смазливый олень, после моего удара?! Ты — моя! Нет никого, кто может тебя от меня защитить! Наклонился над ней.... Запах цветочных духов и ее распаленного адреналином тела... Накрыла волна ярости... Для него душилась, тварь!

— Отпусти меня... — невнятный от истеричных всхлипов голос что-то визжит о жалости... Раньше я представлял себе, как этим голоском она будет стонать подо мной от наслаждения... Стонать будет! Орать будет! Только, от наслаждения ли?! — Умоляю!!! В чем я виновата?! Я хочу уйти! Я ничего тебе не сделала! Я даже тебя не знаю толком!

— Конечно, отпущу. — Мои губы растянулись в улыбке, но в ней не было и намёка на милосердие. Наклонился ещё ближе, почти касаясь дыханием ее щеки, и она в испуге отпрянула назад. От злости, я рывком рванул её на себя, приподнимая с колен, за ворот платья. Отчего верхние пуговицы россыпью посыпались в разные стороны, открывая верхнюю часть бледно голубого бюстгальтера. Девчонка попыталась прикрыться рукой, но я прижал её спиной к себе и нажал на сонную артерию, перекрывая доступ кислорода.

Глава 2. Комната без дверей

Артём

Закинув её на плечо, осмотрелся, на предмет лишних глаз. Никого. Двинулся в сторону своей машины, открыл дверцу и посадил её на переднее сиденье. Пристегнул ремнем безопасности. Голова упала на грудь и волосы закрыли лицо, оставляя открытыми только губы. Губы, которыми она облизывала рот того придурка. Сука! Подлая дрянь! Шлюха! Не успела вырасти, как дала себя облапать первому встречному уроду. Он и недели не пробыл в городке. Он новичок. Чужак!

В ярости сел за руль и рванул с места. Плевать на скорость. Плевать на светофоры. На всё плевать! Желание выехать на встречу и сдохнуть, не отпускало, держало за горло. Гнать автомобиль на бешеной скорости — моя личная шкала эмоций. Это настоящая эйфория, кайф на грани... Моё лекарство от затянувшейся апатии.

Поведение этой суки вызвало сильные ощущения, которых я давно не испытывал. Похищение — выброс адреналина, необходимый допинг в моей серой жизни. Девчонка — мой источник энергии. Мой гормон удовольствия...

Инстинкт самосохранения всё же возобладал. Я, резко затормозив и, прочертив шинами полосы на асфальте, развернулся в сторону своего дома.

Подъехав, быстро вышел, обошел машину спереди и вытащил обмякшую на моих руках девушку. Она зашевелилась, поэтому я снова на несколько секунд сжал артерию.

...Дом я выбирал тщательно, несколько месяцев. Купил в тот же день, как увидел, на вырученные от продажи родительской квартиры деньги.

Это одноэтажное строение с тремя комнатами и кухней, которая являлась одновременно и гостиной.

Но привлекло меня не размеры комнат, не удаленность от соседей, а лестница, ведущая в иной мир. Цокольный этаж был оборудован в современном стиле. Там было всё, даже, если наступит конец света. И генераторы света и газовые баллоны, запас непортящихся продуктов, медикаменты и многое другое. Будто прежний хозяин действительно готовился к чему-то глобальному. Сейчас мне это было только на руку...

Но эту суку нельзя баловать... Есть здесь одна комнатка. Ничего необычного, за исключением того, что она пустая, без окон и с массивной дверью с огромным засовом...

С ношей на руках спустился по лестнице, прошёл через длинный темный коридор и остановился у двери. Прислонил девчонку к стене и отодвинул тяжёлую щеколду. Включил свет, обвел взглядом помещение: кроме единственного стула больше ничего не было. Положил её на пол, а сам отправился наверх... За матрасом.

Взяв всё необходимое, спустился в подвал и положил обездвиженное тело на матрас, засунул в рот кляп и залепил скотчем.

Посмотрел на девушку долгим серьёзным взглядом, запоминая каждую чёрточку. Сплюнул и быстрыми шагами отправился прочь...

☆☆☆☆☆

Отодвигаю тяжёлый засов железной двери в подвал. Приоткрываю, оставляя незапертой. Она лежит на полу, съездившись от страха. Кляп изо рта вынула, сучка. Будет

наказана. Жестоко. За непослушание. Я научу её слушаться. Она подчинится.

Подхожу ближе. Ещё. Она пытается отползти дальше. Нагибаюсь и хватаю её за лодыжки, притягиваю к себе и даю хлесткую пощёчину.

— Не рыпайся, дрянь!

— Отпусти! Отпусти меня! Пожалуйста! — закричала девчонка, отворачиваясь от меня и, потирая щёку.

— Отпущу.... когда отпустит. — Резко дёрнул её голову вверх, схватив за волосы. В нос ударил лёгкий запах лаванды и нежного женского тела. Моего, блять, тела. Она пытается увернуться и я сильнее тяну её за волосы, притягивая лицом к своему паху. — Ты или слушаешься меня или я прямо сейчас разложу тебя на голом грязном полу и трахну во все щели, маленькая дрянь. Ты думаешь, ты лучше всех?! Думаешь, тебе всё дозволено?!... Нихрена! — Девчонка испуганно закатила глаза. Не хватало ещё, чтобы она вырубилась. — Не отключайся, блять. Не поможет. Ты почувствуешь всё. — Я свободной рукой гулял по её телу. Трогал грудь, теребил соски под тканью лёгкого платья. — Ты будешь умолять меня остановиться... Или не останавливаться, как пойдет. Всё зависит от тебя!

— Зачем?... Что я тебе сделала? — она уже не вырывалась, пытаясь заглянуть мне в глаза и найдет ответы.

— Ты есть! Вот, что ты сделала!

Эви

Пульсация в висках. Мутное, рассеянное сознание. В нос бьёт неприятный запах сырости; прохлада осыпает и без того знобящее, потряхивающее тело волной едких, дрожащих мурашек. Веки тяжёлые, не открываются. Возможно, на инстинктивном уровне. Самозащита от реальности. Обрывки памяти вразнобой осыпались на голову купольным болезненным цоканьем. Обхватила пульсирующий затылок ладонями и вжала пальцы в растрёпанные, влажные волосы. На ресницах проступили слёзы... Мне правда, очень страшно открывать глаза...

Свело скулы. Потрескавшиеся губы не смыкаются. Во рту какая-то дрянь... Накрыла руками, потянула. Раз, второй. Лицо занемело. Зашерстил несколькослойный скотч. Резко его сдерла, вместе с приставшими к клейкой внутренней стороне волосками. Ай... кожа жжёт. Проталкиваю кляп языком изнутри, давясь слюной и подкатившей к горлу рвотой. Сглотнуть не получается! Гортань издала некое притупленное, подобное на рык израненного цербера, завывание. Эхо приглушило и разнесло его по окружающей территории. Костяшки напряжённо задрожали, пальцы цепко впились в раздражающий шпат пластмассы. Рванула... Ещё раз... Сухая кожа губы треснула, и с нее тонкой струйкой закапала кровь. Рыдания накрыли с головой. Последний рывок — отбросила затычку для рта в самый дальний угол. Горчащие позывы скрюченного желудка выдали порцию желчи, но я не рискнула поддаваться естественному при таких обстоятельствах позыву. Чем будет чревато дать себе волю хоть в этом? Тихо и страшно... Но я, наконец, решила осмотреться...

Темно. Изнеженные светом окон роговицы не могут освоиться в крошечной тьме. Лежу, судя по всему, на старом матрасе, противно скрежущим заржавелыми пружинами. Хотелось бы понимать, где я. Ощущение, будто во вместительной общей могиле времён второй мировой. Отползла немного назад, прощупывая почву около себя. Это не сон! Это, чёрт побери, не сон! Завторило обезумевшее от страха и безысходности сознание, когда

дрожашие фаланги скользнули с произвольного спального места на ледяной бетонный пол. Судорожно глотаю противный, смрадный воздух, и слёзы опаляют затёкшие щёки. Интересно... Смерть была бы более милосердным наказанием? Но жить то хочется! Хочется, мать твою, жить!

Я не знаю, сколько пролежала, захлебываясь не прекращаемым плачем. Может миновало пол часа, а может несколько суток... Небо пересохло. Живот скрутило. Хочется пить... Хотя бы пить! Или корку хлеба... Какой, нахрен, хлеб?! Судя по всему, меня здесь подышать оставили! А если нет...

Звук. Посторонний. Тяжёлый железный засов отпирает двери извне, и в мою "живую" могилу проникает свет. Щелчок выключателя — повреждённая проводка раздает разряд, и старая мигающая лампочка заливает комнату едким, желтеющим сиянием. Рада ли я ему? Скорее да, чем нет. Прищурилась, позволяя глазам привыкнуть. Проморгалась. Уловила взглядом надвигающийся силуэт... С каждым шагом все более отчётливый. Рассудок прорисовывает черты, Его черты. Человека, взгляд и выражение которого будет внушать мне страх и отвращение всю жизнь, сколько бы времени не было мне отмерено.

Надвигается... Проклятый! Страшно, на четвереньках пячусь назад. Инстинктивно разум понимает, что так мне от него не убежать! Некуда! И сил нет... Было бы не сводить с ума безумного. Мгновение — подскочил. Рванул на себя ослабленное тело за ноги. Большая, пропахшая зловонным запахом ненавистного мной мужчины, ладонь, гулко накатила по лицу опаляющей пощечиной. Больно... Обхватила полыхающую кожу рукой, и с ещё большим остервенением поползла, стремясь к самому отдаленному от него пространству... Чёрт! На самом деле, немного кто знает, как с корня рвутся волосы. А этот проклятый одичалый точно решил снять с меня скальп! Намотал спутанную копну на кулак, и трепал, выворачивая мою голову в удобное для себя положение. Есть ли смысл пытаться понять? Достучаться?

Нет смысла... То, что он говорит — всё смешалось. Жуткие, ужасающие, и до боли похожие на правду слова, поток описаний, теперь непременно имеющий место быть в моём существовании, накатил единой подавляющей волной... То, как он говорит, с какой ненавистью, помесью вожделения, смотрит! Безумным взглядом... Единственный вопрос, за что?! Что я сделала?! Как оказалось... Моя вина в том, что, по воле самих жестокий обстоятельств, я просто встретила на его пути...

Истерика потеряла смысл. Возможно, я просто устала завывать в никуда. Или мне не хотелось видеть долику занимательного трепета в его глазах, как ответную реакцию на мой страх и безысходность. От частого удушающего глотания желчи во рту не осталось влаги. А он смотрел на меня, не отводя похотливый взгляд. Его руки меня касались. Болезненно сжимали тело. Грудь. Отвратительно... Пальцы перекачивали соски, а мне слишком сложно давалось подавление рвотных позывов. На одном осознание — если дам себе волю — он точно не позволит мне дышать... Пришло смирение. Ненадолго. Я обмякла, и безвольной, безжизненной куклой поддавалась его пыткам. Лишь в уме вторила... Он же уйдет, рано или поздно, уйдет. Безэмоционально. Чем грубее он трогал меня — тем меньше жизни я вкладывала во взгляд. Тем больше он злился. Болезненные блуждания по моему телу аукались его раздражением. Делай, что хочешь... Я ведь ничего не могу. Глотаю последний сгусток слюны. И всё... Не могу сдержаться... Голова бессильно падает набок, начинаю терять сознание...



Очнулась. Рядом — никого. Кожа саднит. Щека горит. Обхватила волосы. В корнях — жжение. Лампочка так и осталась гореть. Как милосердно... Около матраца стакан воды и миска супа. Судорожно обхватила кружку и осушила за несколько глотков. Какая же вода вкусная... Суп не тронула. Он походил на блевотину. Те ужасные руки его готовили. Те руки... Трогали меня. Причиняли боль. Что ещё они сделают? Задыхаться начала. Давлюсь слезами. Вою. Никто не слышит. Кричу. Надрывно. В себя... Про себя... И в себе... Кричу о жизни, которую я, кажется, навсегда потеряла...

Взгляд упал на потресканную бетонную стену. По лицу поползла сумасшедшая, истеричная улыбка... Поднялась, пошатываясь. С трудом удерживая равновесие — перекатами приблизилась к ней в упор. Впилась ногтем в разнеженную десятилетиями побелку. Едко, до кровоточащих заусениц. Выскаблила полоску. День первый...

Глава 3. Способ выживания

Артём

— Поднимайся! — Стою в дверях, жду движения. Смотрит, сука, глазищи огромные, за душу цепляют. Всё могло бы быть по-другому, но ей срочно трахаться захотелось. От этой мысли всё внутри закипело от бешенства. — Поднимайся, дрянь, если не хочешь, чтобы я выволок тебя отсюда за волосы. — Она медленно встала, еле держась на затекших от долгого сидения ногах. Подошла ближе. Какая она всё-таки красивая! Глаз радуется. Взял её за руку и повел вверх по лестнице. У двери ванной остановился и внимательно посмотрел на неё. — Двери не закрывай. Я дважды не повторяю. Там есть всё необходимое. Не затягивай.

Пропустил её внутрь и остался стоять, прислонившись к стене. Почему я так запал на эту суку?! Вся моя размеренная жизнь пошла под откос с её появлением. Что в ней такого особенного?!... Ну, да, красотка! Но, таких полно! Почему она?! Почему сейчас, когда всё стало налаживаться?!... Дверь открылась, и она, такая до боли родная, такая, сука, желанная, выпорхнула, словно балерина: легко, грациозно. В моей рубашке. А я точно знаю, что под ней ничего нет! Так захотелось тут же отыметь её и сделать своей. Но нет, не всё так просто. Она должна ждать этого каждое мгновение, и трястись... Трястись от страха. Каждую секунду. Пока ей не надоест бояться и она сама... Сама, блять, не будет умолять меня взять её. Схватил её за шею и притянул к себе спиной. Наклонился к и облизнул ушную раковину. Дрожит, дрянь. Одной рукой удерживая за шею, второй — приподнимаю край рубашки, медленно поглаживая кожу ноги большим пальцем, приближаясь к заветному местечку. Она стояла не шелохнувшись. Облизывал шею, принохивался, испытывал её на прочность. Внезапная мысль пришла в голову... Безумная, сладкая...

— Сейчас, я тебя отпущу, ты растегнешь мне брюки, встанешь на колени и сделаешь мне минет. — Уверенный в её согласии, отступил назад, расставляя ноги. Она стояла, опустив взгляд на свои голые лодыжки. Молча ждал, давил на неё, хотел, чтобы сдалась, подчинилась...

— Нет... Ты хочешь переломать меня надвое. Нет... Я не смогу. От мысли, что возьму Это в рот!... Если заставишь... Не знаю, смогу ли проглотить это, не задохнувшись. Нет... Не смогу! Я... Не буду этого делать! — Давясь слезами, она опустилась на колени. Прикрыла лицо руками и начала всхлипывать.

Пытаясь растегнуть мои брюки дрожащими пальцами у неё ничего не получалось. Она заскулила от страха. Не обращая внимания на её истерику, спустил брюки и взял её за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— Ты сделаешь это! — Положив руку ей на затылок, направил навстречу члену. — Открой рот! — она послушно обхватила губами горячую головку. Хрипло простонав, начал двигать бедрами, проталкивая член глубже. — Высунь язык и дыши носом. — Продолжая трахать её в рот, не давал отступить, удерживая за волосы. Направляя, насаживая... Почувствовав приближение оргазма начал долбиться резче, выстреливая спермой прямо в горло...

Застегнул ширинку, поднял девчонку с пола и потащил вниз по лестнице. Она не сопротивлялась, молча шла рядом. Открыл нужную дверь и впихнул её туда, намеренно делая это несколько сильнее, чем того требовали обстоятельства.

Оставив девчонку в одиночестве, прошёл в кухню. Сделал ей несколько бутербродов и

налил стакан сока. Надо бы приготовить что-то более сытное, не хватало ещё, чтобы она загнулась. Это в мои планы не входит. Пусть эта дрянь живёт и прочувствуют все радости моего к ней отношения.

Спустился в подвал, открыл дверь и зашёл, неся с собой поднос с едой. Она сидела на матрасе и смотрела на меня в упор.

— Что смотришь? Сегодня больше не трону, но, если ты хочешь...

— Нет... — перебила она.

Я с размаху швырнул поднос в стену и подлетел к ней, поднимая её с места.

— Не смей! Слышишь... Никогда не смей больше говорить мне "Нет"! Поняла, маленькая дрянь?! — Она зажмурилась и закрыла лицо руками. — Отвечай! Ты поняла меня?! — Оттолкнул её от себя, отчего она тут же свалилась на пол.

— Да!... Да, я поняла!

— Видишь, что ты наделала?! — Указал я рукой на перевернутый поднос и разбросанную возле еду. Стакан разбился и осколки валялись рядом с матрасом. — Теперь тебе придется есть с пола или ждать до завтра. На большее можешь не рассчитывать. А будешь себя вести хорошо, — я недобро усмехнулся, открывая дверь, — я побалую тебя вкусеньким. — Убедившись, что она смотрит на меня, я изобразил неприличное движение языком, показывая, какое именно угощение ждёт её за послушание...

Эви

Оказавшись, наконец, в ванной комнате, после, казалось бы, целой вечности без мыла и воды, я даже от принятия душа не смогла получить удовольствие. Озноб бьёт по пяткам, от соприкосаний о холодный, сырой кафель. И по обонянию тут же стегонул отвратительный запах его геля для душа. Да только от этого живот накрывает спазмом. Но, выбирать не приходится, придется мыться здесь. Сбрасываю на пол грязное, пропахшее потом и кровью платье. Смотрюсь в зеркало... Одно мгновение, не более, и тут же отворачиваюсь, закрывая лицо руками... Уродливое лицо! Не мое! Щеки опали буквально через несколько дней. Отчётливее прорисовались скулы. Веки опухли от постоянных слёз и синяки под глазами на фоне побледневшей кожи смотрелись ещё более броскими. Тело... Оно больше не казалось мне привлекательным. Кожу сминали его пальцы. Она напоминает ужас, который через себя пропустила душа. Снова давлюсь истеричным плачем... Снова кричу в голове. Про себя. Струя воды мешается со слезами. Темная от накопившейся грязи лужа мочит потрескавшиеся пяты.

Вот она — новая я.

С одежды — его рубашка. И... Ничего. Я уже не стыжусь перед ним наготы. Смысл? Мне просто мерзко... Эта ткань, дьявол!!! Так само отвратительно пахнет, как и он. Открываю створку. Ждет. Кто бы сомневался! Что гулящую породистую суку стережёт! Ненавижу... Шиплю в уме, но, не в слух. Проклятый ублюдок... Как мерзко... Проводит ртом по коже, по уху. Прислоняю язык к небу. Мой личный способ сдержат рвотные позывы. Большой сукин сын! Сцепила зубы, до дрожи в челюсти. Хочу впиться ему в горло! Падаль... Раздирать сонную артерию, как животное! Ротвейлер, которого неделю без еды держали на привязи... Кто-то скажет — пёс ведь! Хозяина не тронет! Но... Попробуйте закрыть девяностокиллограмового представителя этой породы без пищи на неделю... И он охотно продемонстрирует, какие острые у него клыки! Я терплю... Я молчу... Не имею клыков... Но, однажды... Я обязательно отомщу!

Замерла, оборвав напрочь тошнотворное дыхание. Глотки воздуха в обилии заставляют глотать слюну, напитанную мерзким привкусом его члена. В горле ком застрял, и, почему-то, отвращение испытывала к себе самой... Хотелось оттереть язык хоть об бетон... Соскребать с шероховатой кожи его следы до кровоподтёков... Но, я даже этого не могу. Фактически швырнув меня на пол, стоит и удовлетворённо ухмыляется... сволочь... ненавижу... В спине саднит. Виски привычно пульсируют.

Те несколько минут уединения, что мне перепали в качестве паузы на отдыху, потратила на монотонные покачивания взад-вперед, чертова неваляшка... завывала в скупую тишину, пытаюсь растянуть мгновение подольше... Но, увы, долго оно не длилось... Снова навис надо мной, не сводя малодушный, похотливый взгляд... В руках — разнос с едой. Обоняние улавливает запах. До истомы вкусный запах пищи! Как же я голодна... Желудок сводит. Вчерашнюю миску супа я вылила в произвольный санузел... Теперь же понимаю, что и это было ошибкой. Ещё немного — снова потеряю сознание. Лишь бы он скорее ушёл... Оставил меня, и я смогу поесть. Наконец...

При виде этого человека тело невольно выдает страх. Подрагивает... Глаза рефлекторно округляются, всегда готовясь к худшему. Самая несмышленная сторона меня на миг поверила в возможность возразить. После его, как мне показалось, вопроса. Тупая беспочвенная иллюзия. И, по глупости своей, идиотизму, выдала отказ. Как же зря! Решила ведь — молчи! Нет... Мне мало проблем! Наживай больше! Имеем, что имеем. Разнос с моей первой за три дня едой с размаху летит в стену. Бутерброды падают на пол, оставляя по себе следы. Стакан разбивается в дребезги... Смотрю на это. Устрашающих клочок сердца не прекращается. Да, я даже не сомневалась, что другую порцию мне не предложат...

Живот заурчал ещё больше. Но, был и радостный момент. Чертов сукин сын оставил меня одну... Шипя про себя матершинные эпитеты, побрел прочь с моего "живого гроба".

Створка за ним закрылась. Ещё пару минут отдышалась... Ухмыльнулась про себя... Я точно схожу с ума! Приподнялась на ватных ногах, и, пошатываясь, поплелась к своему измазанному грязью ужину. Встала на четвереньки. Даже не поморщилась... Самое мерзкое за сегодня со мной уже случилось... Да и, я же сама хотела стереть скоблящим бетоном с языка его присутствие... Почему бы не сделать себе ещё одно одолжение? Не дать опустошенной оболочке с голода загнуться...

Припала к полу. Вдохнула запах. Еда... Сжала в руках остатки испачканного хлеба с опавшим на ворох пыли сыром. Жадно прислонила ко рту... Принялась истерично жевать... Как вкусно! Как невероятно вкусно! Мерзкое животное... Подвальная крыса, крехчущая над остатками помоев со стола господ... Плевать. Зато — сыта...

Доконав второй кусочек, и собрав пальцами крошки, приподнялась, больше не ощущая такого жуткого бессилия и тошноты. Вжала ноготь в стену. Повела вниз, очертив ещё одну царапку близ соседних. День третий...

Глава 4. Мнимая покорность

Артем

Всю ночь ворочался, не мог уснуть... Мысль, что она ненавидит меня не давала покоя. Вызывала ярость, безумное желание унижить, растоптать, разорвать, вспороть членом до самой глотки...

Её наигранное смирение не приносило успокоения, наоборот, мне казалось, она играет, идёт на поводу, желая усыпить бдительность, втирается в доверие... Не дождется, мразь! Не видать ей свободы! Она будет со мной так, или умрёт! Умрет мучительно и медленно... Я вытрясу из неё все мысли о жизни без меня. Она и подумать не посмеет, что возможна другая реальность. Только так! Только со мной! Вдвоём! Навсегда!

Утренний кофе не принес ни бодрости, ни успокоения. Злость всё ещё съедала меня изнутри, делая более менее доброжелательное отношение к ней невозможным.

Встал и, оттолкнув ногой табуретку, закурил, выпуская клубы дыма. Сизое облако окутало пространство вокруг меня, закрывая очертания двери на лестницу, ведущую в подвал. Не сейчас. Пусть помается в ожидании. Поголодает. Жрать захочет, станет сговорчивее. Мысль о её теле поселилась в голове, получив информацию и, скачав её в мозг.

Семь утра... Магазины ещё закрыты, кафешки неподалеку тоже, в холодильнике ни крошки. Желудок прилип к спине, надо срочно что-то съесть. Что-то сытное и полезное...

Взял со стола телефон. Прошёлся глазами по ближайшим местам круглосуточных заведений быстрого питания. Отлично... То, что надо! Сделав заказ, прислонился к стене и сполз по ней на пол. Подтянул к себе колени и обхватил их руками. Эта сука не давала покоя. О чем бы не думал, всё равно разум возвращался к ней. Все мысли крутились вокруг этой девчонки. Ну почему? Почему я не могу выкинуть её из головы? Она стала моим наваждением. А я, как одержимый хотел её внимания. Неважно, что это внимание обернуто в испуг и неприязнь. Неважно, что кроме тошноты, я не вызываю у неё других ощущений. Ничего не важно! Кроме того, что она рядом. В моём доме. А скоро окажется и в моих объятиях. Уж тогда ей точно от меня никуда не деться. Став моей, она больше не будет меня воспринимать, как чужого. Я заставлю её стать моей не только телом. Я заставлю... отдать мне разум...

Привезли заказ и я, шурша пакетами направился на кухню. Здесь была и молочная каша со сливочным маслом, и куриный суп с вермишелью, и картофельное пюре с котлетами, и салат из овощей, и даже какао и свежая выпечка... Прекрасно, хватит на пару дней, а там, посмотрим. Заставлю её готовить, если до этого она проявит послушание и не попытается сбежать.

Сегодня надо будет выгулять её, хоть во дворе дома. Живой труп мне не нужен. Мне нужно её тело, её красивое невинное тело... Невинное? Я всегда был уверен в её непорочности, её чистоте, но... после её осквернения этим парнем, больше я не могу знать наверняка, нужны доказательства. Только тогда я смогу победить своих демонов и расслабиться, только тогда я смогу стряхнуть это мерзкое наваждение: её мягкие нежные губы в плену его рта. Это настолько меня угнетало, настолько выводило из равновесия, что я решил доказать самому себе, что её рот тоже принадлежит мне, трахнув её таким образом вчера...

Разогрев в микроволновке кашу и, намазав булку маслом, а также налив какао,

отправился вниз, к своей одержимости...

Девчонка спала, свернувшись в позу эмбриона. Осколки от разбившейся посуды были аккуратно сложены в углу, остатков еды я не заметил, должно быть она... Она открыла глаза и, ещё не проснувшись, села, скрестив ноги протирала сонные глаза. Ворот моей рубашки сполз вбок, оголяя нежную кожу плеча. Косточка ключицы сильно выпирала — это очень возбуждающе на меня подействовало. Мои руки на подносе затряслись, оглушая комнату звуком дребезжавшей посуды.

Поставив поднос на единственный стул, взглянул на неё: растрёпанные волосы и вид только что проснувшейся... тёплой, желанной девушки только усилило моё влечение. Я положил руку на ширинку, растегивая её.

— Пожалуйста, я хочу поесть, можно я... — она не говорила "нет, не надо", она сформулировала просьбу иначе: умно, ничего не скажешь, только я не собираюсь трогать её пока. Сейчас, я собираюсь передернуть себе, а она будет есть и смотреть.

— Возьми поднос и ешь. — Она моментально встала, подвинула стул ближе к себе и принялась за еду, не глядя на меня, торопясь, будто ожидая, что это всего лишь насмешка и скоро я отберу это удовольствие. — Растегни пуговицы на рубашке. — Она удивлённо взглянула на меня, но повиновалась, медленно растегивая пуговицы одну за другой. — Быстрее! Не заставляй меня разорвать на тебе эту чёртову рубашку. Хочешь ходить голой? — её пальцы задвигались быстрее, открывая небольшую грудь с маленькими розовыми сосками. Я сглотнул. Вид потрясающий! На последней пуговице пальцы остановились. Девчонка уставилась на меня в немом протесте. — Продолжай! Я хочу тебя видеть! — она растегнула пуговицу и откинула полы рубашки. Как бы говоря: "Вот, любуйся, чёртов мерзавец." Ненависть в её взгляде ощущалась почти физически. — Ешь!

Её шея, упругая грудь, плоский животик, вся она доставляла просто эстетическое удовольствие. Она сидела, скрестив ноги, отчего я увидел очертания её бритой киски. Это ввело меня в транс, больше я не смог сдерживать себя, и ожесточённо с наслаждением принялся полировать свой ствол. Она в изумлении смотрела на меня, но... сука, смотрела! Смотрела прямо в глаза. Неотрывно! Меня прошиб нереальный всплеск обжигающего оргазма. Я хрипло застонал, оторвал от неё взгляд и кончил прямо на пол...

Всё ещё не отойдя от наслаждения, застегнул ширинку, и с дрожью в голосе произнес:

— Я сказал тебе есть! — она попыталась сомкнуть края рубашки вместе, но это означало, что дрянь снова бросает мне вызов. Незаметно так. Неуверенно. Но это, сука, вызов! Я медленно пошел в её сторону, на ходу вытаскивая ремень.

— Пожалуйста! Я всё сделала! Всё сделала, как ты сказал! Пожалуйста, не трогай меня! — она забилась в угол, подтянув к себе ноги.

— Я хочу... Чтобы ты выполняла всё в точности, что я скажу... Если я говорю — раздеться — ты раздеваешься. Говорю — лижешь мои ступни — ты исполняешь! Если я сказал, маленькая дрянь, растегнуть рубашку — ты делаешь! Я не давал тебе разрешения на обратное! — присев на корточки, рядом с ней, подтянул её к себе за шею. — Целуй меня! — она медленно. Очень, сука, медленно, придвинулась. — Целуй, дрянь! — девчонка нерешительно прикоснулась ко мне губами и тут же отпрянула. Я схватил её за горло и грубо поцеловал, засунув язык до самой глотки. Она забила меня руками по плечам, призывая остановиться, но это только раззадорило меня... Тогда. С тем ублюдком! Она не сопротивлялась!... Продолжая грубо насиловать её рот, я не давал вздохнуть нам обоим,

лишая дыхания. Недостаток кислорода вызвало в голове пульсацию, ощущение, как от курева — кайф! Перестав чувствовать её сопротивление, нехотя отпустил, едва дыша. Она тихо застонала, прижав к горлу дрожащие пальцы.

— Доедай, потом пойдем на прогулку. — Произнёс, не отрывая от неё взгляд. Она кивнула. — Хорошо, будь покорной и всё будет отлично.

Глава 5. От безысходности

Артём

Сам незнаю почему захотел прогуляться с ней... Может потому, что хотел доставить ей удовольствие? Или может потому, что желал почувствовать, как это гулять с девушкой, о которой постоянно думаю?!

Подходящей по размеру одежды в доме нет, придется ей довольствоваться моими джинсами. Представив, как жёсткие швы будут натирать нежную кожу между ног, невольно сглотнул. Хотелось провести там пальцами, скользнуть внутрь. Блять! Чертовски возбуждающе! Член мгновенно отреагировал на эротические фантазии, уперевшись головкой в ширинку.

Спустился в подвал. Она тихо сидела на матрасе, боязливо поглядывая на меня. Хотел сказать — не бойся, но вместо этого бросил джинсы в её сторону, резко приказав одеться. Она быстро нацепила их на себя, они оказались сильно велики. Отстегнув свой ремень, хотел закрепить на джинсах, но сначала решил немного поиграть... Поводил холодной пряжкой по всем наиболее чувствительным местам... Почувствовал её страх... Ухмыльнулся, укрепив ремень и резко затянув на талии...

На улице Лорд зашелся истошным лаем. Что с ним такое? Обычно он ведёт себя более сдержано. Наклонился, приласкал псину и вот тут то эта тварь решила удрать... Куда бежать собралась?! Кругом ни души!

— Стой, сука!!! — Заорал я, видя, что она собирается перемахнуть через забор, а там можно и машину словить, если... Если бы ей удалось, но... судьба на моей стороне. Дрянь споткнулась и приложилась головой о бревно. Мгновенно вскочив, встала в стойку. Кто её учил так обороняться?! Выглядит жалко.

— Нет, пожалуйста, не трогай меня! — Крикнула, вытаскивая из кармана... осколок от тарелки? — Вот же сука! Покалечить меня решила, дрянь! Подхожу к ней... Медленно... Спешить некуда...

— Брось его! — Кивком головы указывая на осколок.

— Нет! — Гордо вскинула подбородок.

— Нет? — Удивлённо поднял бровь. — Что я тебе говорил про это слово?!

— Прости меня! Пожалуйста! Это больше не повторится! — Бросила "оружие" и умоляюще посмотрела на меня.

— Конечно не повторится! — Сказал, резко притянув её к себе. — Больше ты никогда так не сделаешь! — Развернул спиной и толкнул на землю, срывая с неё джинсы. Она начала кричать и отбиваться ногами, поэтому я крепко прижал её коленом, продолжая сдергивать мешающую тряпку.

От вида откровенной задницы, задорно торчащей вверх, я изошелся слюнями. Быстро растегнул молнию и вынул колом стоящий член. Она, будто почувствовав, начала извиваться сильнее, чем только острее возбуждала меня.

Присел рядом, приложил ствол к её анусу и легонько толкнул, пытаюсь просунуть глубже.

— Не надо, я умоляю, не делай этого! — Ее волосы растрепались, пуговицы на рубашке поотлетали. Грудь касалась земли, натирая кончики. Схватил её за волосы и положил щекой на траву.

— Закрой рот, маленькая дрянь! Заткнись! — Свободной рукой прижал ближе к себе и снова прошёлся членом между ягодиц. — Сейчас я порву твою задницу, чтобы даже мысли не было о побеге. — Она продолжала дёргаться, цепляясь руками за траву, пытаясь освободиться и... — Блять! — Неожиданная вспышка боли заставила меня вскрикнуть. — Сука! Дрянь! Ты порезала меня! — В моей ноге торчал тот самый злополучный осколок. Резко отпустил её волосы, от чего голова ударилась о землю и она тихонько застонала. — Вот так! Будет ещё больнее! — Встал, морщась от боли. Кровь быстрой струйкой стекала по джинсам, окрашивая их в красный цвет. — Поднимайся! — Она перевернулась и её лицо упёрлось мне прямо в пах. — Надень мне штаны! И без фокусов, иначе... Иначе тебя, сука, ничего не спасёт.

Она с трудом встала и начала упаковывать меня, стараясь не касаться члена руками и смотреть в другую сторону. Схватив её за волосы, отчего она вскрикнула, прихрамывая отправился с ней в дом.

В прихожей я остановился, намотал её волосы на кулак, нагнул и заглянул прямо в глаза. В этот омут. Океан. Бездну. Облизнул пересохшие губы, и посмотрел на неё. Рубашка распахнута, выставляя напоказ её тело. Опустил глаза ниже, она не стала прикрываться, просто стыдливо прикрыла глаза. Грудь красиво выглядывала, соски вызывающе торчали, плоский мягкий животик манил, гладкий лобок обещал массу удовольствий...

— Повернись. — Произнёс, отпустив её волосы. Она молча развернулась. Взялся за ворот рубахи и стянул её вниз. Она осталась стоять совершенно голой. — А теперь в ванную до аптечки. Шевелись, блядь. — Прикрикнул, видя, что она не двигается с места. — Принеси перевязочный материал. Бегом!

Она быстрым шагом заторопилась в ванную и вернулась через несколько минут, прикрывшись полотенцем.

— Я разрешал тебе одеться? — Сдернув полотенце, шлёпнул по заднице. — Давай, лечи меня! — Вытащила осколок, промыла, продезинфицировала и перевязала.

— Спускайся! — Подтолкнул её в сторону лестницы. Сам шел сзади, медленно переставляя одну ногу, затем вторую. Дойдя до двери её обители, открыл: — Входи.

Сам прошел в другую комнату, взял верёвку и вернулся к ней.

— Теперь только так! — Связал ей руки спереди и оставив, сидящей голой на матрасе, ушёл.

Эви

Тихо... Слишком тихо... Настолько, что становится страшно. Кромешная темнота, и единственный звук, что позволяет различать сознательность от бессознательности — стук собственных зубов. Холодно. По голому телу рассыпались дрожащие мурашки. До костей пробирает...

Сжалась, подмяла под себя колени, пытаюсь согреться собственной температурой. Руки онемели, и тугой узел на запястье обдаёт жжением протертую кожу.

Слёзы, орошающие лицо, стыли, не успевая скатиться до подбородка. Опалые щеки заледенели. Желудок от голода спазмом сводит. Сухой язык разносит остатки влаги по потресканным губам. Горло сжалось. Воды хочется... Есть...

Я со вчерашнего дня не мылась. Вываляна в грязи, волосы спутались, в комках потерявших жизненный блеск прядей, застряли листья и обломки веток. Чувствую зуд от

сдержтой на коленях кожи, от попадания в ссадины земли. Мне не нравится запах, который ощущаю. Запах его гениталий... Он на мне. Он раз за разом заставляет прокручивать в голове проникновение... Это мерзкое, болезненное. След на мне оставил. Морщусь. Сейчас снова стошнит желчью. Я старалась не рвать, но несколько раз не сдерживала позывы... Кажется, и сейчас не сдержу. Дрожь не проходит... Как невероятно холодно... Сколько прошло времени? Ноги затекли, и начали болезненно ныть. Прилечь бы... Но станет ещё холоднее. Кажется, если ничего не произойдёт, я усну... И могу не проснуться... А жить мне хочется! Страх и тишина... Морозные мурашки, проедающие до костей... Голод и тошнота... Неужели это могут быть мои последние впечатления от жизни? Нет... Я не согласна... Жить хочу!!!

Скинула бессильно руки на ледяной пол, сперлась на них и стала старательно пытаться подняться. Ничего не видно... Наощупь, по памяти, полу-сидя, полу-стоя стала подбираться к двери... Ненавижу его! Не могу его видеть! Боюсь! Боюсь страшно... Но, нет больше никого, кто может спасти меня от него самого...

Со всех имеющихся сил стала колотить дверь... Костяшки соскальзывали, и попадали по железному замку, по бетонной стене... Сбитая кожа так саднила! Чувствую, как теплая жидкость струится по пальцам... И выбиваю створку дальше, как умалишенная!

— Открой!!!!!! Открой!!!!!! — Вторю истерично скупое, одинокое слово, не помня ни себя, ни голоса рассудка... Все на одних инстинктах! Сколько пришлось сносить это?! Не знаю! Ничего не знаю! В этих стенах иначе перетекает время! Звук шагов, доносящийся по ту сторону, стал комом разносторонних чувств... От ненависти, страха, нежелания видеть и слышать... До... Благодарности? Радости? Возможно... Сегодняшний день таки не станет для меня последним...

Тяжёлый засов поднимается...

Я резко отпряла назад, присела, сжалась... Скрывая от него вид своего обнаженного тела. Дверь приоткрылась... Роговицы обдало контрастным светом и веки машинально сжались... Яркие вспышки произвели обратный эффект, вызывая сильное головокружение... Кое-как приоткрыла глаза, встречая перед собой громоздкую фигуру нависшего сверху ублюдка...

— Какого дьявола, дрянь, ты здесь разоралась?! — Судорожно сцепила губы, покачиваясь перед ним. Наклонился. Запахи... Мешаются... Мерзко... Его запах. Запах моего грязного тела, в его следах. Глотнула обильную порцию воздуха, чтобы сдержаться. И нечёткими гортанными хрипами стала... Пытаться с ним говорить...

— Я хочу есть. И пить. И помыться. Я замёрзла... — Интересно, вызовут ли отрывки очевидных фактов в нем отклик? У меня нет выбора... Придется сделать всё, чтобы вызвали...

— Плевать, сука! Мне поплевать, что ты хочешь! Ответ тебе понятен?! — Яростно прищуренные глаза презрительно ставят меня на место... Но, мне не до того! Не до гордости... Не до сожалений о своем положении... Приподнимаюсь на корточки...

— Пожалуйста... Дай мне воды... Дай еды... Дай одежду... — Повторила, нежно, вкрадчиво... Тяжёлая ладонь резко обхватила мой подбородок и сжала, почти до боли, придерживая глаза на одном уровне.

— Ты! Сегодня! Допустила огромную ошибку! Лежи в грязи, и корчись от голода! — Оттолкнул моё лицо... — Если твой протест ещё хоть раз меня потревожит — то состояние, в котором ты находишься сейчас — покажется сказкой. Лучше бы ты меня услышала... с

первого раза.

Бросил взгляд на выход. Пол оборота... Он сейчас уйдет. Нельзя! Этого нельзя допустить! Поддаюсь вперед... Дотягиваясь рукой до его штанины. Впиваюсь в жёсткую ткань пальцами. Подонок замер. На миг перестал дышать. Кажется, ему интересно, что я собралась делать.

— Пстой... Не уходи... — Шепчу одним дыханием. Он слышит. Потому-что хочет слышать. Подползаю к нему на четвереньках. Это поможет... Если я что-то в нем и поняла — это точно поможет! Успокойся... Дыши... Не до этого. Расслабься. Дрожащими пальцами начинаю хаотично метаться по ширинке. Дыши ртом. Не вдохнуть его запах... Точно вырвет! Зрение слабое, ещё не привыкло к свету. Все наощупь. Нахожу молнию и тяну бегунок вниз. Не нужно видеть, чтобы убедиться, как он доволен происходящим. Слышу его ухмылку и глубокий, удовлетворённый стон...

Спускаю вниз штаны. Белье. Головка сразу натывается мне в губы... Чёрт! Пожалуйста! Держи себя в руках! Соберись! Нельзя кривиться... Нельзя отстраняться... Ты уже понимаешь, правда? Чтобы жить... Придется. Открыла рот и обхватила колом стоящий член. Ком в горле болезненно сжался, не пропуская желчь. Желудок обьяло спазмом. Продвигаюсь губами дальше... По нему... Язык чувствует солоноватый вкус. Выворачивает! Держусь... Потом я смогу поесть. Потом не будет так холодно... Руководствуясь столь стоящим мотивом, немного ускоряю темп. И даже пытаюсь шевелить языком. Никогда не делала этого прежде. Видела в порнофильмах. Кто ж знал, что они пригодятся мне, чтобы заслужить кусок хлеба? Сосу... Я сосу ублюдку член!

Начинаю давиться слезами. А он обхватывает мои волосы, и насаживает. Глубже, жёстче!

— Да, сладкая! Сучка... Соси старательно! Может и заслужишь мою благосклонность! — Едкий, праздный, ликующий тон... Как же мерзко! Видеть его... Слышать... Больше и не думает сдерживаться. Задыхаюсь, а он трахает. Держит, тянет за спутанную копну. Желчь просачивается к небу и опалает горечью. Толчок... Ещё... Ещё... Спазм перекатил к шее. Позыв усилился. Но он не замечает... Я не человек. Ему плевать, что со мной будет... Ни противиться не могу, ни подыгрывать. Остаётся только повиснуть в его руках. Жалкой тряпичной куклой. Целую вечность... Пока не прозвучал звериный протяжный рык, и сперма... Какая мерзость! Не брызнула обильно прямо на мой язык.

Немного отдышался. Я вообще хватала воздух, как ошалелая, при этом накрыв связанными руками глотку, и хрипло кашляя... Пару минут истекло, прежде, чем он прервал нависший монолит момента.

— Что ж... — Приторно вздернул уголки губ. Я свои трогать пока боюсь. Этот привкус... Кажется, останется навсегда! Но, я не позволяю себе утирать рот. Все будет коту под хвост! Терплю, сжимая пальцы. — Думаю, ты заслужила поблажку...

Вальяжно вздернул бегунок вверх, расправляя на себе смятый джинс. Развернулся и пошел. Видимо, сейчас он принесет мне еды... Только дверь закрылась — накрыла лицо руками. Истерично... Сдирая края рваной кожи на губах, вытираюсь... Долго, всхлипываю, мерзко... Не помогает! Вкус и запах... Остаётся! Плевать... Плевать...

Поднимаюсь на ватных ногах. Перебираю ступнями по ледяному покрытию земли до противоположной стенки. Впиваюсь ногтем в податливый, потрескавшийся бетон. На своем произвольном календаре. День седьмой...

Глава 6. Питомец

Артём

Дрянё! Дешёвка долбаная! Отсосала! Сама, сука, в рот взяла! Старалась! Неплохо получалось — делала так уже значит! Жрать, говоришь, хочешь, тварь! Я тебя накормлю! Долго потом не захочешь... но, сначала... Сначала пусть смоеет с себя тонну грязи, которая наверняка въелась в кожу.

Поднимаюсь наверх, наполняю ванную водой, кидаю щепотку морской соли. Зачем? Сам не знаю! Ставлю женские принадлежности, которые сегодня приобрел специально для неё. И снова вопрос в голове — зачем?! Эта маленькая потаскушка не заслужила! Ничего не заслужила! При одном взгляде на неё хочется сделать больно, отодрать до беспомысленства, до потери сознания, чтоб кричала и молила о пощаде. А пощады не будет! Будет больно! Будет страшно! Будет жестоко! Будет сосать теперь по первому требованию.

Ванна наполнена. Пора. Открываю тяжёлый засов, дверь скрипит и неприятно режет слух. Она сидит, поджав ноги и, обхватив себя руками. Под глазами синяки, волосы висят лохматыми космами. То ещё зрелище!

— Поднимайся! — Подхожу ближе. Она не шелохнулась, уставившись в одну точку. — Вставай, дешёвка! — Она попыталась встать, но тут же повалилась на матрас. Притворяется, сучка! — Я сказал, поднимайся! — Наклонился, обхватил её за талию и поставил на ноги. Она тут же облокотилась на меня. Неосознанно. Почти не понимая, что происходит, судя по её взгляду... Отрешённому... Бессмысленному... Тусклому...

Закинул её на плечо и пошёл с ней по лестнице. Она же ничего не весит! Лёгкая, как песчинка. Она даже не держалась, свободно свесив руки. Это не то, что я хотел! Она должна быть униженной, а не в бессознательном состоянии. Всё таки придется пойти на уступки. Временно... Это временно...

Ставлю обмякшее тело, чтобы открыть дверь и слышу тихий стон.

— Воды! — прислонилась всем телом ко мне, положила голову на грудь и притихла. Отнес её в ванную и аккуратно положил, придерживая.

— Держись руками, я сейчас. — Быстрым шагом направился на кухню за водой. Дал выпить несколько глотков. Неожиданно она выхватила бутылку и жадно присосалась к горлышку. — Куда! Хватит! Много нельзя! — отобрал бутылку и отставил в сторону. — Ну, с чего начнём? Наверное, сначала вымоем волосы. А то ты похожа на чучело.

Вылив несколько капель шампуня на ладонь, стал втирать, слегка массируя. Она снова застонала.

— Больно! Пожалуйста, не так сильно!

— Заткнись! Или останешься грязной. — Промыл волосы лейкой. Грязная вода стекала по не менее грязным грудям, оставляя разводы.

Футболка на мне намочила, так что пришлось её снять. Посмотрев на свои штаны, снял и их, вместе с трусами. Залез к ней. Намылил мочалку, и принялся усиленно тереть, не обращая внимания на её протесты.

Беру за руки и приподнимаю, прижимаю к себе, провожу мочалкой по ягодицам... Откидываю её в сторону и продолжаю ощупывать нежную кожу. Налив немного геля для душа на ладонь, принялся мыть её гениталии. Она сразу задрожала в моих руках, её начало потряхивать.

— Стой смирно! Прекрати дёргаться! Или мои пальцы соскользнут не туда! — Усмехнулся своей шутке и она, как по команде перестала трепыхаться. — Вот! Так то лучше!

Опустился на колени... Нога всё ещё нещадно ныла. Она заплатит! Заплатит, дрянь! Немного позднее, но я отыграюсь... Прошелся по её ногам ладонями, смыл грязь и не забыл стопы, промывая каждый пальчик. Она по моему приказу подняла одну ногу, затем вторую. Я боялся взглянуть вверх... Её киска была на уровне моего лица... Нестерпимо хотелось поцеловать её... Там!

Вытащил её из ванной, завернул в большую махровую простынь и усадил на табурет.

— Сидеть тихо!

Залез обратно и по-быстрому вымылся сам. Как был голый и мокрый, направился с ней на плече в спальню. Достал чистую футболку и кинул ей.

— Надевай! — Она молча повиновалась. Мне нравилась её покорность, но надолго ли!? Пока не оклемается? Не дождется! Такой возможности я ей больше не дам... Переоделся в чистую, сухую одежду, снова закинул её на плечо и громко шлёпнул по заднице.

— Ну что, питомец, пёрышки почистили, теперь пойдем кормиться!

Эви

Питомец... Интересно, и что я для него за тварь? Видела, пса своего любит... А я скорее похожу на подстилку. Отмыл... И на том спасибо. Жалась ещё что-то. Ошмётки стыда сгребала. Чего стыдиться? Нечего теперь. Что шлюха, сосала за право жить. А мыли меня даже не как шлюху. Грязная тряпичная кукла, не имеющая ни сил, ни, если совсем откровенно, даже желания сопротивляться. Первобытное животное. На одних инстинктах. Вода, еда, тепло. А, впрочем, какая теперь разница? Надежда гаснет с каждым днём. Скорее всего, я навсегда останусь марионеткой в руках больного кукловода...

Закинул моё синюшное, исхудавшее тело на плечо. Идёт. Я лишь глаза прикрыла. Какой смысл в том, чтобы наблюдать? Запоминать? Анализировать? Я не настолько смелая, чтобы снова пройти через попытку бегства. Раньше я не знала, что такое голод, холод, поедающий плоть до костей, и жуткая, невообразимая жажда... Когда за поток воды не то, что отсосать! Продать дьяволу душу можешь, даже не вникая в торг. Резкие покачивания свисшей головы аукались спазмами в пустом желудке. И, опять же, понимание, длится это час, или минуты — отсутствует. Каким же относительным, как оказалось, может быть время.

Запах еды... Оживлённо открыла глаза, всё тело напряглось, мышцы поджались. Как раненый волк перед растерзанной собратьями ланью. Инстинкты дают мозгу сигнал — атаковать! А тело непослушно... В этот момент, когда его не послушают собственные лапы — он сам поймет, что больше не жилец. И я понимаю! Черт побери, я все понимаю! Но, не хочу умирать... Приоткрытыми губами хватаю воздух. Рвано, истерично. Хрипло шепчу какие-то слова... Какие, сама не знаю. Да! Все так! Со мной, похоже, уже не всё в порядке...

Резкое приземление на стул. Скинул меня, расправляя неподвижные ноги. Облокотил о спинку, и пошел к плите. Так и не сменив положение, бросила пустой, безжизненный взгляд на окно. Там солнце светит... Там жизнь... Пелена перед глазами меняет цвета. То, что раньше казалось ярким, теперь стало серым...

Звук цокнувшей о столешницу тарелки заставил вздрогнуть. Дрожь прошла по телу... Потянулась пальцами к пиале... Что-то загорелось! Что-то имело смысл! Желание узнать вкус... Облизалась, обхватила руками, и резко взвизгнула, ошпарив раскаленной посудой

пальцы.

— Дура! — Злобно прорычал ублюдок, перехватив мои запястья. И откинул руки прочь, так, что кисти болезненно ударились о вытесанное дерево. Достал ложку, ткнул мне. Сжала ее... Обвела языком пересохшие губы, жадно впиваясь взглядом в тарелку с ароматным бульоном. Оторвал от свежего, мягкого хлеба горбушку. Корочка так аппетитно прохрустела... Положил рядом, на салфетку. Истерично сцапала кусочек сдобы, и вгрызлась в нее, как собака в кость! Как вкусно... Вкусно... Резким рывком он перехватил мою руку. Замерла... Отнимет?

— Пожалуйста... Я хочу есть! Пожалуйста... — хрип болезненно прорывается с воспалённой гортани. И он раздражённо впивается пальцами поверх моих, стиснув ложку.

— Заткнись! Я разве сказал, что заберу?! Ты подавишься! А твой труп мне пользы не принесет. Ешь спокойно. — разжал ладонь, и я снова ринулась к хлебу и куриному отвару, руководствуясь тем же неудержимым желанием... Заполнить пустоту.

— Ааай... — непроизвольно стону, когда рука перехватила мои мокрые волосы, и с силой потянула назад.

— Если! Ещё раз! Ты кинешься на тарелку! Я не дам тебе съесть ни единого кусочка! Это ты поняла?! — Кивнула... И, сдерживая порыв, стала в ускоренном, но уже опасливом темпе, есть свою порцию пищи на сегодняшний день.

Слизав с губ остатки супа, и дожевав крошки с салфетки, нерешительно подняла на него глаза. Теперь, когда основные инстинкты удовлетворены, ясность ума возвращается...

— Можно, я вернусь... К себе? — Со всей осторожностью, но, я все-же спросила то, чего бы десять минут назад не додумалась спросить ни по каким убеждениям! Точно, лишаясь рассудка!

Сначала, олицетворение всех моих самых страшных кошмаров, недовольно фыркнуло... А после, ухмыльнулся... Чуть не поперхнулась собравшейся слюной! Кажется, я только-что разбудила недавно задремавшего зверя...

Глава 7. Возможно ли не сломаться?

Эви

Кажется, снова почувствовала в себе что-то человеческое. Чистое тело приятно пахнет, нет жжения от введшейся в раны грязи. Жажда не мучает... И голод. Голод отступил. Приятное чувство наполненности... В моей норе мигает тусклый свет... Я вижу! Не крошечная тьма... Предметы, стена, мои отметины, вычерченные в ровный, несколько недельный ряд... Подхожу к ним, и провожу по каждой подушечками пальцев... Семнадцать. Я насчитала семнадцать...

Первое — начало. Отсчёта. Моей новой, нежилой жизни. Последняя... Последняя?! Хихикнула про себя, истерично! Она далеко не последняя! И мне это хорошо известно! Сколько же их ещё будет? Пока не надоем ему? Пока не спасут? Или... Пока не смогу чертить... Неподвижными пальцами? Время покажет... Научилась мириться. Глотать ощущение бесконтрольности. Я больше ни над чем не властна...

Очень тихо. До боязни тихо... Тишина режет слух. И сознание прогибается под гнетом бесконечного молчания. Хочу ее прервать, хоть ненадолго... В голове всплывает старая детская песенка... Мама ее мне пела, когда мы играли. А ведь, она была права... Уехала, в неизвестность. И чем это для меня закончилось? Ищут ли меня вообще? Чтобы снова не разреветься, начинаю напевать.

— Лондонский мост... рушится... рушится... Ла... ла-ла-ла...ла-ла-ла.... Ла-ла-ла... Ла-ла-ла... Моя Леди... — по телу мурашки поползли... Игра! А ведь, действительно! Если задуматься, это очень походит на игру! Игру больного психопата! Он доводит до состояния, когда жизнь почти покинула тело... А потом, приводит в чувство, и даёт отдышаться, чтобы начать заново. Его забавляют эти правила. Ведь он их создаёт! Он и игрок, и судья, и победитель... А мне известно лишь, что раз сейчас мне вернули жизнь, то следующим его шагом станет... Новая попытка отнять её! Более изощрённым методом! Ближе к краю! Интересно, что меня покинет раньше? Дыхание, или желание бороться?

Живот резко скрутило. Потянуло вниз... Ухватила за него руками, и несколько раз глубоко вдохнула... Спазм довольно сильный, даже прилегла, чтобы помочь себе справиться. Несколько минут... Стало легче. Ещё несколько — боль прошла. Слава Богу... И что такое это было? В этот момент тяжёлый засов закрипел. Снова... Игра началась.

Артём

Она лежит, поджав под себя ноги. Такая тоненькая, хрупкая... Нет! Перестань! — одергиваю себя.

— Подними футболку, — кидаю ей маленькую подушку. — Подложи под свою тощую задницу и раздвинь ноги.

— Что ты собираешься сделать? — Испуганно сжала руками полы футболки. — Ты ведь не станешь?... — Нерешительно посмотрела на меня.

— Стану... — ухмыльнулся, но не сейчас. — Делай, как я говорю. Не играй со мной! — Она подчинилась. Её бедра были высоко подняты, ноги раздвинуты.

Я открыл коробку, которую недавно привез курьер и вынул маленькую анальную пробку, с небольшим синим камушком.

— Боже! Боже! Я знаю, что это! Ты хочешь вставить мне её прямо сейчас? — Её голос

дрожал от страха или... Нет! Пока её возбуждение лишь в моём воспалённом мозгу.

— Да, сучка, сейчас. Ты что-то имеешь против? — Удивлённо выгнул бровь, ожидая ответа. Молчит. Правильно, сука! Знай, что поблажек больше не будет! Кроме одной... Размазываю гель по заднему проходу. Приставляю холодный металл прямо к дырке, она охает. Кружу наконечником, слегка надавливаю, анус раскрывается и всасывает пробку в себя, оставляя снаружи лишь камушек.

Так хочется прикоснуться к самому сокровенному... Бляя, клитор так сексуально выглядывает. Так хочу обхватить его губами, что даже руки задрожали, задевая камушек пробки. Надавил сильнее, сделал вращение... Устроился между её ног, сидя на своих коленях. Мой член находился на уровне её розовой дырки, которая так, сука, манит... Ещё не много и я не сдержусь, трахну и... больше не буду думать! Не буду мечтать! Да и не нужна она будет больше, подстилка, блять... Чего я с ней ношусь, не понятно?! Трахнуть всегда есть кого! Так нет, мне эту сучку потрепанную подавай! Сука!... Какая же она сука!...

Встал, поправил увеличившийся член, глядя ей в глаза. Она попыталась отвернуться, но я мотнул головой. Кивок означал — не испытывай моё терпение, дрянь!

— Неснимай её до вечера! — Я приду за тобой!

☆☆☆☆☆

Она смотрит на меня своими большими серыми глазами, на дне которых до сих пор пляшут черти... или нет?...

Сука... Какая красивая... Сколько же сил на неё потрачено, но как же сладко будет усадить её у своих ног. Как же вкусно будет ею обладать. Когда она отдастся мне всецело, закрывая свои блядские глаза от удовольствия, когда прижмется к ногам, в страхе меня потерять. Ладонь чешется, так и хочется отвесить ей пощечину, сдавливая горло. В самую душу влезла, Сука, на запретную территорию. Скоро... Скоро, блять....

Откидываюсь в кресле и закрываю глаза, вспоминая, как мыл её несколько минут назад. Трогал, как хотел. Где хотел! Она терпела. Знал, что вызываю отвращение, но она молчала...

— Налей нам выпить.

— Но.... Я не... — протест провалился, как только я открыл глаза. — Да, хорошо. — Я молча наблюдал, как она держала бокал, вливая туда порцию крепленого... Поставила на стол и обернулась, ожидая...

— Пей! — Она нерешительно посмотрела на вино и сделала небольшой глоток. Взгляд на меня. — Ещё! — Снова пригубила. Немного. — Молодец! Хорошая девочка! А теперь, до дна. — Залпом допила остатки и мгновенно зашлась кашлем. — Наливай ещё! И подай мне. — Она подошла, держа бокал в руках. Я взял его из её рук, соприкоснувшись с ней пальцами. Они были холодными. Ничего, сейчас я её разогрею. Усмехнулся про себя, опрокинув в себя алкоголь.

☆☆☆☆☆

Я целовал её бедра, поднялся до киски и поцеловал через трусики. Она вздрогнула, когда начал снимать с нее их.

— Не надо, не надо... — не обращая внимания на тихий протест впился ртом в ее лоно. Сразу, как изголодавшийся зверь, принялся вылизывать её. Рьяно... Неистово... Но она

только тяжело дышала, и не издавала ни звука. Ее киска немного увлажнилась. — Не так! Не надо!... — пьяно шептала сучка.

Я поднялся и положил её на кровать. На свою, блять, кровать!

— Что... Что ты собираешься дела... — не дав ей договорить, приставил член ко входу в её попку. Там всё ещё находилась пробка, которую я велел ей поставить самой, после принятия ванной. Немного прокрутив, вытащил её. Головка коснулась половых губ... Она замерла. Ее глаза наполнились слезами.

— Не надо, пожалуйста, — шептала она снова и снова. Я надавил, и головка скользнула в узкую дырку этой сучки. — Пожалуйста, — захныкала опять, цепляясь за мои руки. Я полностью вышел и без предупреждения медленно вошёл в задний проход сразу на всю длину. По телу прошла волна удовольствия. Ее попка была тугой и сжимала член крепко и сильно. Я начал двигать бедрами, погружая ствол в недра её ануса. Она дергалась в такт толчкам, всё ещё пытаюсь освободиться, закусив губу и сдерживая слезы. Я стонал, вгоняя член в тугую дырку этой дряни.

— Как хорошо... — приговаривал я, глядя её по гладким ножкам. Наклонился к ее лицу, но сучка отвернулась. Я стал целовать ее шею и щеку, но она оттолкнула меня рукой. Продолжая трахать ее, рукой повернул ее лицо к себе и начал лизать ее губы, приговаривая: — Не смей, маленькая дрянь, отворачиваться! — Почувствовал, как ее губы открылись, и мой язык тут же ворвался в сладкие глубины её рта. — Блять... как давно я мечтал... оттрахать тебя... — шептал я ей на ухо, двигая тазом, толкаясь до упора. Она извивалась на моем члене, пытаюсь убрать от меня голову. Вынул член, поднял её, лег на кровать и заставил ее самой сесть на член сверху. Он снова оказался в теплой дырке и я начал неистово трахать её, всаживая в тугую плоть что есть сил. Держал ее за талию, а другой рукой притянул к себе за волосы. Она начала повизгивать, уперевшись руками мне в грудь и отпихивая меня от себя. С ее пухлых губ срывался крик. Член входил в ее анус как поршень. Я мямл ее сочную задницу так, что она вскрикивала. — Наконец то я тебя трахаю, подлая ты сука, — прорычал я, двигаясь глубже и жёстче и она начала кричать от боли. — Заткнись! — сказал я. Она тут же затихла и закусила губу.

Сняв её с себя, взял за локоть и повел к большому, на всю стену, зеркалу.

— Что ты хочешь? — спросила она шепотом, полным ужаса. Я прислонил её грудь к холодной поверхности, и она тут же попыталась вырваться, но я был сильнее. Прижал ее за шею, поднял платье. Нашёл её заднюю дырку и снова вогнал член. Она выгнулась и шумно выдохнула. Я начал трахать ее медленно, глубоко, погружаясь сантиметр за сантиметром. Пытался поймать её взгляд в зеркале, но она, сука, отворачивалась в сторону, чтобы не смотреть на меня. Но я взял ее за волосы и держал так, чтобы она не вырвалась и смотрела. Она стояла на полусогнутых ногах, которые от этого напряглись и стали вдвойне сексуальными. Я сильно сжимал её сиськи, играя сосками, затем начал ускоряться. По комнате раздавались шлепки и редкие взвизгивания.

— Х... хватит... — простонала она. Я замедлился. Она обернулась ко мне. — Давай уйдем, пожалуйста... Я не могу так, мне... — Я начал медленнее трахать ее, а она смотрела с отчаянием мне в глаза. — Пожалуйста... — прошептала она. Она была такой сочной сукой, что я готов был кончить в ту же секунду. Нагнулся и начал целовать её в губы, трахая глубоко и медленно. Ее горячее дыхание обдавало мои губы. Я снова взялся за ее соски, прокручивая, и засунул язык ей в рот, до самой глотки. Двигая бедрами, погружал член снова и снова, тихо постанывая.

— Остановись! — Шептала она.

— Закрой рот! — Я ускорился, долбя членом ее анус. Еще секунда, еще чуть чуть.

Вдавил пах в задницу, проталкивая ствол до упора.

— Не надо — Она выскользывает, и пытается уползти, но я догоняю ее, придавливаю собой к полу. — Не надо!!! — Я сажусь сверху и опять направляю член в ее задницу. Она стонет, когда начинаю глубоко и сильно трахать ее, прижимая голову к ковру. Отпускаю ее. Она привстает, и в этот момент я взрываюсь. Начинаю стонать и выплескивать сперму прямо в эту суку. Глажу спину и бедра. Она тяжело дышит, извиваясь подо мной. Дергаясь, только еще больше насаживалась на мой член. Я лег на нее, и еще немного потрахал. Совсем чуть чуть. Услышав, как она совсем тихо прошептала: — Отпусти! — Поднялся и вынул ствол.

Глава 8. Вспышка безумного безразличия

Эви

Ненавижу... Словно умалишенная, мотаю головой, подминая под себя дрожащие, голые ноги. Ненавижу... Слезы стекают по щекам градом. Он ломает меня! Каждый день! Открывает, сминает, и выбрасывает в урну жмут от моей души, человечности, вменяемости. И ему все-равно! Как ни умоляй, как ни проси, даже в лице не меняется! Мне было больно! Больно, а он не останавливался! Прежде, чем не кончил, прямо в меня! И даже после этого продолжал стегать моё тело, пока не насытился до конца...

— Ааааа... — Взываю, как раненая собака! Не могу сдержаться. Остановиться. Не могу не плакать! Не кричать! Подходит ближе... Пару шагов, наклоняется, и сжимает до боли подбородок.

— Заткнись, сучка! Закрой свой поганый рот! Какого дьявола ты орёшь?! — Ты поломал меня. Поломал человека. И никто, даже я не знала, что находится, кто находится за этой, разбитой вдребезги, оболочкой. Я больше не думала, не анализировала... Только ненавидела! Так сильно, что хотела рычать на него, как больная бешенством гиена! И я сорвалась...

Его ладонь, пропахшая насильственным сексом, обхватила моё лицо. Ублюдок смотрит на меня, сверху вниз. Я — ничто для него. Пустое место! Он не знает ничего... Ни спросил, ни выведал, откуда я. Кто мои настоящие друзья и есть ли они у меня вообще. Он не знает, кто моя мама и с каким трудом эта замечательная женщина, учительница в небольшом, припортовом городке, ставила на ноги свою единственную дочурку. Он не в курсе, что у меня нет отца. Что он бил маму, а иногда и меня, пока не попался на краже и не сел в тюрьму. Эта сволочь говорила что-то о том, что, если бы я не была такой шлюхой и не променяла его на приезжего чужака, всё могло быть иначе... Но, мне не было кого менять! Я не знала ни его, ни о его чувствах, ни о его желаниях! Он появился, как из ниоткуда, и отнял у меня ту жизнь, хорошую или пустую, что у меня была! Отнял меня себе, не как человека... Как тряпичную дешёвую куклу!

Ненависть поразила, как болезнь. Слишком глубоко. Слишком едко. Пустила метастазы, и никакая операция не сможет их искоренить! Пострадал мозг. Не осталось инстинктов самосохранения. Безумно на него посмотрела. Он даже шелохнулся от неожиданности. Готова поспорить — сейчас мои зрачки почернели... И я резко, со всей имеющейся дури, впила зубами ему в руку! Настолько сильно, что клыки тут же раздерли до мяса кожу на костяшках! Не ожидал, животное?! Вот тебе зверь, которого обнажил.

— Сууукааа!!!! — Истошный вопль и по щеке прилетает гулкий треск от удара. Кожа пылает. А я забыла от прилива адреналина, что такое страх! Истерично заливаясь слезами — хрипло сиплю на него. С каждым гласным непроизвольно повышая тон до крика...

— Замолчи... Не говори... Ничего мне не говори... Заткнись, ублюдок!!! — на его лице заиграли желваки. Глаза злобно сузились и задрожала нижняя губа. Замахнулся снова, на что я, вместо привычной мольбы о пощаде, сжала веки, желая отключить безволие, и дико впила ногтями ему в грудь. Оцарапала кожу. Какой-то миг он стоял неподвижно. В полном оцепенение. Не ожидал... Как есть, не ожидал!

Со всей силы, что осталась в моих побледневших ладонях, стала бить его, куда придется! Срывая всю обиду, что скопилась за вечность заточения! За всю боль, что по его

милости мне пришлось пережить!

— Хочу, чтоб ты просто исчез! Подох!!! Испарился из этого мира! Ненавижу! — Прощедила, срывая голос, выписав свой последний замах по его щеке. Ему не было больно. Не могло быть больно... Очевидно, удар лишь вывел его из ступора окончательно. Пальцы сжались, затем он тяжело выдохнул, будто разбавляя пламя прохладой воздуха, и зарядил мне крепкую пощёчину, снова, оставляя без ответа мою просьбу. Я упала, но ни слова не проронила. Ни прости... Ни пощади... Возможно, так оно и есть? Возможно, мне попросту надоело... И я не согласна больше жить, зная заведомо, какой эта жизнь будет...

— Убей меня. — Прошептала, ухватившись за саднящую щеку. — Просто, убей...

Резко схватил меня за волосы, и поволок в сторону знакомых ступеней, ведущих на цокольный этаж. Обхватила ладонями корни, и взвизгнула от резкой боли. А он горестно бросил через плечо, минуя встречи взглядами

— Даже рот не смей открывать. Ты — моя. И будешь жить до тех пор, пока мне с тобой интересно...

☆☆☆☆☆

— Лондонский мост... Рушится... Рушится... Лондонский мост... Рушится... Моя Леди... — подпеваю дрожащими губами сознанию, вычесывая пальцами лоскуты выдранных по дороге волос. Поджимаю под себя колени, чтобы хоть немного унять озноб. Очень холодно... Я в одной футболке, и даже нижнего белья нет. Пальцы машинально впиваются в почти прозрачную, синюшную кожу. А я по глупости продолжаю перебирать слова песенки...

Снова темно. Он выключил свет. Чудовище... Я ведь ещё в детстве к темноте привыкла, когда Чертов папаша закрывал меня в шкаф, чтобы я не орала и не звала на помощь соседей. Что-то в моей жизни изначально пошло не так... Сначала больно делали мне. Потом больно делала я. И это вот... — Обвела уставшим взглядом кромешную тьму — самый логичный исход, судя по всему.

Живот схватило... Пульсирующий спазм внизу. Скрутилась калачиком, прикрыла глаза. Как больно... Очень-очень больно... Глубоко вдохнула и пропустила в себя кислород. Затем сделала паузу... Мне никто не поможет. Никто не придет. Обезболивающего нет. Единственное, что остаётся — ждать. Ждать, когда пройдет само.

Считать секунды... Один... Два... Три... Четыре... Пять... Пока не провалюсь в бессознательность...

Глава 9. Новые грани безумства

Артём

Схватив ее за волосы, стащил с матраса и бросил на пол. Она что-то кричала, но я не слушал ее и, взяв в руки ремень, всыпал ей с десятков ударов по голой заднице.

— Слушай сюда мразь, и слушай внимательно, — намотав на кулак ее волосы произнес я. — Я не бью женщин, но ты не женщина. Теперь ты будешь моей сукой. От ударов она начала хныкать. — Всего десять ударов, — усмехнулся я. Раздался свист и на ягодицах появилась первая красная полоска.

— Аааааа, — просто заревела она от боли. Но я продолжал порку. На пятом ударе кожа в трёх местах лопнула и выступила кровь. К концу экзекуции вся задница у неё была цвета спелой вишни.

Протерев кровь рукавом, сказал: — А теперь, мразь, встань на четвереньки и отсоси у меня, — засмеялся и подойдя к ней расстегнул ширинку брюк и вынул свой член. Не дожидаясь удара, она покорно подползла ко мне и встав на колени начала сначала облизывать, а потом, обхватив одной рукой, все быстрее и быстрее начала сосать уже вставший член. Оголив головку, она заглатывала его полностью.

— Да, хорошо, — довольно сказал я. Через минуты три прижал её голову к своему паху и толчками кончил ей в горло. Она закашлявшись, покорно проглотила. Вместо благодарности я стеганул ее по плечам ремнем, от чего у нее появилась новая красная полоска. — А почистить член от спермы? — Сказал строго я. Ежась от удара, она покорно вылизала член. — Ну теперь все. Ты моя сука! Ты принадлежишь мне! Выкинь все мысли из головы. Поверь, все эти ссадины и синяки на твоём теле, всё это — не круто... Это твоё наказание, которое ты будешь получать регулярно по субботам... — отошел от неё, бросив валяться на холодном сыром полу, в темноте и слезах. Стёртую в хлам... — Это ты так решила, сука! Ты сама решила за нас обоих! Скоро, дрянь, скоро, ты начнёшь в страхе ночью вспоминать все унижения, просыпаясь от свиста ремня, психозом введшимся тебе в мозг... У меня нет принципов: есть только ты, сука. Нет запретов, нет табу... Я могу сделать всё, что угодно. — Она продолжала валяться на полу и смотрела на меня безумными глазами. В мои... такие же безумные! — Я по натуре не садист. Ты вынудила! Ты захотела поиграть со мной, сука! Но ты не знала, что правила устанавливаю я. Играю с тобой, разбирая по кусочкам, разрывая на части, разбрасываю по углам нашей условной комнаты наслаждений, на деле, оказавшейся обычным сырым подвалом, с предусмотрительно встроенной шумоизоляцией... — Её швыряет из стороны в сторону. А я играюсь с её беспомощностью... — Поздно... — В её глазах — страх и мольба, а меня это ещё больше бесит. — Запомни: Мы принадлежим друг другу на пожизненное.

Я думал, что был готов к её истерике, но это не так. Знал, что это произойдет рано или поздно. Но свои круги ада она еще прошла не до конца... Моя жизненная программа дает сбой с появлением этой мерзавки. Что-то не так... И это угнетает... Отбрасывает назад... в детство...

Снял её с пьедестала после её лобызаний с утырком. Ей начислены штрафные очки! И будет так, пока... Пока, что?! Пока не отпустит. Мы переживем это вместе. Я не могу зализывать собственные раны, поэтому мне нужна она...

— С сегодняшнего дня ты будешь послушной... Ты будешь следовать всем моим

правилам... Ты зависишь от меня!... Без меня ты умрешь!... Убери гордость — повинуйся!... Будь предана, как псина и проблем не будет. Иначе... Тебе придется не сладко. Я прибегну ко всем своим садистским безумствам. Я узнаю, где твой болевой порог... где его границы... Я разрушу все табу, что сдерживают меня сейчас. Не будет ограничений! Не будет жалости! — Я никогда! Не отпущу её! Она моя! — Тебе будет мучительно больно, если ослушаешься. Ты будешь страдать. Кричать... — Я заставлю её... Она не сможет без меня! Моя любовь — будет её голод! Я её прошлое, настоящее и будущее! — Я, твоя новая жизнь и я твоя смерть!... А теперь отдыхай, вечером я покажу тебе бездну... бездну боли и... удовольствия...

☆☆☆☆☆

Сейчас момент в жизни, когда мне просто плохо. Хочется стать другим человеком, жить абсолютно другой жизнью. Такая путаница в голове... хочется что бы меня поняли, но говорить совсем не хочется... да и не с кем... разве что... В голове всплыло имя доктора, друга, помощника. Он всегда знал, что сказать, что посоветовать. Хочется побыть одному, в пустой белой комнате. Где только кровать и больше ничего... Пустота... Забиться там в угол и морально погибать... Только ему могу рассказать, что на душе. Он поймет... он почувствует... Перед ним мне не надо натягивать улыбку. Отвечать, что всё хорошо.

Противно и тошно... от себя... от неё... Это она! Она сделала меня таким! Утопаю во лжи... Вижу в ее глазах мольбу... Но не могу держать себя в руках. Срываюсь на неё, бросаю её в отчаяние, и все из-за глупого непонимания...

Страшно... просто страшно понимать — всё разрушено! Я на краю безысходности... Невозможно вернуть время. А надо ли?!

☆☆☆☆☆

— На выход! — Громко произнес, видя, что она не шелохнулась, когда я открыл дверь. Медленно встала и подошла. — Ты должна поесть. Потом приведешь себя в порядок и придешь ко мне в спальню. — Не оборачиваясь, пошел вверх по лестнице, предоставив ей мнимую свободу передвижения.

Зашел в комнату и задернул шторы, включил музыку. Оглядел идеально заправленную двуспальную кровать и положил подушку. Залезл в шкаф, вытащил мягкий флоггер. Ещё раз оглядел кровать, положил ещё одну подушку на середину ложа.

— Ты опоздала. Я не прощаю опозданий. Сама понимаешь, не принять меры я не могу. На кровать, животом на подушку!!! — Она медленно поплелась к кровати. Влезла и стала устраиваться, как было велено. Устроившись, уткнулась лицом в первую подушку, сунула под неё руки.

Стеганул её раз, другой, приноравливаясь к новому девайсу и прислушиваясь к своим ощущениям. Начал хлестать размеренно и отрывисто. Чуть сильнее... Она вздрагивала от каждого удара...

— Спусти штаны! — Чуть приподняв бедра, она стала стягивать их обеими руками до колен. И снова улеглась, а я с новой силой продолжил хлестать. Шлепок, низ живота вжимается в подушку. Раз за разом, лишь шёпот губ изредка. Шлепки стали ещё чаще.

Флоггер не щадит, но лечит, мягкие хвосты врезаются в промежность... Безжалостно удовлетворяя мою похоть... Она то вжималась в подушку, то покачивалась с боку на бок, удары приходились попеременно то на одну, то на другую половину задницы. Я учащённо дышал и стонал с нарастающей силой. Член налился кровью. Сев на неё сверху медленно растянул анус, предварительно смазав лубрикантом. Сознание провалилось в небытие.

Раскинув руки, она лежала на кровати неподвижная, со спущенными штанами. Схватил за ярко алую задницу и натянул на член. Она тут же всхлипнула. Схватил за волосы и начал усиленно трахать ее в зад. В голове стоял звон...

Придя в себя, она скатилась на пол и с трудом поднялась. Стала разглядывать последствия моей страсти.

— Одевайся!

Глава 10. Если ты меня не желаешь

Артем

Она расставляет по столу тарелки, стаканы, столовые приборы. Я наблюдаю за ней, за её плавными, изящными движениями.

— Ешь, — сухо и строго произношу, когда она остановилась в нерешительности. Мы ужинаем в тишине, не произнося ни слова. Она смотрит на меня, и на моём лице сияет довольная улыбка.

— Неплохо. Совсем неплохо. — Хвалю её, когда отодвинув тарелку в сторону, взглянул на неё. — Подойди, — мягко произнес. От неожиданности она вздрагивает. Неуверенно поднимается из-за стола и подходит ко мне. Жестом указываю, чтобы она опустилась передо мной на колени. Опускается... Чувствую, как волна возбуждения бьет током каждую клетку моего тела. Провожу рукой по её волосам, глажу по голове. Беру за подбородок и поднимаю её голову, так чтобы она смотрела мне прямо в глаза. Чувство возбуждения переплетается с волнением. Пытаюсь выровнять дыхание, безуспешно. Я не готов сейчас впустить в себя её. Впустить в свое сердце...

— Твоя жизнь теперь моя. Ты — моя! Все зависит только от тебя. Мне нужно твоё полное подчинение. Я заберу твоё тело и твою душу. — Мне кажется что всё, что нас окружало, исчезло, растворилось. И сейчас существуем только мы. Я и она.

— Твоя одежда... она лишняя. Сними её. — Беспрекословно выполняет моё желание.

Она вся такая красивая — раздавлена и на коленях. Передо мной. Голая. Всё вышло из-под контроля, я понял, что от меня уже ничего не зависит, что я хочу её! И хочу от неё взаимности. Она не может встать и сказать нет — потому что ничего не вправе решать... Потому что на её былую прыть нашлась сила, более мощная и безжалостная, как стихия, которая сметает с пути всё, что она о себе думала и представляла...

Потом я оказываюсь так близко, что она закрывает от страха глаза — но, я глажу её по волосам, нежно, крепко, так, что она даже расслабляется на секунду — лишь для того, чтобы почувствовать, как на её шею снова смыкается ошейник... И ей остается только целаться за него, потому что протестовать она уже не может... Запрокидываю ее голову назад и силой разжимаю челюсти.

— А сейчас сделай мне приятно. — Она охватила член губами, сначала головку... затем медленно вбирая в себя целиком. Я застонал от удовольствия. — Продолжай. — Фиксирую её голову, держу за волосы, и не могу отказать себе в удовольствии несколько раз насадить её ртом на ствол.

Она полностью в моей власти. Скулит от страха, едва не плача, забывая дышать, и слюни текут изо рта прямо по подбородку...

Не сопротивляется. Подчиняется молча. Старается мне угодить. Облизывает. Сосет. Ласкает языком уздечку. Способная, сука. Нет сил ждать! Трахаю в рот, не давая шанса вздохнуть... Член напрягается. Вынимаю его.

— Высунь язык! — Выполняет. Рука скользит по стволу, быстрее и быстрее. Кончаю ей на язык, но спермы так много, что она заликает ей лицо, испачкав волосы. Растираю членом сперму по лицу. — Высоси всё! — Ударяю по губам: Хорошая девочка!

Она поднимает голову, отбрасывает мою руку. Поднимается и... Плюет мне в лицо! Безмолвие. Молчание и удивление пробирается в каждый угол моего сознания. Дышит часто,

зрачки расширены. Сильный удар пощечины, который сбивает её с ног.



Прошла неделя, жизнь текла своим чередом. Эви хлопотала по дому, и хотя первоначально ее задница была пунцовой от порки, со временем она усвоила основные уроки и наказаний стало меньше. После её выходки с плевком в лицо, я приковал её к батарее на сутки, пока она не попросила пощады. И не пообещала потрескавшимися губами, что теперь она будет слушаться.

От её покорности у меня сразу же начиналась эрекция, чувствовал, как натягивается ткань на моих трусах, член словно дикий зверь рвется из клетки. Сходив в душ и освежившись прошел в спальню. Время порки. Суббота. В комнате царил полумрак, горели только два ночника у моей кровати, едва-едва слышно скрипнула дверь и на пороге комнаты показалась Эви. Она была полностью голой. В нерешительности, как и всегда, она застыла в проходе и ждала моих указаний. А я решил немного насладиться ее видом... эти её узкие плечи, маленькие упругие сиськи с манящими сосками, мягкая круглая попка. Блять... Снова! Как и всегда терял разум рядом с ней! По ее лицу я понял, что она предположила, что сейчас ее выпорю, а потом отымею.

— Проходи и ложись, — сказал я, — у меня для тебя есть подарок. Теперь я буду пороть тебя вот этим. С этими словами я достал падл и легонько шлёпнул себя по ноге.

Переступив порог комнаты, она опустилась на колени и путь до моей кровати проделала на четвереньках. Такова была моя воля! На кровати она легла на живот и приготовилась к порке. Сперва я легонько погладил ягодицы, а потом нанес удар. Звук был гулкий, Эви беззвучно дернулась, но как-то по-другому, не так когда я порю ее ремнем или стеклом. Взмах, слабый хлопок, ещё взмах, хлопок. Падл звонко прилетал на её сексуальную задницу, оставляя розовые следы. Распаяясь всё больше стал неистово хлестать. Шлепки стали яростнее, удары прилетали без разбора, задевая заветную щель... Еще мной не испробованную! Она уже не шептала, а тихонько стонала и всхлипывала. Неожиданно я увидел, что её лоно блестит. Засунув туда палец, я обнаружил что это... смазка! Черт да она течёт! От этой мысли во мне окончательно проснулся самец. Резким движением я перевернул ее на спину. Раздвинул ноги и присосался к влажной дырке. Она лежала, не шевелясь, сминая пальцами простынь. Продолжая работать языком, пытался довести её до оргазма, но она не доставила мне такого удовольствия.

Тогда я поставил её в коленно-локтевую, ей привычную, и начал жестко трахать в анус, а потом остановился. Разорвал простынь на лоскуты и связал ей руки. Перевязал шею и продолжил разрабатывать дырку жёстким трахом, удерживая шею лентой из простыни.

Она начала вырываться, но я её не слушал, крепко держал за бедра, пока не вставил ствол полностью. Начал долбить в задницу с удвоенной силой, а она плакала, но уже не пыталась вырваться — поняла, что бесполезно. Но видно ей стало слишком больно, когда услышал, что она начала просто умоляюще просить остановиться.

— Держи, сука! — Шептал ей на ухо, продолжая драть её анус. — Не любишь, дрянь?! Не хочешь?! Будешь страдать! — когда поясница заныла в предвкушении оргазма, я вынул член и кончил ей на спину. — А теперь, пошла отсюда в свою конуру, псина.

Глава 11. Подарок на день рождения

Эви

Суббота.... Восьмая по счету суббота. Открывать глаза не хочется... Кажется... моему неуравновешенному мозгу кажется, что пока не открыла глаза, день не настал! Но это не так... И если вовремя не вспомнить, кто в моём мире располагает временем... Чёрт! Резко вскакиваю, истерично заметаившись взглядом по сторонам. Я медленно и уверенно схожу с ума...

В порыве жалости это чудовище выделило мне ночнушку, в которой я могла ходить, когда ран, оставленных розгами, оставалось больше, чем планировалось. Мягкая, лёгкая ткань не так сильно раздражала сдертую до крови кожу. В прошлую субботу он перестарался... Мне можно даже готовить в этой незамысловатой одежке.

Дела по дому стали моей отдушиной. Пока убиралась и готовила, мир не казался таким приторно ужасным, каким был на самом деле. Ещё один, наверное, главный плюс этого времени в том, что тварь в это время довольно часто улепетывала по своим делам. А я дышала... Я иногда дышала.

Состряпав суп, плов и салат, вымыв полы и прогладив все его рубашки, разочарованно вздохнула, прежде, чем посмотреть на часы. Значит, время на исходе... Значит, он скоро вернётся. Сцепила веки, и судорожно сжала край стола. Прежде, чем подняла пустой взгляд на нещадно тикающие стрелки циферблата, раздался щелчок провернувшегося ключа в скважине. Притаила дыхание, заранее прокручивая в голове знакомое до боли...

— Дома. Моя сучка по мне скучала? — Так он насмеялся... Улыбался, не сводя с меня похотливый взгляд, и шипел эти слова, с неким, лишь ему понятным, трепетом. Называя меня сукой, псиной, он ликовал. Ликовал от правды, которую воплотил в жизнь. Ликовал от того уровня, до которого меня опустил. От ощущения шероховатости моего языка на своих пятках, за право жить. Пусть и собакой, но, все же, жить... Мне приходила в голову мысль покончить с этим. И даже возможность была такая. Но, не решалась сделать крайний шаг... Значит, ещё не конец. Значит, ещё не сдалась.

Поставила перед ним столовые приборы, и получила звонкий всплеск ладони по заднице. Знает, что мне больно, потому и бьёт... А после проводит тыльной стороной нежно. Почти невесомо, оставляя волну мурашек. Вот этого я не понимала... Понимала, что ему нравится бить меня. Видеть, как моё лицо искажается, когда под его инструментами лопают кожа и пропускает ручейки крови. Но не могла! Чёрт возьми, не могла понять, зачем иногда в его касаниях была нежность.

Сели за стол. Ели, как обычно, в полной тишине. После трапезы поднялась, и хотела собрать посуду. В мойку отнести, помыть, и... И морально готовила себя к тому, что будет после... Но, он повел рукой, приглашая меня сесть обратно. Я округлила глаза, перебирая варианты, что могло прийти в его умалишенный мозг на этот раз... Села, придерживаясь за спинку стула руками. Невольно подметила, что они дрожат... Тело так его знает. Я так его знаю... Ничего хорошего он сделать не способен...

Встал. Обошел столешницу, и плавно, как довольный гепард, направился ко мне. Шаг за шагом его дыхание слышалось все отчётливее... Запах его духов накрывал обоняние. Еле сдерживая себя, чтобы не всхлипнуть, я беззвучно закусил губу. Рука легла мне на плечо... Плотно закрыла глаза, подрагивая от неизвестности. Слышу шелест бумаги позади. Достал

ее из кармана

— Смотри. — Распахнула веки, и увидела горсть примятых писем, что он придвинул прямо мне под нос.

— Что это? — Нерешительно обернулась, встретившись с его неожиданно грустными глазами.

— Это... — Потупил на секунду взгляд, в после снова решительно на меня посмотрел. Словно приказ себе отдал. — Я знаю, что у тебя сегодня день рождения... — День рождения? У меня? Сегодня? Неподдельно удивилась; да, я не знаю, какое число. И скоро начну забывать, какой месяц. Все, что у меня есть — это личный пересчет дней, с момента нашей первой встречи, начерченный на стене в подвале. Но, ещё больше меня сбили с толку его слова... Он знает? Больше! Он об этом упомянул?! — Так вот... — Хриплс прокашлявшись, продолжил. — Это письма от твоей матери. Я решил, что могу позволить тебе их прочесть, раз уж сегодня такой день...

Услышав сказанное, несколько секунд молчала, ошарашенно впиваясь взглядом то в него, то на листы, исписанные по правде знакомым почерком.

— Но... Как?! — Бегая глазами по строчкам, задавала вслух бессвязные вопросы. — Она пишет? Не ищет? За это время мама решила бы, что меня нет в живых, раз я на них не отвечаю... Писала? Она правда мне писала?!

Виновато... Он смотрел — Виновато! Чувствовал себя — виновато! И я совсем сбилась с толку, пытаюсь подобрать все возможные варианты, как его лицо при мне могло приобрести такое выражение...

— Я отвечал на её письма. — Бросил монотонно ответ, потирая свободной рукой затылок. — Она слишком настойчиво добивалась от тебя весточки. Если бы я это проигнорировал — могли возникнуть сложности.

Я забыла... Правда забыла, с кем я, где я, и при каких обстоятельствах получила вестку от самого родного человечка... Просто, фактически вырвала с его рук ворох писем, и впиваясь расфокусированно, стала вчитываться в каждую строчку.

Мама... Мамочка... Мамуля... Слезы стекают по лицу, застилая контрастность и ясность. Только слова такой знакомой, близкой сердцу, женщины... "Дорогая, девочка моя, любимая, дочурка"... А я ведь забывать стала, что меня звали иначе. Не только Псина, не только Собака и Сука! Глотаю воздух, сжимая пальцами уголки конвертов. Капли влаги стекают на марки... А он молчит! Какое-то время не замечала этого... Потом, обернувшись, увидела... Увидела крошки осознания! Возможно, сейчас он впервые посмотрел на меня не как на Игрушку, а как на человека... Как на чью-то дочь! И, я не знаю, какой изувеченной частью своего сознания, я решила, что это может быть надеждой на просвет...

— Отпусти меня... — Почти беззвучно, глухо, бормотала про себя, неуверенно глядя в его пропитанные болью глаза... — Отпусти! — С каждым гласным прибавляя жизнь голосу, взвыла, и не сразу заметила, когда его взгляд стал звереть. Если бы заметила... — Умоляю! — Рухнула на колени, прижимаясь головой к его коленям, пачкая джинс слезами...

Не знаю, какое время длилось покаяние у ног сильного; прошло пару минут... Или больше... Неподвижно. Мы замерли, неподвижно; на прохладной кухонной плитке ерзали и стирались голые колени. А после... После я поняла, что подписала себе приговор.

Резко обхватил меня за волосы, и потянул с большей силой, чем всегда. Прямо на себя. Прямо в притык, лицом к лицу. Веки широко распахнуты. Ловлю бездну безумия, что

буйствовала в налитых тьмой зарницах. Боль у корней натянутых прядей стала совсем неважной, когда осознала, на этот раз цербер сорвался с цепи... И сами черти не смогут его укротить!

— Ааааа... — Жалостливо взвизгнула, чем спровоцировала ещё более гневный взгляд.

— Заткнись!!! Заткнись, тварь! Сейчас я тебе докажу, что ты Моя! Докажу, чтобы впредь не пришлось сомневаться...

Глава 12. Смерть души

Эви

Ладонь наклывла разметавшиеся по холодной плитке волосы, сжала несколько прядей, и вдавила затылок в пол до боли. В глазах помутнело, все, как в тумане... Прикрыла залитые слезами веки, и тут же получила звонкую, благо, не сильно болезненную пощёчину. Распахнула глаза. Притянул мое лицо к своему ближе, опалая потресканные губы жаром своего дыхания. Зафиксировал жгут волос так, чтобы я ни отвернуться, ни снова опустить взгляд, не могла.

— Ты будешь смотреть на меня! — Проник в самое сознание безумными, темными радужками... А я и сейчас с трудом понимала смысл его слов. Всхлипнула... Мою ночную сорочку рванул вверх, оголяя тело до плеч. Лежу перед ним голая. Все мышцы судорожно сжались. Его мерзкие пальцы принялись блудить... От ключиц, по лёгкому лоскуту ткани, собранному гармошкой над грудью. По соскам, то болезненно пощипывая, то сминая, то поглаживая. По животу, сжимая талию, оставляя дорожку на пупке, до бедер. Лихорадочно заметалась взглядом по себе, и он снова вздернул мою голову...

— Я сказал, ты будешь смотреть на меня! И не смей, сука! Не смей отвернуться! — В горле скопился ком желчи и слёз, не позволяющий сделать вдох. Его руки причиняют боль... Сердце отбивает ритмичные неравномерные удары, и я чувствую, как кости пробирает страх.

Пальцы опускаются между ног. Они инстинктивно сжимаются, дрожь сводит скулы. Болезненный удар по внутренней стороне бедра, и я нехотя разжимаю колени. Фаланги протискиваются между складочек. Морщусь, всхлипывая ещё чаще, ещё болезненнее. Быстрое трение в промежности причиняет жуткий дискомфорт. Холод пробирает поясницу. А мне даже веки сжать нельзя... Все это время я, роняя грозди слёз на красную от удара щеку, смотрю в его умалишенные глаза.

Возвращает руку к соскам, ещё раз поглаживает, ещё раз сжимает, рычит от злости. Видимо, он пытается сделать с моим телом что-то, чтобы оно дало реакцию. Да я и сама не против! Но, тщетно! Бьёт по груди, ещё раз, кожа жжет, и он истерично накрывает рукой клитор, растирая сухую плоть до покраснения. Кусаю губы, чтобы в слух не закричать от ужаса. До крови кусаю. Пальцы перебирают кожу, и один он пытается протолкнуть... В меня! Чёрт, в меня! Не в задницу, а в ту дырочку, которой ещё не касался ни один мужчина!

Вот что было ужасом... Ужас буквально в одну секунду накрыл с головой. Окутал черным густым туманом душу и разум. Задрожала... И стала лихорадочно метаться. Это даже не было попыткой вырваться, просто инстинкт самосохранения оказывал посильный протест. Ноготь задевает чувствительную плоть, больно... Неприятно... Сухо. Пытается продавить, проникнуть в девственную шелку и я спускаю жалостливую мольбу...

— Проооошуу... Мне больно... Не надо... — Задыхаюсь от скопившейся в глотке влаги. Ублюдок на секунду отстраняется, опускается ниже, рывком разводит мне ноги до тягучего жжения в бедрах, наклоняется, и злочно плюет прямо туда, после врываясь пальцем в дырку. Взвизгнула.

— Аааа... — Поджала под себя щиколотки. — Отпусти... Отпусти... Умоляю!!!! — Знаю! Не поможет! Но мне более ничего не остаётся! Лег на меня сверху. Почувствовала, как твердый член упирается в кisku, по которой стекает слюна. Головка надавливает. — Нееет!!! Нееет!!! Прошу!!!

Язык касается моих губ, проводит по контуру, собирая с них солоноватую влагу. Его рот накрывает мой, но я не отвечаю. Он просто обсасывает кожу вокруг, рычит от ярости, пока стону в истерике. Упирается дальше. Подбирается... Скулю побитым псом, от влагалища разносятся ноющие волны, чувствую это! Чувствую, как он входит! Мокрый, склизкий язык ложится на лицо, рисует по впадинам от щеки узоры; негласно хриплю "ненавижу...", впиваясь обломками ногтей в плитку.

Он входит глубже, каждый миллиметр, каждый миг невыносимая тупая, пульсирующая боль, отдается ломотой в костях.

— Расслабься, Сука! Расслабься, иначе порву тебя к чертовой матери, а врача ты не увидишь... Не увидишь, дрянь... — Шипит мне в лицо, ещё сильнее натягивая волосы. И я пытаюсь! Готова сделать что угодно, чтобы просто прекратилась боль... Но не выходит! Ничего не выходит! А он не останавливает, увеличивает напор. Он во мне!

Нет! Нет!!! Он во мне! Мерзко вводит. Вводит... Выводит... Снова проходит глубже. Боль сильная. Боль теряется. Каждая клеточка напряглась. Тело непослушное, как каменное. Замерла, и терплю, плотая сбивчивое дыхание, беззвучно. Жизнь теряется. Жизнь уходит. Слова мамы пытаюсь вычеркнуть из памяти. Не говори со мной... Не говори... Нет больше твоей Эви. То, во что она превратилась, не стоит даже памяти о пустой, раздавленной оболочке.

Толчки усилились. Равнодушно обмякла, с каждым проникновением пронося через себя новые ноющие посылы. И так он делал какое-то время. Не чувствовался больше зуд в корнях волос. Каждую секунду я смотрела в его глаза. Похотливые, безжалостные, пустые.

— Аааа.... Даааа... Тугая дырка! Моя тугая дырка! — простонал мне в рот, напрягся, и я почувствовала, как по складкам стекает нечто вязкое, отвратительное. Ещё несколько раз протиснул в меня обмякший член, и вытащил, тяжело и грузно дыша мне в ухо. Я лежу... На холодном полу. Заливаюсь слезами.

Подонок встал на колени. Потянул мою рубашку вниз. Будто брезгливо протер краем сорочки промежность, и поднялся. Молча. Стряхнул с головки остатки капель, поднял свою рубашку и вышел. А я не вставала. Не помню, сколько. Лежала и смотрела на ткань в крови и сперме. Вдыхала отвратительный запах этого чудовищного дня. Сжалась калачиком, обняла колени. Между ног болит, но это уже и не важно. Шепнула себе...

- С днём рождения, Эви...

"Ла...ла-ла-ла...Ла-ла-ла... Ла-ла-ла... Моя леди..." — напеваю введшийся мотив, впиваясь сточенными до крови ногтями в бетонную стену. По лицу ползет улыбка... Вдавливаю сильнее, оставляя отметину. Противный скрежущий звук, сводивший с ума первые месяцы — теперь меня забавляет. Давай же... Тонкая, израненная фаланга хрустит, от давления, но проклятый, искусанный, тонюсенький ноготь больше не оставляет таких следов, как в первые дни. Кальция не хватает! Нервный смешок дополняется частыми всхлипами, и перерастает в истеричный смех... Смеюсь, шатаюсь взад-вперед, прижимая свободной рукой колени к груди. Не прекращая впиваться в потресканный холодный бетон... Ну же! Давай! — "Моя... Леди..." — оставь чёрточку... Пожалуйста... Оставь! Я сказала Rrrrrr!!! — яростно прорычала, всё так же улыбаясь... — Оставь чёрточку, проклятый, сдертый до мяса, ноготок... Оставь! — лишившись терпения, с размаху начинаю выбивать дурь из дурацких пальцев! Кровь и сукровица мажется по стене... И я замерла... Притихла... Смотрю на алые следы... Мне нравится... Эти разводы завораживают... Они похожи на цвет моей невинности, которую Он отнял.

— Теперь я грязная... — ухмыляюсь ещё шире, касаясь собственной крови — Грязная... Как эта ночная сорочка на мне... — обхватила льняную ткань, бело-черного от подвальной пыли цвета. Пропахла его запахом... Мерзость... Его сперма, слюна... Цепко сковала, и хотела рвануть... Только, тогда снова придется лежать здесь несколько дней голой. Нет... Такой радости ему не доставлю... Пусть будет. — Ха-ха-ха... - какой у меня мерзкий смех... В такт песенке сойдёт — Ла...ла-ла-ла...Ла-ла-ла... Ла-ла-ла... Моя леди..."

Доведя мотив до окончания, огляделась. "С днём рождения, Эви... С днём рождения, Эвии... " — протянула в уме свое имя, и на меня вдруг накатило прозрение! А ведь это оно! Именно оно! Лучшего дня не сыскать!

Подскочила, и заковыляла к противоположному углу. Упала на колени, мелкие осколки щебня впиваются в кожу. Саднит. Ложу ладони на грудку собранной в горку грязи, и разгребаю ее. Вот он... Вот он...

Карманный нож, что я стащила с кухни. Пригодился. Я знала, что ты понадобишься! Посмотрела себе на запястья. Интересно, сколько нужно времени, чтобы истечь кровью? Что ж, Очень скоро мы это узнаем....

Глава 13. Раскаяние

Артём

Когда всё закончилось, я встал, застегнул брюки и, взглянул на неё: истерзанная, в разодраной ночнушке, на её плечах и груди синели укусы. Её трясло. По внутренней стороне бедра стекала моя сперма, вперемешку с девственной кровью — прямо на голый грязный пол. Взял ключи от машины и уехал, оставив её лежать на полу. Я не боялся побега. Бежать некуда. Всё забито наглухо: окна без ручек, тройные стеклопакеты, которые не так-то просто разбить, тем более такой, как она. Дверь железная снаружи, закрывается на один замок, но какой! Сделанный из прочной стали, врезной, с фигурными пластинами и четырьмя винтами с дополнительными броненакладками... Вторая дверь, внутренняя, запирается на обычный замок, но и его не открыть обычной шпилькой...

Я сидел за столиком в малолюдной забегаловке и вспоминал то, что сегодня сделал. Каждый удар сердца отдавался болью, шел по венам. Казалось, что оно хочет выскочить... выскочить из моего тела... оторваться от меня... Дыхание стало частым, я просто заглатывал воздух, не имея возможности нормально вздохнуть.

За что?! Зачем?! Почему?! Для чего?!... Крутилось в голове. Это как кошмар, который никак не закончится.

Я обхватил щеки ладонями, щетина колокола пальцы, но это меня не тревожило. Снова и снова прокручивал всё, что произошло. Всё, что за это время делал с ней. Словно пытаюсь запомнить каждое мгновение... каждый взгляд... каждое слово... Сердце не переставало стонать, а в лёгких медленно сгушался ком, перекрывая доступ кислорода. Меня накрыло чувство раскаяния, безысходности, ненависти к себе. Чувство настолько сильное, что я захотел своей смерти. Я и так умер! Умер, вместе с ней, когда увидел... Пустоту! Я увидел пустоту в её глазах!...

Только сейчас до меня стала доходить реальность происходящего... Я понял, что означал её взгляд... Меня пронзило могильным холодом. Таким, словно меня живьем закопали. Я пулей вылетел из бара, кинув на стол две сотенные купюры. Едва залез в авто, не пристегнувшись, нажал на газ и рванул с места...

Открыл дверь и опрометью бросился вниз по лестнице. Дольше обычного возился с металлической дверью, — хоть засов я больше не использовал, — так тряслись руки.

Эви сидела на полу, привалившись к стене. В одной руке зажат нож, а другая... Божее!!! Другая была вся покрыта застывшими сгустками крови, а рядом на полу остывала красная лужица. Её взгляд потух. Она смотрела сквозь меня.

— Эви! Боже, Эви! — Закричал не своим голосом. — Что ты сделала, детка?! Что ты наделал?! — Подбежал и пощупал пульс на шее: дышит. Пульс еле прощупывается. Но есть! Подхватил ее на руки и поднялся по лестнице в свою спальню.

— Эви, милая, родная, посмотри на меня, — произнёс, едва слышал тихий стон. — Посмотри на меня! — Она безотчетно замотала головой, отказываясь открывать глаза. — Всё хорошо, детка. Всё будет хорошо.

Принёс всё необходимое и обработал раны: соединил рваные части кожи, продезинфицировал и наложил повязку. Дал ей выпить обезболивающее и успокоительное, благо в аптечке этого добра хватает.

Как же так, Господи?! Как же я до такого докатился?! Жестоко издевался над девочкой!

Она же совсем ещё ребенок!

— Эви, милая моя, прости! Прости, если сможешь! Нет! Не прощай! Я не заслуживаю. Да и сам я себя простить вряд-ли смогу...

Я говорил с ней почти час, пока она мирно спала. Я говорил о том, что я искуплю. Восполню, сделаю все, что в моих силах, чтобы она забыла. Забыла какую боль чувствовала рядом со мной и как жестоко я с ней обращался. Я говорил и говорил, зная, что она меня не слышит. Ведь сказать тоже самое ей в лицо, я не смогу. Я не достоин говорить с ней. Да я даже дышать с ней одним воздухом не достоин.

Как я смог всё испортить?! Ведь я не один год любил её. Восхищался издалека, обожал... Обожал в ней всё, даже её несносный характер. И так теперь убил её. Сломал. Уничтожил всё, что было ею. Господи! Пожалуйста! Пусть она поправится! Я больше никогда! Никогда! Не причиню ей боли. Из-за меня Эви не проронит больше и слезинки. Я буду ей опорой и защитником! Сделаю всё, чтобы она была счастлива. Чтобы больше никогда! Не столкнулась с жестокостью.

Пока Эви спала, я подготовил соседнюю с моей комнату: драил полы, вытерал пыль, поменял постельное бельё и повесил свежие шторы: здесь не убиралось, я даже вспомнить не могу, сколько... Во дворе срезал цветы и поставил их около кровати в высокую вазу.

Периодически проверяя её, заказал лёгкий ужин и засел в интернет. Надо сделать необходимые покупки: у неё совсем нет одежды. Оплатив картой заказ, снова прошёл в спальню. Я должен быть рядом, когда она проснётся. Я должен объяснить, дать понять, что... Такого больше не будет. Я должен!!!

Просидев ещё с полчаса, я забеспокоился: Эви спала более восьми часов. Подошёл ближе и проверил пульс: слышен ясно. Дыхание ровное. Всё должно быть в порядке, почему же она... Не успел подумать, как она открыла глаза и посмотрела на меня прямым немигающим взглядом. Попыталась встать, но тут же обессиленно повалилась на подушки.

— Эви, тише, милая. Не шевелись. Скажи, что ты хочешь, я всё сделаю. — Приподнял её немного и усадил. Было неловко смотреть ей в глаза, но она глядела на меня не обвиняюще, а будто не понимает, где она. — Хочешь, я приготовлю ванну? Или может быть ты хочешь поесть? Или... Господи! Я идиот! Она же... — Детка, ты хочешь в туалет? Не бойся, скажи...

— Я... да, я хочу, — произнесла хриплым голосом иссушенными губами. — Я не могу встать. Помоги.

- Да, конечно. Обхвати меня за шею. — Поднял невесомую ношу и направился в туалет, усадил на унитаз, предварительно сняв с неё эту ужасную ночнушку. — Я подожду тебя за дверью, хорошо?

— Да, — ответила, держась рукой за стену.

Я быстро вышел и направился в ванную. Заполнил её водой и принес девушку, которая прижалась ко мне, будто я что-то значу. Она просто ещё в шоке. Она просто боится что-то сказать. Боится, что я обижу. Снова изнасилую или ударю. Как же всё исправить?! Как помочь ей?!

Для начала, надо дать ей помыться и накормить. Потом переодеть и снова дать отдохнуть. А потом... Завтра. Мы поговорим. Обо всем. Я встану на колени и вымолю прощение. Буду вымаливать его до самой смерти.

Закутав её в махровый халат, уложил в постель.

— Я сейчас. Принесу тебе поесть. Ты голодна?

— Почему ты заботаешься обо мне?! Ты мой муж?! — Как только эти вопросы слетели с ее губ, я резко остановился

— Что?! Что ты сказала!!! — Неверяще уставился на неё.

— Ну, ты такой заботливый, что я подумала, что мы...

— Что мы?... Женаты? Нет! — Я понял, что произошло. От шока и многомесячного заточения сделало своё дело. Её мозг отказался воспринимать такую реальность! У неё амнезия. Господи, что же это?! Благословение свыше или злой рок?! — Эви, милая, мы не женаты, но мы любим друг друга. — Ложь далась мне легко. Здесь и сейчас. Только так я смогу добиться её любви и прощения. Новая Эви. Новый я. Новая жизнь...

Глава 14. Свет луны

Артём

Я сотворил херню, ошибся, споткнулся. Мучился виной. Влажные от нервов ладони стали постоянными спутниками. У меня никого нет, кроме неё. И никогда не было. Я не простил себя. Не простил, и не знаю, смогу ли...

С ней какая-то часть меня будто просыпается. Она словно затрагивает во мне неизвестные глубины. Господи! Я такого натворил, а она считает, что я самый лучший. Она меня принимает. Таким какой я есть. Бля, принимает! Потому что не помнит! Ведь речь об этом... Если я задерживался, она сходила с ума. Накручивала себя: не отходила от окон, прислушивалась к шороху, шагам за дверью. Она за меня очень переживала... Всегда и везде. Я наконец-то понял смысл любви: она не ставит условий. Любовь — это когда ты нужен.

Я читал ей вслух, каждый вечер, сидя рядом с ней на постели. Мы терялись во времени, и пространстве. Пришёл ноябрь. Три недели... Три недели после... Мы гуляли во дворе, Эви изъявила желание сделать скворечник. Сказано — сделано. Висит на дереве, привлекая птиц яркой раскраской. По приходу домой повесил полки на стены, которые недавно приобрели. А она расставила на них книги, томик к томику. Уходя на работу, я обязательно оглядывался и отправлял ей воздушные поцелуи, а она их ловила и отправляла обратно. Мы дико скучали в разлуке. Как только я возвращался, она прыгала мне руки и мы целовались. Бесконечно долго. Голодные друг до друга.

— Привет, детка! — Говорил по приезду домой.

— Ну что ты так долго?! Знаешь же, что я тобой дышу. Что ты всё и ещё чуть-чуть... — Новая Эви стала нуждаться во мне. Я незримо присутствовал в каждом моменте её жизни. Читал её, как книгу. Узнавал... Вытащил на свет всё скрытые фантазии, придал им смысл и образ...

— Знаю, я же тоже отсчитываю секунды.

Дарил ей цветы каждый день без повода, а Эви радовалась, как ребёнок. Так протекали наши дни... Мне казалось, я повзрослел, будучи взрослым. В тот день произошла переоценка ценностей: Эви стала важнее всего. Стала смыслом моей жизни.

Узнал, что она восхитительная девушка, такая чувственная, веселая и умная. Она заставляла меня смеяться до потери пульса, взрывала мой мозг своими истериками. Да, иногда они давали о себе знать. Каждое утро я просыпался с ее рукой на моей груди и осознавал, что счастлив. Я просто дико ее любил. Она стала моим идеалом, и ни что не могло повлиять на моё мнение.

Только сейчас я увидел в ней живого человека: понимал, что она может быть не в настроении, иногда хочет поплакать или погулять в своих мыслях. Вот тогда я загоняюсь. Мне кажется, вот он момент истины. Сейчас. Сейчас она всё вспомнит и наша счастливая жизнь рассыпется. Но, ничего не происходит. Эви всё также любит.

Я практически не спал, с огромным трудом ходил на работу, так мне хотелось все время проводить со своей возлюбленной. Настроение менялось резкими скачками: я то был любимым, то, мне казалось, она не любит. Депрессия становилась регулярной, несмотря на наш мир счастья. А Эви, моим эмоциональным наркотиком...

Эви

— Хах-хах-ха... — Тяжело, грузно дыша, распахнула глаза, судорожно сжав в пальцах край одеяла. Нервно забегала глазами по периметру темной комнаты, и резко обернулась к Нему. Любимый... Мой... Обхватила его руками и тесно прижалась, обдавая жаром дыхания его щетинистую щеку. На лбу выступила испарина и я сцепила дрожащие веки, мысленно отгоняя остатки очередного кошмара.

Мне снились ужасы каждую ночь. Я не говорила ему. Несла это в себе. Не хотела обременять его своим состоянием. Он не должен знать, что творится у меня в голове... Не помнила, кто я такая. В тот день, как он появился перед моими глазами, и до этого момента, кроме него в моей жизни ничего не было. Он — моя жизнь. Моё дыхание. Я словно из ниоткуда. Призрак, без рода и имени. Весь мир для меня — этот дом. И любимый мужчина. Не помнила имени — он дал мне имя. Не знала, что мне нравится — он разделил увлечения. Кто моя семья? Есть ли она у меня? Откуда я родом? И, важно ли это...

Что-то подсказывает, что-то в моём подсознании, что нечто, скрывающееся за пеленой беспомысленности, может меня сломать. Разрушить все представление о течение моего существования. Спутает меня... Кто друг, а кто враг. Потому, я не пыталась вспомнить. Скорее убегала от воспоминаний, боясь оказаться под лавиной, сметающей все на своем пути...

Я прижималась к нему — и этого было достаточно. Слушала его мягкое сопение, и приходила в себя... Ненадолго ощущала покой... Он не был солнцем, нет. Он был лунным светом. Ярких солнечных лучей я бы испугалась. А луна — таинственная, блеклая — была необходимым мне источником, не позволяющим заблудиться в кромешной тьме. Моя Луна не позволяла мне сойти с ума от страха. И стала моей одержимостью...

Зависима во всем. Черты его лица перед глазами. Запах его тела — моя необходимость. Я боялась будней... когда он шел на работу, сходила с ума. Часами сидела у окна, слушая, как тикают часы. Медленно... Бесконечно медленно... Не ела, не гуляла. Не смотрела на небо. Лишь на следы от шин его автомобиля. Я не читала книги. Но могла часами ровнять тома на полках, которые он для меня повесил. Ждала вечера, чтобы он мне читал. Его голосом, и никак иначе...

Я не любила его собаку... Я её ненавидела! Улыбалась, глядя, как он её гладит, чтобы Артем не догадался, и ненавидела... Ведь по его возвращению он подходил к ней первой, и лишь после — ко мне. Ревновала. Безумно! Проклятая псина отнимала чуточку его внимания... И уже за это я хотела её отравить!

Я смеялась, радовалась, плакала... Жила! Только когда он был рядом! И точно я знала только одно — отними его у меня сейчас — я умру. Буду мучительно и медленно умирать, вдыхая прямо с флакона запах его парфюма. Свет моей Луны... Рассвет моей Луны...

У меня часто болел живот. Но и об этом говорить не хотела. Он мог отправить меня в больницу! А такого исхода допустить было нельзя. Я не смогу нигде, кроме как здесь. Только в его доме... Только в его постели. Когда боль стала совсем несносной, а Артем был на работе — я нашла его аптечку. Почти ползком по ванной плитке, перебирала лекарства, не видя названий. В глазах двоилось... Плакала, и перебирала без толку. Морфин... Кое как сложились буквы в слово, и я впила ногтями в упаковку, доставая облегчающий муки препарат. Выпила... И скоро мне стало легче. Благо, этого добра здесь хватает. Значит, я нашла спасение. И он не заметит... Ему нельзя знать!

Скоро он вернется, и найдет дома свою любящую, веселую Эви... У которой все хорошо... От которой он никогда не захочет отказаться...

Глава 15. Близость

Эви

Мы жили идеально... Если не считать того времени, в котором его не было около меня. Каждая секунда вместе казалась кусочком рая. Жесты... Слова... Прикосновения... Такой родной. Весь. Запах, шероховатость кожи, изгибы, очертания. Я могла любоваться им сутками! Просто часами смотреть на его лицо. Проводить пальцами по несколько дневной щетине, которую я сама просила оставить, так сильно мне нравился ее небрежный вид и колкость наощупь. Когда соприкасались наши взгляды, мне хотелось плакать от счастья. Тонуть в глазах любимого... Это ли не лучшее, что может быть? Знать переливы цветов. Как они отсвечивают на солнце, и как темнеют при тускнеющих лунных бликах. Мне было всегда его мало! Я не знала, как приструнить свою жажду... Казалось, объятия, даже самые продолжительные и трепетные, не могли ее утолить. Поцелуи не заполняли пустоту души. Ведь мне хотелось заполнить им себя, и его собой. Полностью. До предела! Тело реагировало на него, на его дыхание, на улыбку... С лёгкими неладное творилось. Сердце стучало, как бешеное, и я отчётливо ощущала тягу близости внизу живота. С появлением в моей жизни спасающего обезболивающего, я могла себе позволить чувства куда более приятные, чем ноющие обороты острия ножа в области матки.

— Я люблю тебя... — Шептала ему на ухо, прижимаясь ближе, и с губ срывались протяжные вздохи, когда представляла, что сейчас же провожу по мочке его уха языком, и прикусываю кожу зубами. Сидя на его коленях, машинально подавалась бедрами к паху, желая соприкоснуться, но он будто игнорировал это желание, и, поглаживая по голове, как маленькую, укладывал рядом, спать.

Но мне было этого мало! Я хотела большего! Хотела быть с ним одним целым! Чувственной женщиной, любимой и любящей, желанной, а не фарфоровой куклой, с которой сдували пылинки...

Этим утром я проснулась, и в очередной раз потянулась к нему, ласковой кошкой. Обвила руками. Поцеловала щеку. Губы. Он приоткрыл глаза, и впился в меня томным взглядом.

- С добрым утром... — Шепнула, и провела ладонью от лица к шее, по плечам, медленно, изучая, смакуя. Наклонилась ближе, и протяжно выдохнула, щекоча дыханием его губы. Артем замер, на миг, обхватил моё запястье и прижал ладонь ближе. Я поддалась, впилась в горячую кожу пальцами, и придвинулась ближе. Неужели, сейчас Это случится? Хочу... Как же я хочу его! Закусила губу в предвкушении... Вижу в нем такое же сильное желание, как моё собственное! Прикрыла глаза... И... Он отодвинулся. Присел. И начал натягивать рукава рубашки. Мне стало так обидно... Сердце сжалось! Неужели он не видит?! Не чувствует?! А может... Может он вовсе меня не хочет?

— Эви, детка, люблю тебя, буду скучать. — Проговорил, даже не поворачивая ко мне голову. Встал, и пошел к выходу. Сцепила зубы... Подхватила подушку, замахнулась, и швырнула ее Артёму в спину... Резко обернулся, всматриваясь в мои глаза широко распахнутым, изумлённым взглядом. И я не сдержалась, по щекам побежали слёзы, всхлипнула...

- Ты не хочешь меня? Скажи! — Прокричала, сжимая до хруста пальцы.

Он приоткрыл рот, явно растерявшись от моего внезапного вопроса.

— Что ты сказала?

— Ты не хочешь меня, любимый? Ответь! Я ничего не понимаю... Столько времени... Неужели только я этого так желаю? Я хочу тебя! Хочу безумно! А ты будто не чувствуешь... Не видишь... Или... Я тебе не достаточно нравлюсь? Или... не хочешь того же?! — Несколько мгновений тишины. Стоит оцепеневший, неподвижный, словно в себя прийти пытаюсь. А я ждала, что после моих слов он... — Тогда иди к черту, ясно?! — Плач стал несдержанным. Стыдно, неловко... Резко отвернулась и накрыла лицо руками. Просто, уйди... Уйди... Не знала, как это ужасно, чувствовать себя такой жалкой...

Подскочил ко мне, плачущей, сзади, и обхватит. Притянул к себе в требовательных объятиях. Прижал так сильно, что стало тяжело дышать.

— Я не хочу?! Это я то тебя не хочу?! — Резко развернул к себе, и накрыл солоноватые от слёз губы неистовым, диким, лишаящим дыхания, поцелуем... Наши языки сплетались, бесконечно долго, а его руки гладили все мое тело...

Артем

— Артём, — отрывистый шепот был скорее похож на мольбу, чем на протест, но я поднял голову.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — хрипло прошептал, растерянно глядя на неё. — Только скажи, Эви. Одно твоё слово...

Она мотнула головой. Я уткнулся ей в шею, и стал целовать, языком облизывая нежную кожу. Её дыхание поднимало во мне жгучие волны возбуждения. Её сорочка начала спадать с плеч. Я пристально смотрел на неё, осматривая с ног до головы, будто вижу впервые. Затем тот же путь проделали руки. Я нежно погладил грудь, скользнул по талии. Обхватил крепко бедра и прижал к себе. Со мной творилось что-то странное: внутри меня рождалась трепетная нежность. Я хочу боготворить её. Поклоняться. Я хочу её! Хочу делать то, что ей нравится. Хочу быть нужным. С ней я хочу утолить голод своего тела и души.

Я встал на колени, нетерпеливо притянул к себе и впился губами в её сочную норку, языком имитируя половой акт. Она начала извиваться и тихо постанывать, что срывало крышу. Рукой погладив бугорок страсти, слегка обхватил двумя пальцами, не прекращая ласку языком, увеличивая наслаждение. Вскоре её спина изогнулась, руки на плечах ослабли, и я почувствовал на языке вкус её первого оргазма. Кайф! Знать, что я смог доставить ей долгожданное удовольствие.

Я отпустил её и накрыл своим телом. Мы целовались страстно, неистово. Она шептала что-то неразборчивое. Мой язык протолкнулся между её зубов, жадно погружаясь в рот. Она принимала меня! Мои поцелуи... прикосновения. Дрожала.

Не отрываясь от её сладких губ, снова пробрался рукой к жаркому источнику. Я сходил с ума от приступа бешеной страсти. Мой рассудок затуманился. Этому вихрю желания нужен выход... но, я не мог. Мне нужно согласие. Разрешение. Я не перенесу снова ненависти в её глазах. Она нужна мне.

Я немного отстранился, пытаюсь прийти в себя. Эви схватилась за мою футболку, пытаюсь приподнять вверх.

— Скажи! — Умоляюще прошептал я. — Скажи, Эви, что ты хочешь этого!

— Да, да, Артём. Я хочу тебя!

Услышав ответ, рывком стащил с себя футболку и пришёл ей на помощь: она

дрожщими пальцами пыталась растегнуть ремень. Осторожно отведя их в сторону, справился с пряжкой сам. Расстегнул пуговицу и молнию.

Стоило ей прикоснуться к моему члену, как я чуть не закричал от острого наслаждения. Как давно я мечтал о ней. Так хотел, чтобы... сама...

Я тронул грудь и, затаив дыхание наблюдал, как сжимаются её соски. Мои пальцы сами потянулись к этим бутонам и принялись осторожно массировать их.

— Красивая!... Сексуальная!... Волнующая!...

Эви покраснела, и стала ещё привлекательнее для меня. Сел, утягивая её на себя за талию, подтянул выше, чтобы она села мне на грудь. Какое-то время лежал, прислушиваясь к перестукиванию наших сердец.

Неожиданно Эви уперлась ладонями мне в плечи, приподнялась, затем, не сводя с меня глаз, стала осторожно и медленно опускаться. Я застонал от мучительного наслаждения, схватился руками за простынь, еле сдерживаясь. И тут она остановилась.

— Помоги. — Прошептала отрывисто. Её глаза горели от предвкушения.

— Блять! — Возбужденным голосом простонал я.

Взяв её за бедра, я рывком приподнял свой корпус и мощным движением бедер глубоко проник в неё, полностью овладев. Эви громко вздохнула и качнула бедрами, побуждая к действию.

Я хотел её! Хотел безумно! Внутри было очень тесно. Я толкнулся... сначала медленно и нежно, затем сделал рывок глубже. Толчок... Ещё толчок... Теснее... Глубже... Я уже не мог себя контролировать: её хриплые стоны сводили с ума. Я сам стонал от страсти, как безумный. Безумный и есть!

— Аааа, — Она взорвалась удивленным восторгом.

— Да, Эви, да, кончай, детка! — Шептал, судорожно выстреливая в её сжимавшееся лоно...

После мы долго лежали обнявшись. Она стала центром моей вселенной. Я молчу. Молчу, и почти не дышу. Ощущаю теплые волны между нашими телами. Мне хорошо. Спокойно. Уютно. Я таю от её молчаливо нежности, словно сахар...

☆☆☆☆☆

Я одержим. Хочу постоянно её видеть. Слышать голос. Вдыхать запах. Чувствовать тепло. Касаться её. С каждым днём хочу больше... Мне мало... Эви, автор всех незабываемых моментов в моей жизни. Всех ужасных моментов, и моментов счастья. Она, всё для меня... С ней мне хорошо. Она моя. А я... Я принадлежу ей...

Глава 16. Подарок

Артем

Мы выехали из города. В машине Эви уснула, на мгновение открыв глаза, когда я съехал с шоссе на заросший кустарником пустынный проселок.

— Где мы?

— Это же сюрприз, детка. — С улыбкой проговорил я. Она снова провалилась в полусон.

У развилки дороги мы свернули направо.

— Вот мы и на месте. — Я съехал на обочину и выключил двигатель.

— На каком? — Поинтересовалась она.

— Пойдем, — произнёс, взяв камеру с заднего сиденья.

Обнял Эви за талию и мы пошли по тропинке прочь от дороги. Потом свернули к группе деревьев и стали подниматься по склону холма, скользкого от опавших листьев.

— Смотри! — Мы выходили из кущи деревьев на покрытое травой пространство. — Вот мой любимый пейзаж. Я думал, что это самое красивое место, которое я видел. Он в стороне от дороги, в стороне от мирской суеты. Здесь только ты и я. Посмотри вниз. — Я аккуратно установил её на краю, а сам встал сзади, удерживая за талию. — Теперь это наше место. — Эви обернулась. Её глаза потемнели, будто поверхность озера, когда солнце закрывается облаками. — Не двигайся, я хочу запечатлеть тебя. Мне давно хотелось сфотографировать тебя на этом месте. Ты же знаешь, что я люблю тебя? — Сверкнула вспышка. — Я привез тебя сюда, чтобы мы поклялись, — пристально глядя на неё, словно зачарованный, — в верности и любви. Я сойду с ума, если потеряю тебя. Если ты... — я замолчал, боясь продолжить это если, боясь, что, если вспомнит... — Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, детка.

Эви подошла ко мне и обняла. Гладила по голове, целовала щёки, глаза, шею.

— Я твоя! Твоя, Артём! Твоя навсегда! А ты мой! Ты моя любовь! — Просунув руки мне под свитер, прижалась ко мне, как к единственному и родному человеку.

Мы взяли за руки и пошли вдоль реки. Ветер дул в лицо. Мы, как по команде, остановились и стали смотреть на медленно струящуюся гладь воды, в которой мерцали пузырьки и небольшие водовороты.

— Ты моя.

— А ты, мой!

☆☆☆☆☆

Мы остановились у величественного и одновременно холодного дома, открытого всем ветрам из-за своего положения. Он был красив суровой простотой. Внутри было холодно и очень темно. Прихожая предстала неприветливой и сырой. Я взял Эви за руку и провел в гостиную, заставленную старинной мебелью. В конце комнаты виднелся камин, в котором многие годы не разводили огонь. Эви плотнее запахнула кофту, тогда я снял свою и надел на неё.

Кухня тоже выглядела достаточно холодной, с каменным полом и отделанная деревом. На круглом полированном столе стояли свечи.

— Чей это дом?

— Я здесь вырос. — Указал на фотографию, стоявшую на камине. На ней я с родителями. Все выглядели очень официальными и недовольными.

— Это ты? — Эви взяла фотографию в руки и поднесла её к окну, чтобы лучше разглядеть. Мне здесь около семи. — Ты совсем не изменился, Артём. А твоя мама очень красивая.

— Да.

На втором этаже все комнаты были изолированными. Их было три.

— Где была твоя комната? — Я указал напротив.

Осмотрелся: детские обои, кровать, шкаф, кресло и небольшой стол. Ничего примечательного...

В спальне моего детства, Эви брала в руки каждый предмет, словно исследуя, ища разгадку под именем Артём. Она зарылась лицом в ворох старой одежды. Любимая прикасалась ко всему, проводила пальцами по всем поверхностям.

Эви присела на кровать. Оттолкнувшись от стены, устроился рядом. Моя рука пробралась ей под подол юбки и ласкала верхнюю часть бедра. Переместилась выше. Большой палец оказался у кромки трусиков. Сдвинул их и просунул палец внутрь. Она сидела, не шевелясь. Мое сердце колотилось, как сумасшедшее. Продолжая медленно двигать пальцем, не отрывал от неё взгляд. Наши глаза схлестнулись в безмолвном поединке.

Я откинул её на кровать, задрал подол платья, и снял мокрые трусики. Расстегнул ширинку на джинсах, вынул вставший член и, не снимая их, ворвался в тёплое лоно.

Эви

— Аааааа... — Простонала, впиваясь ногтями в его широкие, теплые плечи. Притянула ближе, напрягла бедра и поддалась навстречу, касаясь ноющими сосками его груди. Каждая клеточка тела наполнялась рядом с ним. Пустота души исчезала, волны удовольствия протекали по венам, формируя в области солнечного сплетения узел сбивающей с толку эйфории.

Влажная киска с благодарностью принимала его. Ускоряющиеся толчки вызывали восторг. Я отпускала себя, и с жадностью поглощала нескончаемое удовольствие, вызванное пульсацией сочащейся для него дырочки. В такт его движениям двигалась сама. Глубже... Ощутимее... Быстрее... Не оставляя и миллиметра расстояния... Так хочу чувствовать его. Чтобы это продолжалось вечно...

— Люблю тебя... Люблю тебя... — Вторю обрывки единственной фразы, в перебой с частым дыханием и неконтролируемыми стонами. Стеночки обвивают его твердый член, и он ускоряется, рыча мне на ухо.

Быстрые толчки... Сладкие толчки. Между нами электричество. Магия. Схожу с ума, и верно, без колебаний, отдаюсь этому неменяемому состоянию. Потому-что так я счастлива... Мое счастье только в нём... Развожу ноги шире, пуская его глубже... Извиваюсь под ним, предвкушая фееричный финал. Первая волна, и обильное количество влаги стекает по рьяно вторгающемуся в меня стволу. На лбу выступила испарина. Капельки пота стекают по его лицу... Приподнимаюсь, несмотря на слабость в теле, и неуёмную дрожь. И провожу языком по его пересохшим губам, собирая солоноватый привкус. Артём тут же накрывает мой рот страстным, несдержанным поцелуем. Мы сплетаемся, тонем друг в друге, пока оргазм, волна за волной, продолжает уносить меня лавиной наслаждения. Ускоряется.

Врывается в меня, даря усладу сокращающейся киске. Чувствую, как пульсирует центр нервных окончаний, и откидываю голову назад, громко выкрикивая его имя...

— Артем... Даааа!!! — Пока он кончает, в меня, и покрывает поцелуями шею. — Люблю тебя... Я люблю тебя... Я не смогу, ни за что не смогу без тебя жить... — Приподнимаюсь, обхватив его руками, не могу отдышаться, и твержу бесконтрольно, впиваясь в любимого широко распахнутыми глазами. — Ты понимаешь это?! Понимаешь, любимый?! Знаешь, что без тебя я просто не справлюсь? Умру, если ты исчезнешь!

Он дышит так же тяжело, как я. И отвечает беззвучно, взглядом. Взглядом, в котором виднеется долика страха...

— Эви... — Обвивает меня руками и прижимает к себе в крепких, почти болезненных объятиях. — Детка, зачем ты так говоришь? Я же с тобой... Я всегда буду с тобой...

— И хорошо — Роняю на его кожу частые, быстрые, истеричные поцелуи — Пока ты со мной... Пока ты с Эви, Эви будет в порядке... С тобой Эви будет в порядке...

— Эви... — Нежно шепнул на ушко, поглаживая волосы. Я лениво подняла на него сонный взгляд. Близость с ним дарит счастье душе, и способность видеть сны... Потому после меня обычно клонит в объятия Морфея. Улыбнулась, любуясь чертами его лица.

— Да, любимый... — Протянула, накрывая ладонью его щеку.

— У меня есть для тебя кое-что. Это подарок — Потянулся к штанам, сложенным на быльце стула, и достал из кармана бархатную коробочку. Я мгновенно взбодрилась и присела на кровати, радостно всплеснув в ладоши

— Это мне? Артем, правда? Я так рада! Очень-очень рада! — Какой же он... Самый лучший! Каждый миг, проведенный с ним, я не могла поверить собственному счастью. Всё идеально... С ним моя жизнь — идеальна.

Почему-то он выглядел виноватым. Не могла отделаться от этого чувства... Но, это ведь всего-лишь моё воображение. С чего ему испытывать вину? Ведь, он делает меня счастливой, каждым поступком, словом, действием возносит к небесам... Как и сейчас.

Открыл миниатюрную крышечку, и протянул коробочку мне. Внутри находились два кольца. Одно — больше, второе — меньше. На первом выгравирована буква А, на втором — Э. Замерла, забыв, как дышать. Словно опасаясь, что мне померещилось, чуть коснулась кончиком дрожащего пальца к золотым украшениям. Провела по прохладному драгоценному металлу. Под буквами мелким шрифтом написано — "Навсегда". А мне только это и нужно...

Глава 17. Затишье

Артем

Я вышел из тенистой аллеи и направился по площадке, покрытой зеленой травой, освещенной утренним солнцем. Окна кухни выходили на эту площадку, защищенную длинной верандой. Эви показалась в окошке, и увидев меня выпрыгнула из него с невероятной ловкостью.

Никогда ещё солнце не освещало такую красоту, такого совершенного создания, каким была моя Эви. В своем легком платье и с ослепительной улыбкой. Черты её лица правильны и нежны. Глаза живые, блестящие...

У меня сердце чуть не выскочило, когда она с разбегу запрыгнула на меня, обвила ногами бедра, и принялась осыпать моё лицо поцелуями.

— Любимый! Не делай так больше! Я проснулась, а тебя нет. — Она принялась сбивчиво объяснять, что чуть не сошла с ума, думая, что я бросил её. — Ты же обещал, что не оставишь меня! Обещал! Мы поклялись!

— Я никогда по своей воле не оставлю тебя, девочка моя! — Только, если ты сама об этом попросишь. То, что между нами сейчас это больше, чем притяжение, это счастье, в котором хочется тонуть. Мы дышим безумием. Но я готов сходить с ума снова и снова. Это не лечится. — Я никогда не уйду, Эви. Никогда...

— Милый мой! Любимый! — Весь мир в её голосе. В её запахе. Плевать на всё, главное, чтобы с ней.

Она стала всем для меня. Что-то поменялось. Меня затянуло в эту девушку. Я ловлю каждый её жест, взгляд, эмоцию. Впиваюсь губами в её губы, и подыхаю от восторга. Отстраняюсь, чтобы глотнуть воздуха. Обнимаю взглядом её припухшие губы, спускаюсь к шее, очерчиваю линию ключиц... Невероятно сексуально... И я понимаю, что пропал...

Беру её за руку и мы бежим, бежим, точно зная конечную цель. В комнате внимательно смотрю на любимую. Наше дыхание ещё не восстановилось, грудь вздымалась. Я ласково касаюсь её нижней губы, слегка надавливаю, заставляя приоткрыть рот. Наклоняюсь и крепко целую, проникая в рот языком. Держу за голову, исследуя рот. Отступаю, продолжая сжимать голову двумя руками, и потерянно смотрю на неё.

— Скажи, что любишь! Повтори! — Умоляюще шепчу я, снова страстно целую.

— Люблю, Артём! Очень-очень люблю!

— Хорошо. — Сердце отбивает бешеный ритм, пульс ускоряется.

Подталкиваю Эви к кровати, прожигая взглядом. Обхватываю за подбородок, приподнимаю вверх, открывая шею. Провожу языком по коже, целую, прикусываю.

Мои руки ласкают её грудь, а губы медленно повторяют движения. Нежный укус, ласковое посасывание. Бедра Эви начинают непроизвольно двигаться. Дойдя до пупка, опускаю туда язык, а затем легко покусываю нежную плоть живота. Она изгибается дугой. Я сажусь на колени перед ней, раздвигаю ноги в стороны. Беру одну ногу, сгибаю в колене и подношу ступню ко рту. Языком провожу по основанию, посасываю пальцы. Эви закрывает глаза и вскрикивает. Поднимаюсь выше по икре, целую сладкое местечко под коленом. Затем тоже самое проделываю со второй ногой.

— Пожалуйста, любимый.

Провожу носом между ног, а затем провожу губами. Эви начинает метаться. Стонет.

Медленно обвожу клитор языком, придерживая её за ноги.

— Аааа!

Кручу языком быстрее, яростнее. Её ноги напрягаются, и тогда я ввожу палец ей в дырочку.

— Детка, — хрипло простонал я. — Какая ты влажная. — Двигаю пальцем по кругу, проникая, а язык повторяет движения. — Кончай, Эви! — Она громко кричит в нарастающей агонии.

Встаю, беру её за ступни, прижимаю к требующему разрядки члену с двух сторон, и толкаюсь быстрыми, сильными рывками. Ещё несколько движений и я замираю, достигнув финала.

Наваливаюсь на неё сверху, всем весом прижимая к матрасу. Я принадлежу этой девушке телом и душой. Она — моя жизнь.

— Я люблю тебя, детка! — Хрипло шепчу ей прямо под ухом.

☆☆☆☆

Потом мы голышом идём к реке. Плещемся, как дети, брызгаем друг на друга. Мы вместе, мы любим и мы счастливы.

Эви вылезла из воды раньше меня. Она была очень соблазнительна. По её коже струились капли и блестели на солнце. От вида её стройной фигурки и маленьких ягодиц, снова захватило дыхание. По всему телу пробежали колкие мурашки. Я подошёл к ней сзади и коснулся кончиками пальцев её спины... между лопатками... Накрыл ладонями мягкую попку, и почувствовал, как мышцы Эви напряглись.

— Извини, наверное, сейчас не время. — Проговорил, не чувствуя никаких угрызений совести.

Просунул ладони между её рук и накрыл ими грудь. Чуть отодвинувшись назад, она коснулась моего возбужденного члена. Непроизвольно сжал её грудь сильнее, и она снова потерлась ягодицами. Убрал одну руку с её груди и переместил на живот. Пальцы тот час скользнули ниже и отыскали влажный бугорок. Я начал нежно, но настойчиво массировать и улыбнулся, когда Эви издав легкий стон, вцепилась в мою руку.

Стал целовать шею и плечи, не прекращая ласки. Грудь покачивалась в такт моим пальцам... сместил их чуть ниже и они погрузились во влажную норку.

— Артём, скорее... не останавливайся, прошу... ещё...

— И не думал, девочка моя. — Прошептал, ритмично погружая в неё пальцы, разгоняя дрожь по всему телу...

Я прижался к ней возбужденным членом. Эви медленно развернулась и потерлась сосками о мою грудь. Каждое прикосновение рождало сладкие ощущения. Она опустила руку и коснулась меня, чуть сжала и заглянула мне в лицо.

— Теперь твоя очередь, любимый, — прошептала она, опускаясь передо мной на колени. Мой член дернулся в её сторону и мгновенно исчез у неё во рту. Притянув меня к себе за ягодицы, заглатывала твердую плоть и ласкала ловким язычком. Мне показалось, что я сейчас взлечу, как воздушный шар и взорвусь мериадами звёзд. От возбуждения в голове всё помутилось, не с чем даже сравнить.

— Детка, — тяжело дыша проговорил я, — остановись. — Я наклонился и поцеловал её. Толкнул на землю и захватил губами её язык, посасывая. Одновременно катая между

пальцами торчащие соски. Затем взял в рот сначала один сосок, потом другой, обхватил двумя руками за бедра и придвинул ближе к себе. Я оказался между её ног, касаясь членом влажной пещерки. Хрипло застонав, Эви подтянула колени и развела ноги.

— Хочу тебя... — задыхаясь, прошептала она. — Войди уже в меня. Артём!

Она судорожно обхватила мою голову и прижала к себе. Ствол оказался у неё на животе, Эви сразу взяла его в руку. Я зажмурился, когда она потянула его ко входу во влагалище, обхватила меня ногами и резко прижала к себе. Член скользнул легко и глубоко. Эви ритмично задвигалась, и через несколько секунд с её губ сорвался громкий стон... Я начал безудержно врываться, с каждым толчком стоны усиливались. Мы дошли почти до помешательства... В какой-то момент она изогнулась, взяла в руку мою мошонку и сжала. Я окончательно потерял разум, и принялся энергичнее работать бедрами.

— Девочка моя! Люблю тебя! — Я смотрел в её глаза и видел себя. Эви вцепилась в траву и стала принимать удары глубже, поддаваясь навстречу.

— Артём! Я кончаю!

Я открыл рот, чтобы ответить, но голос сорвался и я сам излился горячей спермой в её норку. Но вот наше дыхание восстановилось и мир снова стал реальным. Я осторожно перекатился с неё на землю.

— Мы здесь будем спать или пойдём в постель? — Шепнула Эви мне на ухо.

— Я думаю, надо вернуться. — Улыбнулся, переворачивая её на себя. — Мы ещё не все места в доме опробовали.

Глава 18. Приоткрытая створка в прошлое

Эви

Чувство наполненности, полного удовлетворения и счастья... Большого, занимающего все сознание, счастья... Такая я с ним. Такая... Теплая, открытая, жадная, улыбчивая, веселая, порочная, желанная... Чувствую себя с ним счастливой. Беспечной. Чувствую безопасность... Ровно до тех пор, пока слышу рядом его дыхание. Пока родной силуэт в поле зрения.

— Спасибо... — Шепчу, касаясь кончиками пальцев его щетины, пока он укутывает мои плечи в мягкий шерстяной плед. Его ладонь замирает на основании ключицы, и я потираюсь щекой о костяшки, приподнимая уголки губ в улыбке.

— Эви, иди ко мне... — Приподнял меня и усадил себе на колени. Мы вдвоем, под пледом, размеренно покачивались в кресле, глядя, как полыхает огонь в камине. Какое-то время даже говорить не хотелось. Так все было идеально... Слушать вместе тишину. Уютно.

— Артем. — Уже полусонной, разнеженной, повернула к нему лицо и посмотрела в глаза. — Скажи, ты ничего не знаешь... О моей семье?

По телу прошла волна дрожи, затаила дыхание; я уже давно хотела спросить, но, боялась. Боялась, что любимый решит, будто мне его мало... Будто я несчастлива рядом с ним. На самом деле просто, хочу знать. Знать, где мои корни. Что я за человек. Кто дал мне имя.

Артем широко распахнул глаза и посмотрел, не моргая, будто увидел призрака.

— Любимый... — Тыльной стороной ладони прошлась по щеке, но этот жест его не успокоил. Дыхание стало учащенным, пересохли губы.

— Эви... — В конце концов окликнул, и я внимательно на него уставилась, — Я не могу рассказать о твоей семье. Я с ними не знаком... Мне жаль.

Почему-то в груди защемило... Его выражение, показалось каким-то странным. Непривычным. В нем было не только сожаление... А нечто, подобное чувству вины. Он — мой мир. Весь мой мир. Вне зависимости от обстоятельств, я не хочу видеть грусть во взгляде напротив.

— Любимый, пожалуйста... Не беспокойся! Я зря спросила. Конечно, ты не знаешь, это и не нужно... Давай, просто посидим. Мне так хорошо с тобой! Больше никто не нужен... — Артем опустил лицо себе на ладонь, стёр испарину со лба, наверное, от жара в камине, и нервно потёр виски. Началась пауза... Длинною в вечность. И я хотела её прервать. — А... Ты можешь рассказать о своих родных? Я видела фото. Ты был очень милым ребенком. Они ведь были врачами? Мужчина в белом халате — твой отец?

— Детка.... — Закусил губу, и протяжно вздохнул, прежде, чем ответить. — Я не уверен, что тебе стоит знать о них.

Веки дрогнули. Я сцепила пальцы на его кофте и смяла ткань.

— Конечно... Прости, прости меня... С чего я и вправду решила, что... Извини, не обращай внимания. — Он не хочет, да и не обязан рассказывать мне о себе. О своем детстве. О своих родителях. Да, привез меня сюда. В место, где родился. Разве этого мало? Только... мне мало. Я хочу знать о нем все! Хочу его себе без остатка. Каждая деталь важна. Почему-то на сердце щимит...

— Эви, детка, ты чего? Нет... Дело совершенно не в этом! Я хочу рассказать тебе!

Просто... Эти люди. Моя жизнь. Не для твоих ушек это повествование.

Резко повернулась к нему и обхватила лицо руками.

— Любимый! Прошу тебя! Не говори так... Мне нужно, просто необходимо участвовать во всем, что связано с тобой! Расскажи... Расскажи мне все, пожалуйста...

— Ладно. — Еле слышно проговорил, и прикрыл на миг глаза, а после... Окунулся в воспоминания. Ради меня...

... - Мама, а можно... — Перебираю влажными, вспотевшими от нервов, пальчиками, робко поглядывая на красивую, но холодную женщину, что являлась моим родителем. — Вы можете отвести меня к отцу?

Не поворачиваясь, она окинула меня пренебрежительным взглядом в отражение зеркала, перед которым расчесывала длинные, волнистые пряди пшеничного цвета.

— Ты что, не знаешь?! — Повысила тон, и я поежился, готовясь получить резкий отказ. Но, неожиданно для меня, мать прервалась, и, поразмыслив секунду, смягчила настрой. — Однако... Возможно, это не такая и плохая мысль...

Стала водить расчёской быстрее, выдирая одинокие волоски с густой копны, и размазывать по лицу обильный слой тонального крема.

— Через пятнадцать минут будь готов. Пойдем навестить отца.

☆☆☆☆☆

В назначенный час и ни секундой позже я стоял у ступеней, ведущих к подвалу. В руках сжал самодельную модель самолёта, которую смастерил на школьном кружке. Я выучил новый винт, и очень хотел продемонстрировать полет штурмовика ИЛ-2 отцу. Улыбаясь, и нервно переминаясь с ноги на ногу, в предвкушении жду маму. И она, наконец, появляется в дверях; одетая в лучшее платье. Накрашена, с великолепной прической. На неё невольно можно засмотреться... Только, то безразличие, с которым она на меня глядела, лишало всякого наслаждения от ее присутствия. И я бы предпочел обменять избыток красоты на чуточку тепла и мягкости в характере. По крайней мере, по отношению ко мне.

— Ну, — Нетерпеливо воскликнул, оборачиваясь к дверям. — Идем? — Сделал шаг вперёд, но она перехватила меня за капюшон, и остановила.

— Оставь этот хлам. Отцу не до этого.

Губы дрогнули, глаза стали влажными. Я так долго ждал встречи! Мне его так не хватало... До чего же ему есть дело?! До чего, если не до этого? Я знаю... Видел, на что устремлён его восторженный взгляд. Книги...книги...книги. Много книг! Пробирки с химическими веществами. Его оборудованная на цокольном этаже палата, где папа закрывался от всего мира, и делал... Невесть что, то, что ребенку девяти лет не понять. По крайней мере, если ему даже не пытаться объяснить. Я знаю, видел... Куда устремлён восторженный взгляд отца. Мать же с вожделием смотрит только на этого гениального по всеобщему мнению мужчину... А я... На мне их взгляды ни разу не пересекались...

- Пожалуйста... — Просипел, прижимая к груди старательно выстроенную поделку. — Я хочу показать. Если он скажет, что занят, уберу. Пожалуйста...

Мать раздражённо закатила глаза и громко цокнула, неизвестно, по чьей воле, уступая мне.

— Хорошо, но если ему будет в тягость твоё присутствие...

— Я все понял. Я буду послушный...



— Не шуми. Не отвлекай без надобности. Не мешай. — Причитала условно родная женщина, тихонько отпирая дверь в отцовскую обитель. Без надобности... Я и так знаю, что лучший способ не раздражать отца — быть бесшумным предметом интерьера. Но все же, киваю, соглашаясь, чтобы она позволила войти.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!!! — Рычащий возглас и звук бьющихся о стену пробирок. — Все это не то!!! Я же просчитал! Все просчитал! — Мать быстро прошла внутрь, и я за нею. Она громко вскрикнула, прежде, чем я успел сфокусироваться. Прикрыла рот ладонью, и я переметнул взгляд на ряды заставленных книгами и химическими веществами столы. От увиденного невольно сжал губы, чтобы сдержать приступ тошноты и не испачкать плитку блевотиной. Между столешницами стул, к которому по рукам и ногам привязан некий мужчина. Возле него на полу разбитая колба. Голова запрокинута и со рта обильно стекает пена. Рядом стоит отец. Его тело дрожит. Со сжатой ладони капает кровь и просматривается осколок битого стекла...

— Нина?! — Ошарашенно вытаращив глаза, вскрикнул он, выронив на пол остатки некоего флакона — Какого черта вы сюда пришли?! — Я, ничего не понимая, замер, не в силах сложить детали пазла в голове. Прежде, чем осознал что-то, мать схватила меня за руку, рванула на себя, и прижала ладонь к моим глазам, чтобы я более ничего не видел.

— Прости... Прошу, прости, любимый! Это все он... Он... — Чувствую, как хватка на предплечье усиливается, и в кожу ненавистно впиваются острые ногти. Всхлипываю, пытаюсь на корню подавить начинающуюся истерику. В руке самолёт... Модель штурмовика ИЛ-2. Разомкнул дрожащие пальцы, и она упала на пол, разлетаясь мелкими деталями вдребезги...

Глава 19. Идеальная семья

Артем

... Тик-так, тик-так... Часы уныло тикали, и я ловил эти звуки каждой частью сознания. Потому как они были единственным эхом жизни, напоминающим, что я заперт в комнате, а не похоронен заживо. Тихо всхлипывая, всматриваюсь в маленькое окошко, улавливая взглядом лунные блики. Они рассекают тьму. Сколько часов я здесь? Спать не могу, снятся кошмары. Стоит прикрыть глаза, и вижу того мужчину. Ртом идёт пена. На него в упор смотрит мой отец. Поджал колени... Подмял под себя обломки поделки. Я пришел не в то время. Явно не тогда. Теперь единственное, что остаётся — сидеть, запертым, в надежде, что обо мне вспомнят.

Не знаю, сколько прошло часов прежде, чем меня сморил чуткий сон. Наверное, сказала усталость. Нелегко сохранить крупницы сил, когда тело трясет. Даже кошмары не на долго вырывали обратно в реальность. Тяжёлые веки слипались буквально сразу, как только успевал отдышаться. И сейчас... Придремал. В подсознании прорипел замок. Луч света пробрался через проем приоткрытой створки.

— Я сказал, иди к нему! Успокой ребенка! — Просипел сердитый шепот отца, и я моментально проснулся. Стиснул веки, чтобы пробуждение осталось незамеченным. Сам не знаю, зачем. Просто, я не был готов даже открыто смотреть на родителей. Тем более, говорить с ними. — Глупая! Глупая женщина! Зачем ты его ко мне привела?! Лиля, ты меня разочаровала...

Краем глаза окинул дрожащую мать...

— Нет, любимый, нет! Прошу, прости меня! Я не хотела... Это все он! Он! — Отец резко закрыл ей рот ладонью и прижал, пока та шморгала носом и смотрела на него, не моргая, широко распахнутыми глазами.

— Зачем ты врешь мне?! Зачем?! Разве я не знаю тебя? Ты просто использовала его просьбу как оправдание для самой себя! Когда ты забеременела... Вспомни! У нас был уговор! Для тебя в приоритете будет наш ребенок. А в итоге, единственное, что я вижу — путаешься у меня под ногами, полностью игнорируя его существование. Это ты его хотела! Ты говорила оставить!

— Милый... Милый, прости меня! Я сделала глупость... Пожалуйста, позволь остаться с тобой сегодня! Прошу тебя! — Словно умалишенная, вторила, глядя на отца безумным взглядом.

— К сыну иди! — Оттолкнув ее от себя, папа гулко хлопнул дверью перед носом матери, оставив рыдающую женщину в моей комнате. Она заревела вслух, и сползла вниз по створке; обхватила руками колени, сжалась клубочком

— Я говорила оставить... Я говорила оставить, чтобы тебя удержать! Если бы знала, что, оставаясь твоей ассистенткой, получала бы больше внимания, чем стала получать, будучи матерью твоего ребенка... Если бы знала... — Я нервно поморщился. Каждая клеточка тела напряглась, предвкушая неладное. Мороз по коже. Поймал себя на мысли, что боюсь... Боюсь эту женщину. В её ненависти ко мне теперь сомневаться не приходилось... Стиснул край одеяла. Оборвался последний продолжительный всхлип. Шморгнула носом и медленно поднялась. Подошла к моей кровати и тихонько присела рядом. Опустила кончики пальцев мне на лоб. Стала поглаживать... Я затаил дыхание и замер, боясь хоть как-то

выдать сознание... Больше всего хотелось от неё отстраниться. Но, я опасался; что, если она подумает, будто я расскажу о ее истинных мыслях отцу... Тогда может случиться непоправимое.

— Сын... Его сын. Однажды я думала, ты изменишь его. Обратишь его взгляд в нашу сторону... В мою сторону. Ведь это я! Я подарила ему наследника! Но работа важнее... Дело всей жизни... Психиатр от Бога! Профессор! Найти лекарство... Чертово лекарство для чертовых психов! — Рычала она, перебирая между пальцев наволочку на подушке. — И что с тебя теперь проку? — Подхватила подушку и подняла ее над моей головой. Я слышал каким тяжёлым стало ее дыхание. Больше было не до притворства. Сработали рефлексы. Распахнул глаза и уставился на неё, забыв напрочь все существующие слова. Просто... Безмолвно молил о пощаде. Мне девять... Я ещё ребенок... И совсем не хочу умирать.

Она не шелохнется. Несколько секунд смотрит на меня в упор. И начинает опускать подушку...

— Тише... Маленький... Это не больно. Это совсем совсем не больно. — Больше я не сдерживал слёзы. И двинуться, бежать — тоже не мог.

Ждал приговор от матери... И, видимо, сегодня фортуна была на моей стороне. Она резко отбросила подушку прочь, и стала судорожно тереть покрасневшие веки. Не обронив в мой адрес больше ни одного слова...

— Такой была моя семья... Великолепный врач и его преданная ассистентка. Счастливая семья, и их сын. Так думали все. Такими мы казались всему миру. Тем, кто не бывал в отцовском подвале. Тем, кто той ночью не видел безумные глаза моей матери. — Артем не отводил взгляд от языков пламени в камине. Наверное, они успокаивали его... А я смотрела на него в упор и не могла поверить... Вот значит какой была его жизнь... Не сразу заметила, что по щекам стекали слёзы. Наклонилась ближе, и коснулась заросшей щеки поцелуем...

— Я люблю тебя... Люблю... Все плохое закончилось. Все плохое уже позади. — Шептала, уткнувшись носом в теплую кожу, и гладила его по затылку. Он перехватил мою ладонь, провел губами по костяшкам.

— Эви... Если бы ты знала, как я на это надеюсь...

Глава 20. Незваные гости

Артем

Спустя два дня мы приехали домой. Счастливые и влюблённые. Через несколько месяцев решили пожениться. Приятные хлопоты и уверенность в счастливом будущем — вот всё, что имело значение.

Все это разбивается в хлам, когда в эту ночь в наш дом врываются незнакомцы...

Эви прибиралась, тихонько напевая себе под нос. Она переделалась в мою футболку и облегающие лосины. Со спины её тоненькую фигурку нельзя было усмотреть сквозь бесформенную одежду.

Мы решили устроить романтический ужин при свечах, поэтому пока Эви приводила дом в порядок, я жарил мясо и резал овощи для салата. Бутылка вина была уже откупорена. Вечер был тихим и умиротворяющим.

Как вдруг громкий звон разбитого стекла нарушил мирное течение дня, и в окно влезли три человека в масках.

Я мгновенно получил удар в висок, сбивший меня с ног.

— Беги, Эви! — Она ринулась вверх по лестнице. Ой, дурочка, не туда! Надо было бежать к выходу! На середине лестничного пролета её догнал один из нападавших, перехватил поперёк тела и швырнул на пол. Она тихо заскулила, ударившись коленками.

Меня посадили на стул, привязав к нему руки и ноги. Эви неистово сопротивлялась и кусалась, тогда тот же бандит, что поймал её на лестнице, ударил любимую кулаком в лицо. Она отлетела в стену, словно пушинка.

— Эви! — Заорал я, пытаюсь разорвать путы, удерживающие меня.

— Заткни его, Дэн. — Ко мне подошёл здоровенный детина и прописал удар в челюсть, отчего я свалился назад, сильно ударившись головой. — Спокойно, чувак! — Усмехнулся он, растягивая губы в мерзкой ухмылке. — Сиди тихо и всё будет путём.

Они раскидывали вещи, выворачивали шкафчики, рвали обивку и ломали всё, что не представляло интереса. Эви всё ещё лежала без сознания. Я не знал жива ли она: с того места где я сидел, мне были видны лишь её ноги, неестественно вывернутые. Забрав все самое ценное, что смогли найти, они были не удовлетворены, и решили, что одних вещей им будет мало, и пора поздороваться с нами.

Ублюдок по имени Дэн присел возле Эви на корточки, схватил за волосы, и протащив её по полу, бросил рядом со мной.

— Пожалуйста, пожалуйста! Не трогайте её! — Умоляюще прошептал я, глядя в его глаза, пытаюсь узреть в них что-то человеческое.

— Веди себя хорошо и с ней ничего не случится. Понял меня?

— Хорошо! — Мне ничего не оставалось, как согласиться. Я не мог дать отпор или как-то защитить нас. Надоест ли грабителям сидеть здесь или же они замучают нас до смерти? Блять! Как такое могло с нами произойти?! Бедная моя малышка! Она и так столько страдала по моей вине. Она не выдержит такого обращения, а дать отпор монстрам мы не сможем, которые даже и не подумают проявить к нам сострадание...

Эви очнулась и застонала, привлекая к себе внимание. Боже, детка, молчи! Притворись, что ещё без сознания! Лежи! Как молитву, шептал про себя. Её глаз заплыл и начал окрашиваться в фиолетовый цвет прямо на глазах.

— Сука, Псих, что ты сделал с девчонкой?! На кого она похожа?! — Дэн отвесил подзатыльник худому длинному уроду. — У меня на неё такую и не встанет.

— А мне плевать! Я не слишком разборчив. Мне она вполне сгодится. — Псих вытащил из кармана складной нож и приставил к горлу Эви. — Страшно, Кукла? — Он медленно провел лезвием вниз, описав вокруг груди, и спустился дальше, остановившись прямо между ног. Эви инстинктивно дернулась. — Не рыпайся! А то поранишься, — Псих рассмеялся от своей, как ему, очевидно, показалось, забавной шутки.

Эви трясло от страха. Я видел это по её съежившемуся телу, по рукам, которые она поднимала, защищая лицо на каждое слово этого уroda. Я старался не шевелиться и никого не злить. Тогда они уйдут и мы забудем этот страшный сон. Главное, чтобы это не повлияло на мою девочку. Её психика итак держится на отсутствии памяти.

Мой дом, теперь не моя крепость, а тюрьма. Я понял, что эти стены, так тщательно укрепленные, как я думал, ничем помочь не смогут. А дом и не тюрьма даже — камера пыток из самых страшных ночных кошмаров. Псих схватил Эви за ворот рубашки и порезал её сверху донизу, обнажая маленькую грудь, укрытую розовым бюстгалтером. Она обхватила себя руками, но мерзавец развел их в стороны.

— А ты ничего! — Присвистнул он. Меня колотило от безвыходности. Я начал медленно крутить руками, ослабляя верёвки. — Трахаешь её? — Псих повернулся ко мне, ожидая ответа. Я молчал.

Я не знал, как быть?! Что сказать, чтобы не разозлить его и не спровоцировать на жестокость?

— Молчишь, мразь! Не хочешь разговаривать, значит! — Он резко развернулся и одним рывком поднял Эви на ноги. Отвесил ей звонкую пощёчину, но не дал ей снова упасть, схватив за подбородок с силой сжал челюсть. Она закричала от боли.

— Не трогай её! Вы же обещали! Берите, что хотите и уходите! — Руки саднило. Я раздирал кожу в кровь, пытаюсь освободиться.

— Я тебе ничего не обещал! — Он закрыл ей рот и нос, перекрывая доступ кислорода. Эви начала задыхаться.

— Отпусти её, урод! — Я не мог больше спокойно наблюдать за её мучениями. — Делай со мной, что хочешь, только не тронь её. Я прошу тебя! — Мои глаза забегали в поисках выхода и не находили. — Эй! Ты тут главный? Останови его! — Прокричал в бешенстве, обещая каждому ад, как только освобожусь. Я найду их и прикончу, если с Эви что-нибудь случится.

— А с чего ты взял, что я главный, парень? — Эви продолжала в ужасе кричать, не останавливаясь ни на секунду. — Скажи своей шалаве, если она не успокоится, Псих поработает над тобой. — Как по мне, лучше пусть этот садист займётся мной, чем причинит вред Эви.

— Да что ты с ним церемонишься?! — Прогремел голос Дэна. — Дать ему как следует и дело с концом. — С этими словами он несколько раз пнул меня носком кроссовка.

— Я хочу её, Ярый! — Псих шарил руками по телу любимой, а она кричала и кричала. Её ужас отдавался болью в моей душе. Такого страха за чью-то жизнь, я ещё не испытывал.

— Заткнись, придурок! Придержи коней. Наиграешься ещё.

— Но я хочу её сейчас! — Капризно прогнусавил Псих.

— Ненормальный! Только не здесь! — Дэн сплюнул себе под ноги и отпил вина прямо

из горлышка. Нашего вина! Сел за стол и стал уплетать приготовленный ужин. — Я не хочу этого видеть! Иди с ней наверх и там проводи свои эксперименты.

Псих посмотрел на Ярого и получив утвердительный кивок, обхватил Эви за шею, потащил по лестнице.

— Нет! Нет! — Закричал, выкручивая себе руки. — Останови его! Умоляю! — Я начал крутиться по полу, ломая ножки стула.

Псих оттолкнул Эви и бросился ко мне, нанося удары ногами куда придётся. Никто не вмешивался, наблюдая за ним, словно ничего необычного не происходило. Неожиданно сзади на него с диким ревом набросилась Эви и сорвала маску. Детка! Зачем?!

— Вот, сука! — Прорычал он, скинув её с себя. — Убью! — Орал, наступая на неё. Убью, шлюха! — Эви в страхе забилась в угол. Голова нещадно кружилась. В глазах помутнело. Последнее, что я увидел, теряя сознание, как этот ублюдок, повалив любимую на пол, стаскивает с неё обтягивающие лосины.

Глава 21. Эви в порядке

Эви

Мерзкие мозолистые руки ублюдка болезненно сжали бедра, и он стал тянуть лосины вниз, сминая до синяков кожу. Я жалобно стонала. Лёгкие сдавило, горло сдавило от воплей. Лицо жутко болело... Страх — ужасное чувство. Страх, рождённый безысходностью. Я видела боковым зрением неподвижно лежащего, избитого Артёма. Понимала, что никто не поможет. Трепыхаясь по началу, нарвалась на несколько пощечин. С кармана джинсов насильника торчал складной нож, и он в предвкушении перебирал его пальцами руки, периодически отрываясь от меня. Такая психологическая игра. Игра, что способна лишить рассудка. Оголив ноги до колен, выудил его и, не откинув самое острое лезвие, провел наточенной стороной по внутренней стороне бедра, заставляя раздвинуть ноги шире. Смял грудь и мерзко рассмеялся. Неприятный запах изо рта заставил поморщиться, и пропахшая ржавым металлом рука накрыла подбородок, сдавив до хруста челюсть. Один из его подельников присвистнул, потирая ладони.

— Знаешь, может и я после развлекусь. — Веки дрогнули и я съежилась, скривилась в болезненной гримасе. Образ того, что вот вот со мной произойдет, очень реалистично стоял перед глазами. И почему-то благоприятный исход не представлялся от слова совсем.

— Да пожалуйста, сразу после того, как с ней наиграюсь я. — Процедил ублюдок, скалясь. С силой обхватил и стиснул сосок, я взвизнула. И словила ещё одну пощечину. Звонкую, гулкую. Скула занемела и в ухе раздалось пульсирующее эхо. Кажется, ему просто нравится бить. Это я пережить смогу.... Кажется, подобное уже было. И это не самое страшное, что со мной случилось. Но, когда это было? Почему ощущения такие знакомые? Будет хуже...

Меня накрыло.... Туманная пелена застилала глаза. Смешались запах крови и зловонная отдышка. Голова закружилась. Я не хочу... Я не могу пройти через это! Подонок резко накрыл рукой трусики и стал с силой растирать сухую кожу. Инстинктивно попыталась свести ноги, и тут напомнил о себе ножик. Лезвие ощутимо прижалось к бедру. Сразу вернулась в прежнее положение. Мурашки пробежали. Я не хочу ран. Не хочу боли. Продолжил терзать уже саднящую плоть с ещё большим напором, чувствуя мой страх и своё превосходство. Что-то мне дурно стало... Ком подкатил к горлу. Сейчас стошнит. И это... И это мне знакомо! Откуда? Не просто тошнота. Меня тошнит от его близости, его прикосновений! Так было... Так уже было... Палец скользнул под ткань и стал щемиться в сухую дырочку, причиняя ужасный дискомфорт. Закусила губу чтобы не закричать, и не схлопотать ещё один удар. Подсознание пропело успокаивающе куплет песенки. Я мысленно подпевала. Слова вспышками возникали в памяти...

"Лондонский мост... Рушится... Рушится... Лондонский мост.... Рушится... Моя леди..."

— Эви!!! — Послышалось рычание Артема. Странно, в таком состоянии он не должен был так быстро очнуться. И толку? Теперь ему придется лежать и смотреть... Как со мной делают это. Увидеть такое... Такое... То, что ему доводилось видеть прежде. Почему мне так подумалось? Где он мог....

— Ха-ха-ха-ха-ха!!! — Прорвался истеричный смех. — Ха-ха-ха-ха-ха!!!! — На глазах выступили слёзы, сквозь неадекватный хохот. — Лондонский мост.... Рушится! Рушится!

Рушится! Моя леди!

Завопела вслух, и снова рассмеялась. Насильник замер. Его подельники тоже. Глаза Артема... Вот где буйствовал вихрь. Эти глаза... Кадрами кинофильма взрывались вспышки. Ремень... Голод... Подвал... Холод... Содранные ногти... Руки. Руки этой сволочи, застывшие на промежности, когда-то на его месте был...

— Ха-ха-ха-ха-ха!!! — Смех все рвется! Чертов сукин сын! Что ты смотришь на меня?! — Что ты смотришь?! — Переметнула взгляд на глаза нависшего ублюдка. Растянула губы в слащавой улыбке. — Дай сюда!!!

Обхватила нож прямо за лезвие и рванула на себя. Острие рассекло мясо фаланги как масло! Кровь выступила сразу, и стала заливать металл, руки. Интересно, что Чертов сукин сын даже не шевельнулся! Уставился на меня вытаращенными глазами.

— Дай сюда.... — Прошлась удовлетворенным взглядом по лезвию. — Хороший... Хороший... — Вторила, как умалишенная, поглаживая держатель. Резко вскинула голову и обвела всех присутствующих ликующим взглядом. Потом вздернула нож вверх, по руке, и надавила сильнее у основания запястья. Заточенный край зацепил кожу. С ладони ещё стекала кровь и казалось, что я резанула вену.

— Эви, детка, нет! Что ты творишь?! — Посмотрела на него, разрезая кожу выше... Ощущение на грани приятного.

— Ха-ха-ха-ха-ха!!!! Моя леди.... Эви в порядке.... Ха-ха-ха-ха-ха!!!! Эви хорошая... Эви в полном порядке....

— Да она на голову больная! — Видимо, мальчикам стало жутко от моего поведения. А мне вот — вполне весело! — Выруби ее! К черту! Меня сейчас стошнит! Оставь эту больную! Брось в подвал!

Словно очнувшись, подонок тряхнул головой и одной подачей выбил нож из руки. Я улыбнулась, не отводя от него взгляд. Поднесла запястье к губам и слизала капли крови. Он поморщился... Подскочил и схватил меня за волосы. Больно, словно скальп снимают. Но с лица не сходила улыбка.

— А ну пошли, больная дрянь! — Потасил за собой, я даже не особо старалась перебирать сдертыми коленями, чтобы облегчить путь. В какой-то момент я была очень близко к Артёму. Видела все грани страха в его глазах. Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но... Я прижала окровавленный палец к губам, и прошипела прежде:

— Тшшшш.... Молчи.... Не надо слов.... Я все помню. — Оголила, натягивая пугающую улыбку, испачканные кровью зубы. И поддалась прочь к подвалу, следуя очередному рывку за пряди.

Глава 22. Сожаление

Артём

Увидел брошенный нож и старался аккуратно подползти к нему, не привлекая внимания. Псих поволок Эви в подвал. Тот самый подвал! Боже! Её это убьёт! От одной мысли об этом, с остервенением начал продвигаться к спасению. Налётчики были заняты и не обращали на меня внимания. Бегали по дому, собирая остатки нашего добра. Верёвки ослабли. Вытянув руку, схватил нож и перерезал путы на ногах. Встал, разминая затёкшие мышцы. Дэн был ближе: подошёл сзади и приставил нож к горлу.

— Молчи, ублюдок! На колени! — Он медленно опустился на карачки. Кинул ему верёвку. — Свяжи себе ноги! — Один удар в лицо и он вырубился.

Остался главарь. Он был самый опасный. Я не знал, что он может. Тихо подкрался и, не предупреждая, ударил по голове тяжёлой вазой. Он свалился, как подкошенный. Перевязал обоим руки остатками верёвки, и встал у двери, ожидая появления Психа. Вот его хотелось отделать. Уделать до неузнаваемости! Выбить из него всю душу. Он мерзость, которая ходит по земле и калечит. Мучает. Едва он вышел, схватил его за шею и сдавил. От неожиданности он оцепенел, глядя на меня испуганно. Продолжал давить, пока его глаза не начали закатываться. Он медленно сполз на пол, едва я его отпустил. Схватив Психа за волосы, протащил по полу и бросил рядом с товарищами... по несчастью. Они оказались не в том месте. Не в то время.

Вышел во двор, спустил с привязи свою собаку и вместе с ней вошёл в дом. Они уже очнулись и ошарашенно переглядывались.

— Что, сволочи? Не удалось? — Я расхохотался, глядя в их удивлённые морды. Они поглядывали друг на друга в немом недоумении.

Схватив Психа за грудки, поднял на ноги и прошипел:

— Забирай своих подельников и сваливайте отсюда, пока я вас не порешил. Даю пять минут форы и спускаю волкодава.

Псих охватил обеими руками товарищей, которые вприпрыжку последовали за ним, нервно оглядываясь. Пёс гневно зарычал, готовый бросится на врага по моему приказу. Он срывался. Рычал. Скалился. Всё, что было нужно — лишь команда защищать. И от них остались бы одни воспоминания. Но, я сдержался, дал им уйти.

Хочу обнять её. Смотрю на неё с тревогой в сердце.

— Оставь меня! — Вырывается. — Не прикасайся! — Смотрит яростно и в тоже время неверяще. — Чертов маньяк! Извращенец! Садист!

— Эви, — снова пытаюсь обнять, но она опять с криком вырывается. — Убирайся! Оставь меня здесь!

Выхожу. Поднимаюсь по лестнице. Аккуратно открываю дверь, хватаясь за ручку и на мгновение приваливаю к двери в полном изнеможении. Куда идти? Что делать? По щекам текут слёзы отчаяния. Моя Эви! Я больше ей не нужен! Она всё вспомнила!... Как я мог так обращаться с ней?! Как мог совершить такое?!

Иду в свою комнату. Нет! В нашу! Где мы провели много счастливых дней. В комнате темно, только рассветает. О чем я только думал?! Почему позволил такому случиться?! Я жил во мраке без неё. Я жил во мраке с ней. Пока... моя любовь не стала взаимной. Она стала такой благодаря её амнезии. Я знал, что это не продлится вечно, но думал, что Эви

полюбит меня настолько, что прошлое не будет иметь смысл. Теперь, когда она всё вспомнила, она понимает, что жизнь со мной — не для неё. Она не готова мириться со тьмой, окружающей меня. Я же сумасшедший! Псих! Разве она виновата, что я такой?!

Она... Боже!... Её потерянный взгляд! Она не боялась налётчиков... Она испугалась того, что вспомнила!

Я был так суров с ней. Жесток. Безжалостен. Она никогда не простит меня! Мой дух сломлен!... Я должен оставить её! Дать ей свободу! Только так я смогу искупить свою вину. От мысли, что я больше никогда не увижу Эви, начинаю задыхаться... Солгать? Сказать, что всё, что она вспомнила, всего лишь плод её воображения? Она поверит. Ведь, когда тебя тянет к человеку, ты готов поверить в любую ложь, собственными руками снимать лапшу с ушей и жрать её, чтобы освободить место для новой. Слушаешь эту ложь с подсластителями и плюешь на то, что слова нихрена не срастаются с действиями. Ищешь всему оправдание. Ищешь и находишь, но в душе — то знаешь, что ни черта это не так. Я просто садист. Я это знаю. Она это знает. Но нас связывает влечение, любовь... И она не сможет с этим бороться. Не способна да и не захочет. А что потом?! Как я сам смогу простить себя?! А потом... потом, разочарование, боль... Она всё равно уйдет! Эмоции без разума всегда заканчиваются именно так.

Сейчас чувствую, что мне все надоело и уже не хочется жить. Она отдала мне светлое и искрение добро, а я швырял им в неё со всей силой обратно. И ей уже не захочется доверять никому. Эви поймет, какой дурой была, когда доверилась... Я бы все отдал, чтобы вернуться в прошлое и всё изменить: обнять её... Ухаживать за ней... Жить беззаботно и радостно. Но... Этому не бывать. Меня нельзя простить!...

Но, я не могу! Срываюсь к ней. Поднимаю на руки и несу в спальню. Она не сопротивляется. В моих руках её тело, как мёртвое.

— Не гони меня, Эви, пожалуйста, — шепчу, зарываясь носом в её волосы. Сердце сжимается. Целую её нежно, ласково, но она остаётся холодна.

Мы лежим так целую вечность. Я просто прижимаю её к себе, постепенно её слёзы высыхают.

Пришёл рассвет. Солнечные лучи пробиваются в окно. Не свожу с неё глаз, почти не моргаю, с тревогой глядя на неё. За столь короткое время она стала мне очень дорога. Я протягиваю руку и касаюсь её щеки. Эви закрывает глаза и тихонько вздыхает.

— Прости меня, детка! Прости! — Шепчу, судорожно сглатывая. — Ты нужна мне! Ты всё, что мне нужно! — Говорю со страхом, ожидая ответа. Закрываю глаза. Мелькают мириады мыслей. Открываю. Смотрю на неё: в её взгляде разочарование и пустота. Земля уходит из под ног, оставляя зияющую бездну.

— Не уходи! — Произношу хрипло, пальцем вытирая слезинку, скатившуюся по её щеке. Прикоснулся к нижней губе. — Я люблю тебя, Эви!

Её глаза расширяются. В них застыл ужас, вышибая из меня дух.

— Ты неспособен на любовь! — Морщась, она садится на кровати. — Оставаться не имеет смысла. — Говорит безразлично, не глядя на меня.

— Не уходи! — Молю в отчаянии.

Она встаёт с постели.

— Я хочу побыть одна.

Выхожу. Заглядываю в столовую, где совсем недавно, всего несколько часов назад мы

были так счастливы. Мечтали о будущем. С тех пор много чего случилось. У неё открылись глаза. Она Увидела меня такого, какой я есть на самом деле. Порочного. Жестокого. Не способного любить. Осуществились все мои худшие страхи. Боль так сильна, что я отказываюсь признавать её. Все мои чувства отрофировались. Я словно наблюдаю со стороны. Мой мир обратился в пепел, а надежды безжалостно изгнаны. Я в отчаянии провожу по волосам и закрываю глаза. Мучительная боль раздирает меня изнутри. Я должен вытерпеть эти муки. Это мой персональный ад.

Глава 23. Куда вернуться?

Эви

Он мне оставил по себе... Уродство. Уродство в сердце и в душе. Уродство мира, в который на какое-то время заперли двери. Мое собственное уродство. Я не хотела вспоминать... Но образы сами всплывали в голове. Подвал... Когда меня опять швырнули в этот Чертов ящик — насилие, удары, боль, наручники, прикованные к батарее, холод.... Все вспомнила. Вспомнила жизнь, которая у меня была. Друзей из универа. Маму... Господи, да она наверное думает, что меня и в живых уже нет! Как ненавижу... Ненавижу его. Кто дал право?! Право рушить то, что не создал?! Право делать из живого человека куклу в руках кукловода?! И... Самое ужасное ведь даже не тот кошмар, в который он меня окунал раз за разом. Самое ужасное — тот спектакль, что разыграл, когда была в беспмятстве. Ведь ему, кажется, удалось... Обвести меня вокруг пальца. Когда увидела его, я растерялась. Хочу глотку ему разодрать, или броситься в объятия? Сознание спуталось... Оно твердило лишь одно — ненавижу. За этот туман в голове — ненавижу. Ненавижу... И, кажется, Люблю...

Его мольба отдавалась в сердце колкими, жгучими ударами. Жалость... Душа, после всего, что он сделал, ещё умудрялась его жалеть! Не себя, а чёртову скотину, что прокатила меня по всем кругам ада! И так тянуло обнять его... Ответить теплом. Но от этого ещё больше, ещё отчётливее ощущалось отвращение к себе. Как же так можно... Желать объятия рук, что совсем недавно без сожалений калечили душу и тело...

Мне и правда, нужно было побыть одной. И заставить себя не думать о его, наполненном слезами, взгляде. Мне есть о чем думать помимо него! Сломанная жизнь... Ее хоть попытаться восстановить нужно. Теперь я не пленница в клетке. Или пленница... Но границы темницы расширились. Как только освободилась от его общества, рванула к кабинету. Артём показывал мне письмо от мамы, прежде чем... Мотнула головой. Нет, нельзя об этом вспоминать. Меня накроет. Сейчас в голове не умещалось — я не могла понять, что то чудовище, которое истязало меня, убивало во мне человека, и любимый парень, чуть ни сдувавший с меня пылинки на протяжении последнего месяца — один и тот же человек.

Зашла внутрь, и, словно с некой опаской, заперла за собой дверь. Я давно его не боялась... А теперь, вспомнив, на что он способен, правда, не знаю, чего ждать. Будет ли он так ласков, как в родительском доме, или так жесток, как на треклятом цокольном этаже? Выдохнула... Сползла по двери на пол. Несколько минут отдышаться. Как жить теперь? Что делать? Подскочила, и стала панически рыскать по столу, книжным полкам, по тумбочкам. Роняла на стопки бумаги соленые слёзы. Всхлипывала, перекидывая ошметки незаконченных, смятых писем. Не читала содержимое... Искала один, знакомый с детства, почерк. И... Нашла!

Сцепила судорожно пальцы на аккуратно сложенных конвертах. Прописан родной адрес. Фамилия имя отчество... Замерла, и стала медленно, поочередно, вынимать с надорванных свертков ее письма. Ее, и его, написанные от моего имени. И, чёрт побери... К такому я не была готова. Не после всего... Не к контрольному выстрелу в сердце.

Они очень мило общались. Я, оказывается, была все это время счастлива... Доля правды в этом присутствовала. Однако львиную долю он умолчал. Родная женщина о многом спрашивала. Интересовалась каждой мелочью. Я знакома ей. Лишь она одна меня знает...

Она, и, судя по тому, что я читала, он. На какую-то секунду моё лицо даже отобразило тень улыбки... Я не вернусь в университет. Нет Эви, местной звезды, уверенной в себе на 100 %. Нет даже остатков той оболочки... Чувствую себя калекой. Которой и являюсь. Разбитой в щепки. И это... Он меня разбил. Но, самое жуткое! По большей части возвращаться в комнату общежития мне не хочется, потому что я не знаю, что сказать. И больше всего боюсь... Что после моего рассказа Артёму будет грозить заслуженное наказание.

Получается, дорога у меня одна. Мне правда хотелось сейчас вернуться в отчий дом. Последнее письмо... Прочту, и закажу билеты. Кажется, сейчас он не станет мне препятствовать. Так будет правильно. Так будет легче. Раз и навсегда вычеркнуть его из моей жизни. Пальцы дрогнули, когда развернула сложенный вчетверо лист. По векам скатились слёзы...

"Мы с твоим отцом сошлись. Надеюсь, ты за нас порадуешься..." — Судя по всему, на это Любимый ответить не успел. Этот выродок... Избивавший мать, державший меня часами запертой в шкафу — вернулся. Нет... Этого я точно не выдержу. Дура! Какая дура! Такая, как и ее непутёвая дочь... Которой теперь некуда возвращаться.

☆☆☆☆☆

Я не вижу, но глаза мои больше не отражают жизнь. Бреду по коридору, медленно перебирая босыми ногами по прохладному полу. Не смотрю по сторонам. Да мне и дела нет — увидит, или нет. Словно живой труп. Прошла мимо спален. Вокруг тихо... Хочется спать. Хочется покоя. Но здесь я не остановлюсь. Нет места мне в этих теплых комнатах. Я появилась в этом доме пленницей. Игрушкой, которую разбирали на кусочки, а потом, забавы ради, собирали обратно. Пусть так и будет впредь...

Первый этаж... Минус первый. Сама спустилась в подвал. Отворила тяжёлый засов и вошла, оставив лишь тонкую струйку света в щёлке. Бетон. Стены. Царапки... Подошла ближе к произвольному календарю, и провела по отметинам пальцами. Вот столько дней... Присела рядом. И легла. Прямо на пол. Свернулась калачиком... Прикрыла глаза. Мне больше некуда идти. Стала проваливаться в сон... Прежде, чем бессознательность накрыла окончательно, вспомнила слова знакомой с детства песенки. "Лондонский мост рушится... Моя леди...". Живот тянул. Но эта боль в душевной агонии таяла. Нет больше жизни, раз я сама решила похоронить себя живьём.

Глава 24. Давний знакомый

Артём

Одна ночь! Одна долбаная роковая ночь! Стечение обстоятельств! Судьба?! Или злой рок?! Что именно изменило наше счастье?! Что или кто?! Отморозки, ворвавшиеся к нам в жизнь или я, похитивший и издевавшийся над девушкой, которую полюбил всем своим существом?!

В тысячный раз задаюсь вопросом и в тысячный раз не нахожу ответа — зачем?! Зачем, сука?! Зачем я сделал это с ней?! Она же всё для меня! Как теперь жить, зная, что она ненавидит?! Что никогда не простит?!...

Шёл второй день. Второй день добровольного затворничества в подвале. Второй день, как я прихожу, приношу поесть, пытаюсь поговорить. Вымаливаю прощение, стоя на коленях, целую руки, валяюсь в ногах, а в ответ — тишина! Пустой взгляд сквозь меня! Я старался не думать о своей жестокости. Забыть... Второй день, как моим другом стал алкоголь. Друг и помощник в попытках забыться и освободиться от порочной, темной стороны своей натуры. Желание быть с ней, обнять, утешить, творили с моим подсознанием невероятные метаморфозы. Во время пьяного сна мозг не выпускал её образ в тот момент, когда к ней вернулась память. Я давно выбросил всё, что связано с тем мной. Надо было забить намертво этот подвал, в котором я мучил её.

— Ты обещала любить! Чтобы не случилось! — Орал я в пьяном угаре. Подходил, обнимал, раскачивая в своих руках её худенькое тело. — Прости, детка! Прости! Я искуплю свою вину, свою жестокость... Я все сделаю для тебя! На все пойду ради тебя! Позволь... Позволь быть рядом и всю жизнь я буду делать тебя счастливой.

— Обещание... — Впервые после всего, она взглянула на меня. — Обещание дают человеку... Не хочу слышать это дерьмо о любви! Нет её! И не было, слышишь?! Не. Было.

— Как не было?! Я поперхнулся этой фразой. Схватил её за плечи и притянул к себе, впиваясь страстным яростным поцелуем. Терзая губы, посасывая язык, готовый сожрать, раствориться... Злость, на себя, на неё, ненавидящая и презирающая, лишаящая рассудка, затопила душу. Безрассудно пытался возбудить, опротестовать ее слова, подчинить себе снова... Эви обмякла в моих руках. Она и не пыталась сопротивляться, или отвечать мне. Я снова поддался мраку своего сознания, своей темной душе...

Отстранился. Отпил из горла обжигающее пойло. Уставился на дверь, рассматривая железный засов. Осмотрел мрачные стены, взгляд натолкнулся на царапки: это дни, проведенные Эви в этом кошмаре. Я закрыл глаза, глубоко вздохнул, поднял веки и застыл. В ужасе от самого себя, вспоминая всё, что я делал с ней. Бутылка полетела в сторону двери. Звон стекла. Я босиком прошел по полу, по осколкам, не обращая внимания на алые капли. Я потерял ощущение реальности. Шаг. Я закрылся руками, словно защищаясь от удара. Ещё один шаг. Я не мог дышать. Ее запах проник в мои ноздри обжигающим память огнем. Не в силах больше бороться с отчаянием, упал на колени, с безумством втягивая родной запах.

— Детка, ты наполнила мою жизнь смыслом, без тебя я был на краю пропасти. Я знаю, что заслужил это. Знаю! — Кровь из-под моих порезанных ступней окрасила пол. — Я тебя никогда не отпущу, — как заклинание пообещал я. Обернулся. Посмотрел на неё. Не смотрит... Понурые плечи, склоненная голова, разочарование во всём — вот чего я добился! Она не простит! Никогда не простит!

Бежать... Бежать от неё... От своей любви, от безмолвного безразличия, от боли в сердце...



На улице шел дождь. Мрачные тучи соответствовали моему настроению. Капли стекали за шиворот, охлаждая разгоряченную кожу. Рубашка насквозь промокла и прилипла к телу. Меня охватил озноб, мешая сосредоточиться. Стуча зубами, шёл по мосту, горя желанием кинуться в воду и сдохнуть. Забрался на парапет, раскинул руки в стороны и широко открыл глаза. Темная река влекла, манила, обещала успокоение, раскрыв свои объятия...

Эви... Детка... Любимая... Прости за всё и будь счастлива! Мои последние мысли перед падением были о Ней...

Виктор Степанович Брусникин — психиатр

В этот дождливый вечер, какое-то шестое чувство гнало меня на улицу. Оделся, взял зонт и отправился в сторону метро. Шёл неторопливо, шлепая ботинками по лужам. Ноги утопали в водном потоке.

Очередной пациент выбил из колеи: всё-таки я слишком близко принимаю проблемы своих подопечных. Не дело это! Да, и возраст. Мне не двадцать лет, сердце уже не то.

Увидел человека — мужчину. Скорее молодой, высокий, вся одежда промокла насквозь. Видно, давно на улице. Голые ноги... А вот это уже плохо!

Профессиональным взглядом осмотрел его, и где-то на подсознании пришло узнавание: наклон головы, прямая спина, выправка, которой обучали с детства. Не может быть! Артём! Поправил, сползшие на нос очки. Да, я не ошибся. Что он здесь делает?! Почему-то сразу подумалось о чем-то не хорошем. Вся его поза говорила за себя. Что он творит?! Неужели болезнь прогрессирует и он снова ненавидит себя? Как же так?! Я думал, что смог помочь этому мальчишке.

Не дав пробиться воспоминаниям о трудном ребенке, и чего мне стоило, чтобы такой, как он, доверился мне, быстрым шагом направился к нему, чтобы остановить. В том, что он хочет сделать, я не сомневался.

— Артём! — Воскликнул, перекрикивая раскаты грома и, хватая его за распахнутую куртку. — Это я! Я! Узнаёшь? — Решил сразу уточнить, видя его пустой, отрешенный взгляд. — Виктор Степанович, помнишь? Ты весь продрог. — Его трясло, зубы отбивали дробь. — Пойдем, пойдем со мной. — Скинул с себя пальто и попытался накинуть парню на плечи, но он отмахнулся.

— Не надо. Оставьте меня.

— Как же я оставлю тебя в таком состоянии?! Не правильно это, мой мальчик. — Да, зная его, его доброе сердце, и он бы не прошел мимо. — Ты бы тоже не оставил человека в беде, попытался бы помочь...

— Замолчите! — Заорал он неожиданно громко. Также неожиданно и закончился дождь. Его крик раздался в вечерней тишине оглушающе. Я на мгновение подумал, что передо мной все тот же ранимый мальчик, но, лишь на мгновение: сейчас его взгляд был жёстким, злым, колючим — далеко не детским. — Вы ничего не знаете! Я совсем не тот

добрый мальчишка, которого вы помните! Я монстр! Зло!

— Ну что ты такое говоришь, Артем! Ты просто сейчас не в себе! Пойдём. Ты мне всё расскажешь. — Я не знал, что делать! Как поступить! Привести его к себе домой или... Или лучше все таки вызвать машину прямиком в больницу. То, что он болен — это очевидно.

— Я совершил ужасное! Ужасное, бесчеловечное... — Он сбросил мою руку и начал колотить себя по щекам. — Я не должен жить!... Она не простит!... Никогда!... - Разбежался и с размаху врезался лбом об ограждение. По инерции его тело отскочило назад и ударилось о землю с глухим стуком.

Да, вот это вечерок! Думал, набирая бригаду санитаров своего отделения...

Глава 25. Без него

Эви

Под урчание собственного живота спать на сыром, холодном бетоне не так уж легко. На третий день голодовки вспоминалось, как соскребала бутерброды с земли, и жадно глотала, как лучшее лакомство в мире. Тогда, не смотря ни на что, не смотря на ад, в который я попала, мне хотелось жить. И ради жизни я была готова на любые унижения, на любые условия. Теперь мне не хотелось даже поворачивать голову в сторону двери. Скрутившись эмбрионом, прикрывала глаза, и проматывала по кругу те дни, когда не имела памяти. Столько счастья... Столько чувств, искренности, столько настоящего... Даже после, когда он с израненными ногами сжимал в объятиях мои ноги, моля о прощении... как принять, что любимый, родной, необходимый, и тот урод, что превратил меня в бездушное нечто — один и тот же человек?

Живот снова разболелся... Запасы морфия, как бы там ни было, не неиссякаемы. Нужно что-то делать... Терпеть эту боль я не смогу все время. Для начала, стоит поесть. Но, я боюсь. Боюсь выйти и увидеть его. Боюсь дать понять, что я в чем то нуждаюсь. В его помощи... В нем. Привстала. Ноги ватные. Дрожь в коленях. Подошла к двери и тихонечко приоткрыла... Яркая вспышка света после мрака ослепила, и лишь проморгавшись, сознание начало улавливать силуэты вокруг. Тихо... Чересчур тихо. Только беспокойный лай чертовой собаки тревожил образовавшийся покой. Огляделась — вокруг никого. На цыпочках побрела в сторону кухни. Очень хочется есть. А после — смыть с себя подвальную сырость. И все, что с ней связано. Да только, уже не отмыться. Обхватила рукой живот. Очень больно. Достала с заначки таблетку. Глотнула. Рвотный рефлекс... Нельзя. Нужно экономить таблетки! Проглотила... Сейчас станет легче.

В холодильнике ничего не оказалось, кроме натпитой пачки молока и половины яблока. В хлебнице лежала полу-черствая булочка. Я благодарно сжевала небогатый завтрак; после паузы этого количества было достаточно, чтобы без лишней нагрузки желудка утолить голод. Набрала горячую ванную... Скинула сорочку, и отвернулась от зеркала, отрицая синюшный цвет кожи и болезненную худобу. Боль прошла... И это несказанно радовало. Прележала в воде не меньше часа... А после, обнаружила, что хозяин сего жилища так и не вернулся. Возможно... Нет. Где он денется? Вернётся скоро. А сейчас у меня есть возможность выдохнуть... Улыбаюсь. Как хорошо быть одной...

☆☆☆☆☆

Прошло несколько дней. Я перебралась с подвала в гостиную, так как в пребывании там больше не было необходимости. Предположения у меня были разные... Одно из них — я, возможно, осталась здесь одна. Совершенно одна... Пугает то, что так и не могу понять — сбылась мечта, или осуществился самый страшный кошмар. Ещё одна немаловажная проблема — я осознала, насколько стала беспомощной.

Я не знаю, где нахожусь. У меня нет денег. Нет теплой одежды, медикаментов, связи с миром и еды. Прошлые пару дней я использовала для приготовления пищи остатки круп и муки, и вот, сегодня, обнаружила, что больше ничего не осталось. Перерыла все полки, папки и тумбочки. Дом обчистили, так что, если денежные сбережения и были на

сохранении — ничего не осталось. К вечеру стало совсем неспособно, и я отправилась на улицу, плотнее запахнув Его пальто на груди. Вдыхала запах, и, словно от назойливой мухи, пыталась отделаться от мысли, что этот запах не претит. Он будоражит душу. Напоминает, что я жива... Что чувствовала себя любимой и желанной. Но, это далеко не единственные чувства, что он мне дал...

Прошла по соседям. Глухо. На расстоянии нескольких километров нет ни одного магазина, где можно было бы попросить хоть хлеба пожевать за работу, или, просто связаться с внешним миром. И я бы дальше шла... Но, живот стал болеть так, что скрутило посреди дороги. Ни лечь ни встать. Кое-как добрела домой... Собака лает. Голоден. Скушает по хозяину. Можно подумать, мне хорошо!

— Заткнись! — Хрипло прорычала, угрожая скотине тапком. — Что ты смотришь на меня жалобно?! По чем мне знать, куда он делся?! Прошла в дом... Скинула верхнюю одежду, и упала на диван, лицом в подушку. Сегодня, к сожалению, нам придется ложиться голодными...

Засыпала с мыслями о нем...

☆☆☆☆☆

Прошел пятый день. Желудок снова прилипал к спине. Сил не было ровным счётом ни на что. Рвота — пустые спазмы скрюченного желудка. Пёс лаял уже без такого воодушевления. Чаще молчал... И больше всего меня смущал даже не голод! Осталась одна таблетка... Одна! И я понимаю, что этой боли просто не выдержу. Подышать с голоду не такая страшная пытка, как от этой боли. Нет, так оставлять все нельзя! Нужно набраться сил и выбираться отсюда! Артем не вернётся... Артем?! Хмыкнула про себя пересохшими губами, и трещинки тут же закровоточили. Да он, наверное, сейчас собой доволен, представляя, как сдыхаю здесь! Сказала, и сама себе не поверила... Интересно, почему так? Разве он не давал повод так думать? Всплывает в памяти его налитый болью взгляд... Сама себе не верю... А вдруг с ним?... Кожа похолодела от одной мысли. Да что с ним станет? Просто, всем на меня плевать....

Нужно выбираться... Подхватила со столешницы нож и направилась вниз. Вышла. Пёс тихонько лежал, привязанный на цепи. Больше не лаял... Подошла впритык. Посмотрел на меня полу-прикрытыми, разбитыми глазами. Не рычит. И, кажется, даже не боится. Взяла лопату... Один удар по голове — и не будет противиться. Стою и плачу. Есть хочется...

— Ты всегда мне не нравился, помнишь? А в сравнении с тем, что со мной сотворил твой хозяин, это будет весьма милосердный поступок...

Глава 26. На краю

Эви

Занесла лопату над псиной, а та... Так жалостливо посмотрела. Молча. Не скулила. Не лаяла. Не бросалась. Так только собаки умеют. В самую душу смотреть. Рука задрожала, на глаза навернулись слёзы. Отбросила инструмент подальше, и обессиленно упала возле животного. Заревела в голос. Это же очевидно. Сил не осталось. Ни жить, ни бороться.. Подошла ближе, улеглась, и потерлась лохматой щекой о мою руку.

— Чего тебе от меня надо, тупая псина? — Притянула ближе к себе, и крепко обняла, утыкаясь мокрым носом в холку. — Эви хотела тебя убить... Хотела съесть тебя! Понимаешь? Понимаешь, какая Эви плохая?!

Но той дела не было. Лизала шершавым языком ладони и грела своим теплом. Словно, несмотря ни на что, мы остались только друг у друга. И та единственная связующая, что была между нами, исчезла. Мы оба, да! Именно, оба! Потеряли кого-то очень важного...

☆☆☆☆☆

Прошло некоторое время, прежде, чем я поднялась с земли. Стало немного легче. Тепла, живого, мне стало крайне не хватать его. Эта псина... Она была частью воспоминаний, связывающих с ним. С чудовищем и любимым в одном лице. Почему-то все дерьмо, что он сотворил, отошло на задний план. И я подумала... Вот, если бы сейчас Артем появился в дверях? Какой была бы моя реакция? Ненависть никуда не делась, но это далеко не единственная эмоция, которую я испытывала. И у меня, наверное, не получилось бы отказать себе в потребности крепко его обнять... По щеке слеза пробежала. Да, эта каша в голове превратилась в злой рок. Пугающий, сбивающий с пути. Я не была более похожа на человека. Тряпичная кукла, которой он меня сделал... Ни на что не способна. Безвольна. Но, мне не претила эта роль... А может ведь быть, так бывает! Что это и есть моя судьба... Стать вот такой! Мышью в руках монстра.

Пробежала пальцами по краю стола. Мне очень дурно. Собака скоро умрет. Я ей едва ли помогу. Мне тоже никто не поможет... Сжимаю кисть на правой руке. Морщусь, глотая тяжелый ком. Поднимаюсь вверх... Включаю напор воды в ванной. Горячей, приятной на ощупь, воды. Ложусь в нее и жду. Жду пока наполнится до края. Одиночество. Полное, беспросветное, съедает изнутри. Живот болит. Тупая боль становится ноющей... Режущей... А потом — невыносимой. Пёс завыл. Наверное, учуял запах смерти. Рвота подступила к небу, глаза закатились, и видимость потеряла ясность.

— Я тебя ненавижу... И люблю... — шепнула, почувствовав тепло внизу живота. Обвела взглядом гладкую поверхность ванной. Чистая, прозрачная жидкость окрашивалась в красный... И я улыбнулась. — Прощай...

... - Малышка, пожалуйста! Прошу тебя! Иди быстро вверх! — Умоляюще проговорила мама, подталкивая меня в сторону лестницы. Смахивала слёзы локтем, и поторапливала, панически.

— Я не уйду! — Цеплялась за нее, рыдая, словно умалишённая. — Не хочу, пожалуйста! Мне страшно! Давай сбежим! — Прижималась, слушая бешеный стук сердца. Своего и её. Женщина тесно обвила вокруг меня руки, и вдруг замерла, когда услышала очередной удар

по двери...

— Беги я сказала! Сейчас! — Но я не среагировала, вернее, этот сукин сын выбил створку быстрее, чем успела. Мать резко повернулась к нему и упала на колени, захлебываясь слезами. — Прощу, она сама! Она уйдет сейчас же, не трогай её! Пожалуйста!

Эта ядовитая ухмылка на лице... Я помнила ее каждый миг! Каждую секунду своей жизни! Молча он подошёл к нам в притык, и так же ухмыляясь, молча, схватил родную за волосы и отбросил от меня, словно та ничего не весила. Потом сжал ворот моего маленького, розового платица, приподнял, так, что мне отняло дыхание из-за обвившей горло ткани, и потащил вверх. Маленькие ножки едва ли поспевали за его грузной походкой. Да я и не старалась... Пока волочил меня на второй этаж, смотрела, как мамочка, задыхаясь от страха, вынимала со спутанной копны выдранные пряди. Смотрела мне в след... С сожалением и безысходностью.

За считанные секунды мы уже стояли у шкафа. Большого, темного шкафа в спальне. Он провернул ключ и открыл дверь, сдавил запястье так, что я всхлипнула от боли. Одним рывком протолкнул меня внутрь ящика, и запер дверь, так быстро, что я даже не успела попросить его быть с ней сегодня помягче...

☆☆☆☆☆

Прошло несколько часов. Несколько часов ее криков, доносившихся по ту сторону двери. Глаза привыкли к темноте. Только детское сознание не привыкло. Сидела, шатаясь взад — вперед, и только слушала тяжёлое дыхание....

— Ах-ха-ха-ах-ах... — И периодические гулкие пинки, удары, сопровождаемые криками. Мне почти семь. Я понимала, что происходит. Он делает с ней это... Делает, и бьёт. Прикрывала уши руками, сдавливала. Я не хотела слышать... Не хотела знать! Я ничего не могу! Ничего! Кроме как пытаться побороть страх тьмы, чтобы после не обременять маму хотя-бы этим. Так продолжалось бесконечно долго... Слышала ее всхлипы. И была рада. Пока она всхлипывает. Пока кричит. До тех пор она точно жива....

Время в шкафу проходило не так, как вне. Некоторые моменты тянулись так долго, что казалось, будто миновали месяцы! А потом, потом... Когда ждать становилось невыносимо сложно, сознание будто отключалось. Не чувствовалось течение часов... И хоть сон не приходил, но оставалась одна надежда. Так случалось каждый раз. Каждый раз после всего кошмара. По роговице резал яркий с непривычки свет, и я слышала любимый голос...

— Эви... Эви... Можешь выходить. Всё закончилось... Эви!...

— Эви? Всё закончилось. Мы вам обязательно поможем!

Глава 27. Верный путь

Виктор Степанович Брусникин

Мой кабинет хорошо оборудован, специально созданный уют располагал к беседе. Он больше напоминал гостиную, чем кабинет врача. В нем стоят несколько удобных кресел и столиков, а также небольшой диван. Настроено мягкое комфортное освещение. Я хочу поговорить с Артёмом без терапевтических методов, исследования его внутреннего мира или наведения его на мысль — провести работу над собой. Я хочу поговорить с ним, как друг, но, дать домашнее задание. Ведь, как не крути, я психиатр, я хочу помочь, а терапия — процесс двусторонний.

— Сначала, Артем, давай договоримся, что ты будешь вести дневник эмоций. Если ты поймёшь всё, о чем сегодня пойдет разговор и проработаешь свое поведение, отношения с окружающим миром, то, однозначно ты увидишь положительное во всем.

Парень никак не отреагировал, он просто отвернулся и уставился на покачивающийся маятник. Многих пациентов привлекала эта штукавина, хотя пользовался я ей в редких случаях.

— Виктор Степанович, я расскажу вам одну историю, и тогда вы вынесете свой вердикт. — Артем лёг на диван и прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Я не знал, что он собирается сказать, но уверен, что этот парнишка, которого я знал с детства не способен на жестокость. — Не так давно, — начал он свое повествование, — я увидел девушку. Увидел, и влюбился в нее без памяти. Я тихо обожал её, видел только в ней смысл своей жизни. Она была для меня идеальной и неприступной. Эви, так зовут девушку, не замечала меня. И, однажды, я решил открыться. Открыться в самый неподходящий момент...

Когда Артем закончил свой рассказ, я сполз в кресле и притих, пытаясь прийти в себя от услышанного. Такого я совершенно не ожидал. Однозначно ему нужна помощь, помощь квалифицированная, амбулаторная. Девушку тоже не мешало бы осмотреть. Судя по его рассказу, она не в себе и нуждается в лечении. Они оба нуждаются в лечении.

Я поднял трубку и нажал на кнопку вызова санитаров.

— Вы хотите оставить меня здесь? — Артем заметно занервничал. — Теперь вы понимаете, что я опасен?

— Да, я хочу понаблюдать за тобой. Мы проведем ряд тестов, я назначу некоторые процедуры, которые смогут выявить больше деталей твоего необычного поведения. — Говоря это, я был обеспокоен. Артем действительно изменился. К нему нужно действительно присмотреться. — Ты согласен? — Он приподнялся и посмотрел на меня безумным взглядом, от которого у меня прошел мороз по коже.

— У меня есть выбор? — Сказал и обернулся на звук открываемой двери. Вошли два рослых парня и остановились, ожидая моего приказа. — Подкрепление, доктор? Думаете, всё так плохо?... А я ведь ещё не согласился, разве это честно? — Его тело пришло в движение: Артем медленно встал.... чересчур медленно.

Я почувствовал подвох, но не успел предупредить санитаров, как он вскочил и бросился к открытому окну. Но мои работники были достаточно опытные, повидали многих пациентов и знали, что можно ожидать, поэтому, едва парень запрыгнул на подоконник и дернул за ручку, как сзади его схватили четыре пары сильных рук и спустили на пол. Артем

неожиданно ловко извернулся и завязалась потасовка. Два огромных детины с трудом удерживали долговязого паренька. Вот это сила! Вот это желание свободы! Сила, которая проявляется у людей с психическими расстройствами. Кто-то впадает в продолжительную депрессию, а кто-то становится агрессивным и невероятно сильным.

— Артём! Сейчас же успокойся! Не делай глупостей! Я помогу тебе, всем чем смогу помогу. Дай только шанс, дай время, парень! — Мои слова возымели действие и он сдался. Опустился на пол и закрыл голову руками, раскачиваясь в разные стороны. На него было больно смотреть. Вся его поза говорила о смирении и страданиях. — Всё будет хорошо, Артем. Всё будет хорошо. — Произнес, давая знак санитарам выполнять свою работу. Они обхватили его безвольное тело и поволокли из кабинета. — Палата одиночная, режим связывания. — Мне вовсе не хотелось применять этот метод, но в данном случае это необходимо.

— Эви! — Простонал он тихо. — Что будет с моей Эви? — Его взгляд был тревожным и молящим. — Помогите ей, доктор! Пожалуйста, сделайте что-то! Она совсем одна! — Артем снова начал вырываться, демонстрируя недюжую силу.

— Я сам поеду за ней. — Успокоил его. — Она будет в порядке. Обещаю тебе! А теперь, ты должен отдохнуть... Уведите!

Да... Это будет нелегкой задачей. Его затяжная детская депрессия ничто по сравнению с тем, что я вижу сейчас. Дай мне сил, Господи! Дай силы пареньку! Выстоять. Выдержать. Стать нормальным человеком. Счастливым человеком...

☆☆☆☆☆

Приехав к дому Артёма, долго блуждал вокруг. Это не дом, а крепость. Удивительно, как сюда смогли пробраться непрошенные визитёры!? Жилище выглядело необитаемым.

Водитель пытался открыть дверь, найденными ключами в кармане Артёма. Один замок, второй... Ещё щелчок... Дверь наконец со скрипом приоткрылась. Мертвая гнетущая тишина...

— Подвал! Ребята, скорее в подвал. Она может быть там. — Не зная почему я торопился. Казалось, ещё мгновение и будет поздно.

Услышал тяжёлый вздох где-то под столом. Нагнулся. На полу лежала собака. Приподняв морду, взглянула на меня с грустью и жалобно заскулила.

— В подвале её нет. — Послышался окрик одного из санитаров.

— На первом этаже тоже. — В дверях появился водитель с вопросительным взглядом.

— Чего вы ждёте?! Наверх! — Не дожидаясь, сам стал взбираться по лестнице, открывая двери одну за одной. Никого! Где же она может быть?! Глаза остановились на незаметной двери, скорее всего ведущей в ванную.

Наш водитель успел первым, зашёл внутрь и тут же выскочил обратно, выворачивая завтрак прямо на свои начищенные ботинки.

— Господи! Что же это?! — Произнес я. За всю свою практику мне не приходилось видеть ничего ужаснее!

Глава 28. Заключение врача

Виктор Степанович Брусникин

— О Господи... — Обхватил ладонью рот, и крепко сжал, чтобы не закричать или того хуже... Не вырвать. Какое-то время просто не мог собраться глядя на... Глядя на обездвиженное, почти безжизненное тело лежащей в собственной крови девушки. Тряхнул головой. Опомнился. — Чего застыли, идиоты?! — Завопил, окинув испуганным взглядом застывших санитаров. — Достаньте ее! Пульс проверьте! Найти источник кровотечения!

Два рослых парня моментально ринулись выполнять приказ, а я смотрел на тощую, невесомую, бледную как сама смерть, девушку, и не мог поверить собственным глазам... "Что же с тобой случилось, почему это все случилось с тобой?..."

— Док, дышит! — Выкрикнул один из пособников, прощупывая тонюсенькую шею.

— Хорошо... — Тяжело вздохнул, подошёл ближе и набросил на обнаженное тело большое банное полотенце, которое нашел на дверном крючке. — Одевайте, быстрее. Нужно как можно скорее отвезти ее в больницу...

☆☆☆☆☆

Пока девушку одевали и переносили в машину, решил осмотреть подвал. Почему-то казалось, что мне нужно побывать там обязательно. Нечто важное заперто за этой дверью. И я был прав... Это ужасное место. От него мороз пробирает кожу. Жутко всё — запах плесени, тусклое, пугающее освещение, сырость, холод... Но больше всего пугало это... Подошёл, и провел пальцем по отчётливым царапкам. На некоторых остались капли запекшейся крови. Я прикрыл глаза и увидел... Увидел то отчаяние, с которым девушка, юная девушка, похищенная из привычной среды обитания, рыдала над этим самопроизвольным календарем. Как считала... Сначала минуты. Затем часы. Дни и ночи. Месяцы... Сердце бешено застучало. На веках проступили слёзы... Я и правда слишком близко к сердцу принимаю судьбу пациентов. И будь я не врач, не специалист, злился бы сейчас на Артёма. Злился, а может даже ненавидел. Но в том то и состоит моя обязанность — смотреть на вещи объективно. Только так. Видеть ее и его сторону. Понимать и принимать причины каждому последствию, и пытаться помочь.

Осмотрел все тщательно. Каждую мелочь, каждую деталь, что повлияла на её состояние. Нашел по дому несколько пустых пачек из-под морфия. Я не специалист, но, мне кажется очевидным, зачем девочка принимала это лекарство. На состояние ее здоровья однозначно повлияла температура и сырость подвала. Судя по рассказам Артёма, она была девственницей, первый секс — насильственный. Он мог ранить ее... Не заметить. Воспаление. Отсутствие надлежащего лечения. Мне страшно слышать вердикт гинеколога... Но начнем мы реабилитацию именно с него.

Вышел во двор. Эвелину уже уложили в машину, и только скулеж собаки напоминал, что этот дом был жилым. Набрал номер.

— Заберите по адресу пса. Необходимо устроить его на длительный срок. Его хозяин... Вернется домой очень скоро...

Эви

Слишком светло... Подумалось, но я заставила себя расклеить тяжёлые веки спустя

некоторое время после того, как пришла в себя. Мне не больно, но, судя по жажде, сковавшей горло, я все таки не умерла, и все таки не в раю. Получается, жива. Мне не больно... Подумала, сложив руки на живот. Я привыкла к этой боли. Она была моей сопровождающей, кажется, целую вечность... А теперь вот, я словно не я. Не понимаю, радоваться или паниковать?

Подняла запястья. Осмотрела кисти. Предплечья, всю себя. С вен торчат иглы от капельниц, надета на мне идеально-белая распашонка. Сил нет. Голова слишком тяжёлая даже для того, чтобы поднять ее и осмотреть... Палату? Да, это наверняка больничная палата. Но, как я сюда попала? Никто не знал где я, где искать. Получается... Приоткрыла рот, разнимая не без труда слипшиеся, потресканные губы.

— Артем... — Прошипела про себя, так тихо, что едва ли сама услышала слог на придыхании.

— Тише, девочка... — Прозвучал незнакомый голос по правую руку от меня. Нехотя обернулась, и уставилась на мужчину средних лет, походившего на доктора Айболита в теле. — Не нервничай. И не делай резких движений. Тебе больно? — Отрицательно мотнула головой. — Ты хочешь пить? — Кивнула, и дяденька любезно приподнес к моим губам стакан прохладной воды. Начала жадно глотать, пока он не отнял посудину. — Не спеши. Пей аккуратно. Никто не отнимет.

Напившись, подтянула дрожащие колени, и, облокотившись на руки, присела. Что-то во мне изменилось. Что-то изменилось навсегда. Не знаю, как, но я это чувствовала. Мужчина не покидал моей палаты. Сидел, и упрямо смотрел на меня, будто ожидая чего-то. Расспросов, просьбы о помощи.

— Как вы узнали обо мне? — Произнесла нерешительно. Насколько это было важно? Просто, первое, что пришло в голову.

— Артём. — Одного упоминания о его имени было достаточно, чтобы сознание перевернулось. Жив... Это самое главное.

— Как... — Помедлила секунду, скривившись от ерзанья иглы, проткнувшей кожу. — Как собака?

Мужчина усмехнулся, но, несколько опустошенно.

— В порядке. Я дал распоряжение, ее отвезли в приют.

— Хорошо...

— Девочка... Эм, то есть, Эвелина... — Несколько замешкавшись, дядька забегал глазами по палате.

— Можно просто Эви.

— Эви... Дело в том, что. — Тяжело вздохнув, он прокашлялся, и с сожалением на меня уставился. — Кое-что случилось. С Вами... Кое что случилось.

Из груди вырвался нервный смешок.

— Доктор, как вас, не знаю имени отчества, вы серьезно? Со мной что-то случилось?! А о чем именно вы сейчас говорите?! Со мной... Со мной уже случилось все, что могло. Всё, что с другими и в кошмарных снах не случилось...

— Я понимаю это... — Протянул печально, и потёр затылок в нерешительности. — Речь сейчас о состоянии вашего здоровья. Вы слишком долго находились в заточении, без надлежащего ухода, лечения, и условий. У вас было воспаление. С осложнениями. Именно потому вы, очевидно, были вынуждены принимать морфий. Это вещество имеет наркотические свойства, потому возможны ломки. За вами будет наблюдать нарколог. Нет,

не думайте... Я понимаю... Судя по заключению врача — боль была адская.

Он замолчал. Палату заполнила тишина. Пауза длиною в жизнь.

— И?

— И... Вам сделали операцию. Эви... Вы больше не сможете иметь детей. Мне жаль.

Глава 29. Хорошая новость

Артем

Для принятия помощи нужно созреть. А я совсем не готов! Помощь нужна не мне, а Эви. Чтобы что-то менять, нужно, чтобы было, к чему двигаться. Впереди должно маячить что-то хорошее, ради чего стоит что-то менять. А у меня нет будущего! Всё изменилось в одну ночь.

Для того, чтобы машина ехала, нужно топливо. Для человека справедливо то же самое. Мне нужно что-то, что поддерживало бы меня, помогало бы что-то делать. Надо передохнуть, взять паузу, собраться с силами. Ситуация изменится сама по себе, без меня. Эви поймет. Она должна понять, что я образумился, я стал другим. Это было какое-то временное помешательство. Если она не простит, не даст шанс — это будет означать крушение моей веры и надежды. Пусть все идёт своим чередом. Пока ситуация не меняется, все еще остается вероятность, что она вернется, что все еще можно вернуть, как было.

— Артем, ты всю жизнь жил в ситуации насилия. Ты видел это и естественно, что другого ты не знал. Не кори себя!

Мне просто хочется поговорить, быть услышанным. Чтобы меня не учили, как жить, а посмотрели в глаза, взяли за руку, просто посидели и выслушали, сказали, что понимают меня. Доктор Брусникин именно тот самый человек. Он всегда понимал меня.

— Не моё дело судить, какой ты, если ты по каким-то причинам выбираешь свои невзгоды вместо благостных перспектив. Моё дело — не лезть туда, куда не просят. Если ты не готов сам что-то делать, значит, не несешь ответственности за свой выбор. Значит, есть большая вероятность, что и за помощь не поблагодаришь, а, возможно, переведешь на меня стрелки, если все пойдет не так. В лучшем случае ты просто не сможешь оценить то, что я для тебя делал. В худшем... в худшем, тебе станет хуже, Артём.

Я понимал о чем он и старался, день изо дня старался стать лучше. Наши сеансы и лечение помогали. И каждый день! Каждый грёбаный день, я думал об Эви.

— Мне же лучше, Виктор Степанович! Вы же сами видите! — Воскликнул я в надежде что доктор устроит нам встречу. Я знал, что она находится здесь и, даже пару раз сбегал на женскую территорию, но меня каждый раз отлавливали и приводили обратно.

— Ещё не время, Артем. — После моего побега Виктор Степанович качал головой и становился расстроенным.

Он не верил! Не верил, что лечение мне помогает. Но, это не так! Я просто хотел видеть свою девочку! Знать, что она в порядке, что с ней хорошо обращаются. Что её никто не обижает.

— Когда!? Скажите, когда? И я стану паинькой. Буду выполнять все требования. — В безудержном порыве, хватая себя за волосы кричал я. Меня тут же выводили под руки из кабинета и накачивали успокоительными.

На следующий день все повторялось: мои попытки разжалобить врача и его снисходительный отказ.

Шли месяцы... Я потерял счёт дням. На прогулках часто смотрел сквозь решетки на женскую половину больницы, пытаюсь разглядеть знакомые очертания худенькой фигурки. Всмотривался в лица, ища черты любимой, но все было тщетно. Отчаяние поглотило меня с головой. Я совсем замкнулся в себе, отказывался от ежедневных сеансов терапии и

пропускал лечебные процедуры.

— Артём, — не выдержал однажды Виктор Степанович, — так дело не пойдёт. Ты же губишь себя! Посмотри! От тебя же остались одни глаза! Где та уверенность, с которой мы начинали? Где тот парень, которого я знал? Верни его! Верни! — Он ходил вокруг моей постели словно наседка возле цыплят. Я даже выдавил из себя улыбку, поглядывая на него. Он до умиления нелепый человек. Самый необычный из всех кого я знаю. Он и сам, наверное, не замечал, насколько карикатурно выглядит: круглый, на голове торчат волосы в разные стороны, небольшая борода и очки придавали ему вид сказочного положительного персонажа.

Я развернулся и, впервые за много месяцев, всмотрелся в его лицо: умные добрые глаза. Глаза, как говорится, зеркало души. Так вот я увидел его душу через зеркало. Увидел по-новому. И захотел стать лучше... Не для себя... Для него! Для этого человека, который возится со мной с детства. Он заслужил, чтобы его старания не прошли даром.

— Вы правы, доктор. — Решительно встал и поправил на себе одежду. — Одну минуточку... — Выскочил в ванную и привел себя в порядок. — Я готов! Я вернулся!

— Вот и славненько! Вот и хорошо! Я знал... Я был уверен... — он как-то волнительно произнес эти фразы, мне даже показалось он пытался сдержать слезы радости. Или мне это только показалось? Он быстро развернулся и открыл передо мной дверь.

Процедуры, прогулки, разговоры по душам, занятия спортом сделали своё дело — я шел на поправку. Виктор Степанович был в восторге. Он не мог не нарадоваться на меня. Постоянно хвалил, стимулировал. Выражал благодарность сотрудникам больницы, которым пришлось со мной повозиться.

— Ты наверняка обратил внимание, что время сегодня, не совсем обычное? Вечернее... Сегодня последний сеанс перед вашей встречей, Артём. Вы оба готовы, поэтому, я пришел к выводу, что вам обоим необходимо поговорить и расставить точки над *i*. — Доктор посмотрел на меня сквозь очки и улыбнулся. — Ты молодец, парень! Я горжусь тобой!

— Как Эви, Виктор Степанович? Вы ничего не рассказываете уже несколько месяцев, а я не спрашивал. Боялся, что вы сочтёте это отрицательной динамикой в моем поведении. — Я затаил дыхание в ожидании ответа. Все эти месяцы, я не прекращал думать о ней. Я засыпал и просыпался с мыслью одной — Эви. Как она? Думает ли обо мне? Вспоминает? — Мне просто нужно знать, что с ней всё хорошо!

— Хороший вопрос. — Неожиданно он встал и указал мне на маятник, висевший на медной статуэтке. — Подойди. — Он щёлкнул застёжкой и открыл крышку: там лежало кольцо. Кольцо Эви... Наш союз и клятва... — Она отдала его мне практически сразу, не желая оставлять воспоминания о тебе. Спросила только однажды... Вчера, она впервые начала просить меня о встрече. Она хочет видеть тебя также сильно, как и ты, парень. — Меня словно током ударило от волнения. Грудь сдавило от радости. Дыхание, казалось, перестало проходить через лёгкие, задержавшись где-то на середине пути. — Девушка ждёт твоего ответа... — доктор улыбнулся своей приветливой улыбкой, протягивая мне вещь циферблатом вниз. — Клади кольцо, если ты согласен. Чего ждёшь?! Встал, как статуя! — Виктор Степанович по-доброму рассмеялся.

Я быстро стянул с себя кольцо и положил на крышку маятника. Доктор осторожно защёлкнул застёжку и повесил его снова на медную статуэтку на полке с книгами.

— Вот и славненько! Вот и хорошо!

— Когда, Виктор Степанович? Когда? — Я не смог сдержать порыва. Всё во мне

трепетало от волнения. Близкая встреча всколыхнула каждое счастливое мгновение, проведенное с ней.

— Скоро, Артём, — он посмотрел на наручные часы, — практически, уже сегодня. — Наконец-то... Год ожидания скоро закончится...

Глава 30. Воспоминания

Ольга Николаевна — психиатр

Увлеченно слушаю невероятный рассказ... О Синдроме Адели, конечно, знает каждый психотерапевт. Однако, далеко не каждый практиковал лечение данного заболевания. В зависимости от индивидуальности каждого отдельного пациента, расстройства данного типа протекали по разному. Некоторые от одержимости могли преследовать объект симпатий, и имели проблемы с законом до лечения. Многие пытались покончить жизнь самоубийством... И некоторым это даже удавалось. В самых плачевных случаях — больной, теряющий самообладание от длительных, непрекращаемых депрессий, паранойи, и накопившейся озлобленности, мог даже совершить покушение! А иногда... С плачевным исходом. После, они и сами жить не хотели. Так этот синдром отнял немало жизней. Увы, не всегда психологическое воздействие имело положительный эффект. Много зависело от опыта врача. Готовности пациенту верить ему... А этот человек, утверждающий о каких-то всемирных заговорах, доказывает, что имел дело сразу с двумя! Больными... Мало того, они, под его бдительным надзором, пошли на поправку! В это верится с трудом... Да и, с чего верить? В первую очередь я должна доверять фактам! А факт — это медицинская карточка, в которой черным по белому указан не шуточный диагноз! Раздвоение личности! Он может быть хоть трижды убедительным... Но, с таким успехом, я и сама скоро попаду на прием к специалисту. Ещё немного, и стану верить в инопланетян, оставляющих странные знаки на полях.

Однако... Его рассказ не оставлял равнодушной. Вот уже час я вникаю в каждое слово, и, чёрт побери, очень хочу знать продолжение невероятной, скорее всего, вымышленной истории.

— Продолжайте, Виктор Степанович... Меня интересует ещё несколько моментов. Во-первых, в чем же проявлялся Синдром Адели в девушке? Она, судя по вашему рассказу, имела определенные привязки к больному, однако, вид расстройства сознания у нее несколько иного характера. Готова поспорить, что след на психике Эвелины оставило заточение, избиение, насилие... Возможно длительное одиночество. И это ещё не говоря о проблемах в семье! Однако, в чем же выражалась ее одержимость по отношению к больному?

— Ооо... Уважаемая Ольга Николаевна... Если бы вы имели возможность наблюдать девушку хоть один день из того времени, что она провела под моим присмотром, вы бы не задавали подобных вопросов. — Мужчина поднял глаза и посмотрел через объемное стекло очков прямо в мои... — Она была зависима от него! Зависима душой и телом. Первое время, пыталась скрыть это. Видимо, в ней боролись противоречивые чувства. Желание отрицать невозможное! Артём... Тот, кто зверски издевался. Взял без спросу контроль над ее жизнью! Взял ее... Причинял боль, физическую и моральную. По его ошибке она лишилась возможности иметь детей! И, тем ни менее, он был необходим ей... Вот вы, женщина в здравом рассудке, можете это объяснить? — Отрицательно повела головой... — И она, юное дитя, сбитое с пути, не могла объяснить этого самой себе. А то, что мы не можем понять, пытаемся отрицать. Разве нет, доктор?

— Соглашусь, но разве это доказывает, что она одержима им?

— Вы только послушайте! — Мужчина даже встал от переизбытка нахлынувших

чувств. — Она каждый день роняла взгляды в поисках его... А когда не находила, злилась на себя за то, что вообще искала. Писала ему письма с признаниями, в конце каждого из которых дописывала презрительное "ненавижу...". Она сидела, шатаясь, на кровати, и шептала его имя одними губами... Спустя месяц... Я нашел в её палате "календарь". Такой же календарь, какой был на цокольном этаже. Она ногтями начала царапать дни! У нее была бумага и ручка, Ольга Николаевна! Но она предпочитала, подсознательно, создать условия, подобные к тем, что окружали ее, когда он был с ней рядом. — Он размахивал руками, становясь сам похож на одержимого, но, очевидно, ничего не мог с собой поделать. — Однажды... Она призналась, что отмечает не то, сколько дней находится в больнице. Она отмечала дни без Него!

Я слушала, и поражалась тому, насколько точно этот человек прочувствовал характер вымышленных подопечных. Насколько пропустил через себя их боль... Ещё немного, и я действительно начну предполагать вероятность, что эти люди есть на самом деле!

— Я думаю, причина, по которой Эвелина не возненавидела своего похитителя, берет корни как раз из не сладостного детства. В таких условиях дети вырастают с ощущением обделенности. Ей не хватало желания родных взять под контроль ее жизнь. Она ощущала на самом деле необходимость... Потребность оказаться в плену того, кто создаст для неё маленький, закрытый от всего социума мир. И сама не подозревала об этом... Можете считать, что я романтик, однако... Если бы синдром, о котором мы с вами говорим, не являлся настолько ужасным, я бы сказал, что он свёл две судьбы, которые нуждались друг в друге ещё до знакомства.

Меня продолжало понимать... Я буквально дышала сказанными словами. Видела и представляла подростков и ситуации как наяву! И интерес пробирал. Я не хотела сегодня более ни одного пациента видеть! Я вспомнила... Что такое на самом деле прикипеть к делу, которое делаешь. Этот маленький, пухленький мужчина... Больной с задатками врача, напомнил мне об этом...

— И как прошла первая встреча после года реабилитации?

"Коллега", неловко подпирая очки на переносице, вдумчиво всмотрелся в окно, с некой печалью... Словно речь шла о людях, которые действительно стали ему родными. Весьма не профессионально... Сказала бы я, если бы действительно имела честь беседовать с доктором наук. Спустя несколько минут тишины, он продолжил...

Виктор Степанович — психотерапевт

Я понимал, что должен рассказать о самом страшном дне в моей жизни, но воспоминания были ужасны. Я поудобнее уселся в кресле, отпил глоток воды и попытался взять себя в руки. Женщина молчала, давая мне возможность сделать выбор: рассказать правду или остаться пациентом ее клиники.

— В тот день, с самого утра, — начал я, — я был, как на иголках, словно отец невесты перед свадьбой дочери. — Я перепроверил результаты анализов, исследований, проведенных с ними обоими. Пролистал вдоль и поперек их амбулаторные карты, ища что-то, что отменит встречу. Что-то, что покажет, что ещё рано... Не время. Но не нашел ничего, что помешает воссоединению влюбленных. Да, — произнес уверенно, видя отрицание в её взгляде, — именно влюблённых! Последние месяцы, оба, как по команде, или, если хотите по велению свыше, принялись усиленно идти на контакт. Соглашались на все процедуры и

тесты, мы много разговаривали и каждый раз! каждый Божий день! Они не переставали думать друг о друге. Мечтательно посматривали в окно, будто видя что-то, только им двоим понятное. И я понял: мое решение — правильное.

— Скажите, Виктор Степанович, а разве не может быть такого, что встреча ухудшит, а не улучшит их самочувствие? — Она привсталла и с интересом обратилась в слух.

— Конечно нет, Ольга Николаевна! Раз только надежда на встречу поставила их на ноги, вы представляете на что способны эти двое, когда встреча состоится?

— Неплохо, неплохо! Я впечатлена. — Она снова села в свое кресло и нажав на кнопку внутреннего телефона, произнесла: — Леночка, два чая, пожалуйста!

— Я не люблю чай! — Неожиданно для самого себя тихо прокомментировал её просьбу-приказ.

Она заливисто рассмеялась, отчего черты ее лица показались не такими резкими.

— Скажу вам по секрету, — она нагнулась над столом, визуально казавшись ближе, — я тоже! Я ненавижу чай! — И снова ослепительная улыбка. — Но, придется нам пока довольствоваться чаем. Ладно, мы ушли от темы, продолжайте.

— Так на чём я остановился? Ах, да... — мысли бежали впереди меня, мешая сосредоточиться. Кофе сейчас был бы кстати. — Так вот, сначала я попросил привести Эвелину, чтобы ещё раз проверить ее состояние. Она выглядела прелестно: в волосах играли солнечные зайчики, глаза блестели предвкушением. Конечно, она нервничала, но это легко объяснимо. Но в целом, держалась она отлично.

— Я вспомнил её нетерпение... Девочка нервно заламывала пальцы и кусала губы. Велел ей присесть и успокоиться. Я нервничал не меньше: ерзал на стуле, перекидывал бумаги из одного конца стола на другой, поправлял очки, чуть не сломав дужку. — И вот... Дверь открылась. Мы с Эвелиной одновременно соскочили со своих мест: она — в желании скорее увидеть, а я — давая знак санитарам удалиться. — Сглотнул, и снова схватился за стакан с водой.

— Ну, не тяните, доктор, продолжайте. — Вот это да! Я уже неосознанно стал для неё коллегой. Великолепно!

— Они встали напротив друг друга, — послушно продолжил рассказ, — и стояли близко-близко. Всматривались в любимые черты, вспоминали... Затем Эвелина со слезами на глазах начала вырезать его профиль поцелуями. Артём, чтоб скрыть, что в его глазах тоже собирается предательская влага, уткнулся ей в шею, крепко обнимая. — Я посмотрел на врача и увидел, что она плачет! Эта жёсткая подборница правил плачет, спрятавшись за бумажной салфеткой. — Ну, ну, перестаньте!

— Всё хорошо! — Остановила она мой порыв встать. — Продолжайте...

— Как скажете, но, если вам...

— Виктор Степанович. Всё. Хорошо.

— Дальше, всё произошло так быстро и неожиданно, что я растерялся и не мог вымолвить ни слова. Просто лепетал что-то бессвязное. — На лбу выступила испарина, я почувствовал, как холодная струйка влаги стекает по носу.

— Вот возьмите. — Ольга Николаевна протянула мне салфетку. — Что произошло дальше?

— Дальше... В приемной послышался грохот и крики. В мой кабинет ворвались несколько человек в масках и окружили Артёма. Он спросил в чем дело, но один из них ударил парня в лицо, оставив его вопрос без ответа. Эвелина попыталась встрять, но и ей

досталось: тот же мерзавец оглушил ее пощечиной. Тогда Артем просто взбесился и начал оказывать сопротивление. Но его быстро приструнили, указав на девочку.

— Это просто ужасно! То, что вы рассказываете невероятно! Почему вы ничего не сделали?

— Я... Я же говорил, всё произошло в одно мгновение. Когда двое мужчин схватили Эвелину, я очухался и потребовал объяснений, чем обратил на себя внимание их главаря. Он отличался от них, был ниже, совсем не спортивного телосложения. Я бы даже сказал, он был старше что-ли. Приказав одному из нападавших держать меня, он что-то вколол мне в шею. Дальше, как в тумане. Крики, шум, звуки ударов. Нас троих забросили в фургон. Больше я их не видел.

— У меня нет слов! Когда это произошло? Сколько прошло времени?

— Моя память стала возвращаться недавно. Я вспоминал постепенно: обрывки разговоров, фрагменты, неясные образы. Сейчас я вам с уверенностью могу сказать — это все абсолютная правда. Меня таскали из одной клиники в другую, запутывали следы, пичкали различной дрянью, пока, я не нашел способ избавляться от лекарств до того, как они попадали мне в желудок. — Она что-то быстро стенографировала за мной, практически не отрывая от меня взгляд.

— Почему вам не делали уколы? Ведь так вы бы не смогли выйти из своего состояния. Им это и нужно было! Как то неосмотрительно с их стороны, не оговорить заранее эту деталь с врачами. И потом, как так получилось, что ни один врач вас не узнал и, вообще, — она задумалась, теребя кончик ручки, — почему они шли на такое?! Не проверив диагноз, по голым переводам... Странно! И у меня ещё остались вопросы... Вы сказали, что можете доказать существование подростков и то, что вы дипломированный психиатр со стажем, насколько я помню из нашей первой беседы. Это так?

Ольга Николаевна

Дорога оказалась невероятно долгой и утомительной... Ума не приложу, как согласилась на эту авантюру? Не просто поехать к черту на рога, за сотню километров от моего города! Вывела из клиники больного! Поручившись за него собственным именем! И ради чего... Ради единственной возможности, шанса, что эта парочка могла существовать на самом деле... Ведь меня тронуло... Не просто тронуло! А тронуло до слёз! Что случилось, не сказать редко... Скорее, не случилось практически никогда. Я усадила уважаемого "коллегу" на соседнее сидение, и повела свой Мерседес, на который копила не меньше трёх лет, в какие-то загородные трущобы... И все потому, что глаза мои горели этой историей. И, не смотря ни на что, я хотела верить этому мужчине.

Спустя час, мы наконец подъехали к скромной, но ухоженной пятиэтажке, которая и являлась, по утверждению профессора, его клиникой. Вошли внутрь.

— Нам на третий этаж. Прошу следовать за мной, в мою обитель... Простите за беспорядок. Сами понимаете, меня не было некоторое время...

Действительно, здание местами стало походить на заброшенное. Внутри почти не было людей. Не уверена, что остались больные; по дороге встретила уборщица и несколько санитаров, каждый из которых, словно дитя счастливое, бросался на встречу, издали заприметив своего пропавшего без вести начальника. На этом этапе я больше не сомневалась... Виктор Степанович однозначно не болен.

— Мои восхищения, коллега... Ваши люди действительно вам преданы. Раз даже остались те, кто работают в отсутствие главного. Едва-ли моя непутёвая секретарша выползла бы из своей квартирке бдиль рабочее место, если бы я пропала хоть на одну неделю!

— Не стоит, Ольга Николаевна... У нас немного времени. Давайте не тратить его на пустяки. В конце концов, у нас ограничения, верно? — Потупила взгляд, чуть не испытала чувство вины. Мне было велено вернуть "больного" в клинику не позднее, чем к восьми часам. И он, видимо, предусмотрел такой исход.

— Вы правы. Давайте поторопимся.

Его кабинет — светлое и уютное место, обустроенное по всем канонам психологии. Располагала буквально каждая деталь, и я даже осмотрелась, изучая беглым взглядом забитые полки с очень полезной литературой!

— Для начала, показать вам дипломы и практики?

Мотнула головой.

— Не стоит. Вижу я пока вполне ясно, и мне отсюда видно ваше имя на некоторых переплетах...

Виктор Степанович довольно улыбнулся, удовлетворенный собственной правотой.

— Что ж, тогда перейдем к главному. Помните кольца, о которых я вам рассказывал? — Мои глаза загорелись ещё больше... Эта вещь подтвердит правдивость его истории на 100%! И, не знаю уж, почему, мне от этого станет легче... Мужчина потянулся к верхнему ящику своего стола. Выудил стос исписаной бумаги, а из-под нее — темный цветастый платочек. Открыл обрезок ткани, и продемонстрировал маленькую бархатную коробочку. Внутри нее — два кольца. Одно больше, второе — меньше. На каждом выгравированы большие буквы. Э

и А. А под ними мелким шрифтом — "Навсегда"...

Тяжело вздохнув, стала искать позади себя опору, чтобы присесть. Благо, там как раз стояла кушетка. Присела, и уставилась на украшения...

— Доктор, вы в порядке? — Кивнула... — Теперь вы понимаете, в насколько ужасном положении оказались несчастные ребята?! И я... И я оказался бессилён! Не смог им помочь... Что же делать... Что делать?!

— Не беспокойтесь... — Промямлила, складывая в голове осколки пазла, преодолевая головную боль. — Не беспокойтесь ни в коем случае, Виктор Степанович... Именем всех преданных своему делу психиатров я клянусь! Что этих ребят мы обязательно спасём...

Больше книг на сайте - Knigoed.net